

5 сд
650

ГАМЛЕТЪ,

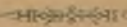
ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

В. Шекспира.

Переводъ съ изданія 1623 г.

Д. В. АВЕРКІЕВА.

...млада, зам-
...ля, конечно,
Полеваго болѣе ... и
...да; но *Гамлетъ* Полеваго пере-
МОСКВѢ онъ все-таки первенствуетъ на
Университетская типографія, на я причина. Кажется, мы не
1895. 1*

35856-204

Отъ переводчика.

На русскомъ языкѣ существуетъ до десяти переводовъ *Гамлета*, и не только возможенъ, но и вполне законенъ вопросъ, съ какой цѣлью и въ какихъ видахъ предпринять новый. На такой вопросъ, будь онъ предложенъ мнѣ, я отвѣчалъ бы съ полной откровенностью, что взялся за трудъ, имѣя по преимуществу въ виду нужды русской сцены. Въ самомъ дѣлѣ, пзо всѣхъ переводовъ *Гамлета* доселѣ полнымъ правомъ гражданства пользуется переводъ Полеваго, сдѣланный уже болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ, при литературныхъ обстоятельствахъ, далеко не похожихъ на наши, при иномъ взглядѣ на Шекспира, при иномъ его пониманіи и при иныхъ задачахъ театра. Были попытки вытѣснить переводъ Полеваго со сцены, но онѣ никогда не увѣнчивались полнымъ и прочнымъ успѣхомъ; театръ черезъ болѣе или менѣе значительный промежутокъ снова возвращался къ Полевому. Недостатки перевода Полеваго общеизвѣстны: онъ часто не точенъ, съ произвольными сокращеніями, добавленіями и даже передѣлками (особенно въ IV актѣ); всѣ роли, кромѣ *Гамлета*, значительно обезцвѣчены и сокращены,—обстоятельство, свидѣтельствующее о дурной привычкѣ нашего театра обращать вниманіе не на пьесу, а на одну главную роль.

Въ чемъ-же, не смотря на значительные недостатки, тайна привлекательности этого перевода для артистовъ? Высказывалось мнѣніе, что на немъ отразилось вліяніе романтизма; но входя въ разборъ основательности такого взгляда, замѣтимъ, что подобное обстоятельство въ свое время, конечно, могло способствовать предпочтенію перевода Полеваго болѣе точному и литературному переводу Вронченка; но *Гамлетъ* Полеваго пережилъ время романтизма, и если онъ все-таки первенствуетъ на сценѣ, то тому должна быть иная причина. Кажется, мы не

ошибемся, сказавъ, что она заключается, сверхъ положительной удачѣ въ передачѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, преимущественно въ роли *Гамлета* (что врядъ-ли будутъ отрицать самые ярые противники Полеваго), въ болѣе живомъ языкѣ перевода. Именно, эта живость языка, столь существенная при передачѣ драмъ Шекспира, и должна была прельщать наиболѣе талантливыхъ артистовъ, не желавшихъ ограничиваться одной болѣе или менѣе условной декламаціей, (что неизбѣжно въ переводахъ, сдѣланныхъ условнымъ книжнымъ языкомъ), а желавшихъ говорить въ роли *Гамлета*, желавшихъ изобразить не условную трагическую фигуру, а живого человѣка. Эта живость языка побуждала и малую литературность перевода, сказывающуюся особенно въ стихахъ. Полевой, безъ сомнѣнія, былъ даровитый самоучка, но ухо у него не было достаточно развито: отсюда ошибки противъ стихосложенія; онъ то не чувствуетъ, что переноситъ удареніе въ имени героя пьесы со второго слога на первый, то пишетъ хореемъ вмѣсто ямба (обычно, когда предыдущій стихъ имѣетъ женское окончаніе), то, наконецъ, вовсе не соблюдаетъ размѣра.

Въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ, въ театрѣ кромѣ указанныхъ опытовъ замѣнить переводъ Полеваго другимъ, болѣе точнымъ, были сдѣланы попытки дополнить и улучшить текстъ Полеваго. Дѣлается это весьма просто: артисты, свѣривъ переводъ Полеваго съ текстомъ другихъ переводовъ, вставляютъ изъ нихъ пропущенныя Полевымъ мѣста, или замѣняютъ его стихи выраженіями изъ другихъ переводовъ, кажушимся имъ болѣе удачными.¹ Такое обстоятельство указываетъ однако, что театръ уже не довольствуется „вольнымъ“ переводомъ Полеваго, и требуетъ новаго, болѣе точнаго и полнаго.

Отсюда ясно, что переводъ, имѣющій въ виду сцену, долженъ удовлетворять двумъ условіямъ: 1) быть по возможности точнымъ

¹ Нельзя не замѣтить, что тоже практикуется въ нашемъ театрѣ и относительно другихъ пьесъ Шекспира. Афиша увѣряетъ, что пьеса дается въ переводѣ такого-то, а въ сущности текстъ ея составной, изъ двухъ, или трехъ переводовъ. Всякій переводъ, какими бы достоинствами и недостатками онъ ни обладалъ, все же представляетъ нѣчто цѣлое, отражающее въ себѣ и талантъ, и пониманіе переводчика, а потому составные переводы, съ точки зрѣнія здраваго литературнаго вкуса, являются нѣкотораго рода варварствомъ и свидѣтельствуютъ объ упадкѣ литературности въ нашемъ театрѣ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, и исполненіе часто бываетъ также составнымъ, то есть сложеннымъ изъ отдѣльныхъ кусочковъ, исполненія другихъ, болѣе талантливыхъ и самостоятельныхъ артистовъ.

и 2) отличаться живымъ языкомъ. Такую именно задачу имѣлъ я въ виду, приступая къ переводу *Гамлета*. На сколько я достигъ цѣли — судить не мнѣ. Я не на столько самонадѣянъ, чтобъ утверждать, будто мною ничего не упущено и все передано съ безусловной точностью; но не боясь обвиненія въ излишней хвастливости, смѣю замѣтить, что мною ничего не прибавлено къ Шекспировскому тексту *отъ себя*, ради красоты или звучности рѣчи, или ради пополненія недостающихъ словъ въ стихѣ.

Настоящій переводъ есть плодъ многолѣтняго труда; оконченный еще въ 1889 году, онъ въ послѣднее время снова пересмотрѣнъ и исправленъ мною. За долгую работу, незамѣтно для меня самого, у меня выработалась извѣстная метода перевода, изъ опыта мною выведены нѣкоторыя правила, которыя, можетъ быть, оказались бы небезполезными и для другихъ; мнѣ также хотѣлось высказать соображенія о трехъ редакціяхъ, въ которыхъ дошелъ до насъ Шекспировскій *Гамлетъ* и уяснить почему я предпочтительно предъ другими выбралъ для перевода редакцію изданія 1623 года; я думалъ также сдѣлать замѣчанія о характерѣ дѣйствующихъ лицъ и о постановкѣ пьесы на сцену. Все это должно было составить родъ предисловія къ переводу. Къ сожалѣнію, состояніе моего здоровья не позволяетъ мнѣ мечтать о скоромъ окончаніи предположенной работы, и не желая задерживать печатаніе перевода на неопредѣленное время, я ограничиваюсь этими немногими строками, предоставляя себѣ впослѣдствіи изложить упомянутыя соображенія, мнѣнія и взгляды въ особой статьѣ, которая составитъ послѣсловіе къ труду, предлагаемому нынѣ читателю.

Считаю долгомъ выразить чувства благодарной признательности академику К. Н. Бестужеву-Рюмину, который былъ столь добръ и внимателенъ, что свѣрилъ мой переводъ съ подлинникомъ и указалъ мнѣ на неточности и недосмотры, которые безъ того остались бы неисправленными.

Д. А.

С.-Петербургъ.
11-го февраля, 1894.

ГАМЛЕТЪ,

ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, В. Шекспира.

Переводъ съ изданія 1623 г. Д. В. Авериева.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Клавдій, король Датскій.

Гамлетъ, сынъ бывшаго и племянникъ нынѣшняго короля.

Полоній, оберъ-камергеръ.

Гораціо, другъ Гамлета.

Лазръ, сынъ Полонія.

Духъ отца Гамлета.

Вольтимандъ

Корнелій

Розениранць

Гильденштернь

Осринъ.

Марцелль

Бернардо

Франциско, солдатъ.

Рейнальдо, слуга Полонія

Дворянинъ.

Патерь.

Капитанъ.

Посланникъ

1-й

2-й

3-й

1-й

2-й

Матросъ.

Гонецъ.

Фортинбрасъ, принцъ Норвежскій.

Служитель.

Гертруда, королева Датская, мать Гамлета.

Офелія, дочь Полонія.

Придворные кавалеры и дамы, офицеры, солдаты, актеры, служители.

Дѣйствіе въ Эльсинорѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Платформа передъ замкомъ.

Франциско на часахъ. *Входитъ* Бернардо.

Бернардо.

Кто здѣсь?

Франциско.

Ты отвѣчай мнѣ: стой

И объявись.

Бернардо.

Да здравствуетъ король!

Бернардо?

Франциско.

Бернардо.

Онъ.

Франциско.

Вы во-время, какъ разъ,

Пришли на смѣну.

Бернардо.

Пробило двѣнадцать:

Ступай-ка спать, Франциско.

Франциско.

Вотъ, за смѣну

Великое спасибо: страшный холодъ

И мнѣ не по себѣ.

Бернардо.

Все тихо было?

Франциско.

И мышь не шевельнулась.

Бернардо.

Прекрасно;

Покойной ночи. Если повстрѣчаешь
Марцелла и Гораціо, мопхъ
Товарищай по караулу,—скажешь,
Чтобъ торопилися.

Входятъ: Гораціо и Марцелль.

Франциско.

Да, вотъ, нибябъ

Они. Стой: кто идетъ?

Гораціо.

Друзья земли.

Марцелль.

Присяжные вассалы короля.

Франциско.

Покойной ночи вамъ.

Марцелль.

Прощай, служивый.

А кто смѣнилъ?

Франциско.

Бернардо въ караулъ.

Покойной ночи.

Марцелль.

Эй, Бернардо!

Бернардо.

Слушай:

Гораціо съ тобой?

Гораціо.

Я за него.

Бернардо, Гораціо.

Ну, здравствуйте.—И ты, Марцелль...

Марцелль.

Ну, что,

Являлось нынче снова?

Бернардо.

Я не видѣлъ.

Марцелль (*указывая на Гораціо*).

Онъ все считаетъ нашею мечтой,
И вѣры не даетъ ужасному видѣнью,
Что дважды намъ являлось. Потому-то
Я настоялъ, чтобъ нынче въ караулъ
Онъ съ нами простоялъ всю ночь. И если призракъ
Придетъ опять, то и видѣнье наше
Онъ подтвердитъ, и съ нимъ заговорить.

Гораціо.

И, полно! не придетъ.

Бернардо.

Пока присядемъ

И станемъ снова штурмовать вашъ слухъ,
Что такъ вооруженъ противъ разсказа
О томъ, что мы двѣ ночи къ ряду
Видали.

Гораціо.

Ладно, сядемъ

И пусть Бернардо поразкажетъ намъ.

Бернардо.

Вчерашней ночью,
Когда вотъ эта самая звѣзда,
Что въ западу отъ полюса, взошла,
Чтобъ освѣтить частицу неба, гдѣ
Сейчасъ она горитъ.—Марцелль и я..
Тутъ колоколь ударилъ часъ...

Входитъ: Духъ.

Марцелль.

Тс! тише.

Глади: опять идетъ.

Бернардо.

И въ томъ же видѣ:

Король покойный.

Марцелль.

Ты ученый,

Гораціо: заговори же съ нимъ.

Бернардо.

Замѣть, Гораціо: похожь на короля?

Гораціо.

Весьма. Меня всего перевернуло
Отъ изумленія и страха.

Бернардо.

Онъ желаетъ,

Чтобъ говорили съ нимъ.

Марцелль.

Спроси его,

Гораціо.

Гораціо.

Кто ты,

Что смѣешь похищать въ полночный часъ
Воинственный и чудный образъ,
Въ которомъ нѣкогда ходилъ
Покойный нашъ король? О, небесами
Тебя я заклинаю: говори!

Марцелль.

Онъ оскорбленъ.

Бернардо.

Гляди! уходитъ!

Гораціо.

Стой!

Стой, говори: тебя я заклинаю.

(Уходитъ Духъ).

Марцелль.

Ушелъ, не хочетъ отвѣчать.

Бернардо.

Ну, что-жь,

Гораціо?.. дрожите вы, блѣдны..

И что же это, наша лишь мечта?

Что скажете?

Гораціо.

Какъ передъ Богомъ,

Я не повѣрилъ бы, не будь прямого

И яснаго свидѣтельства очей.

Бернардо.

Похожь на короля?

Гораціо.

Какъ ты

На самого себя. Такая же броня
Была на немъ, когда онъ побѣдилъ
Честолюбиваго Норвежца; также
Насунился, когда въ переговорахъ
Онъ гнѣвно бердышемъ хватилъ объ ледъ.
Какъ странно!

Марцелль.

Раньше, точно также, дважды

И въ тотъ же мертвый часъ, предъ нами
Онъ проходилъ воинственной походкой.

Гораціо.

Что же именно подумать, я не знаю;
Но вообще, на сколько умъ предвидитъ,
Оно бѣдою Даніи грозитъ.

Марцелль.

Ну, сядемте. И пусть, кто знаетъ, скажетъ:
Зачѣмъ насъ всѣхъ томить такъ по ночамъ
И строгая, и бдительная стража?
И что ни день отливка мѣдныхъ пушекъ?
И скупка боевыхъ снарядовъ заграницей?
И силой корабельныхъ мастеровъ
Берутъ въ наборъ, п тяжкою работой
Ихъ мучать въ воскресенье, какъ и въ будни?
Къ чему готовятся, что въ потной спѣшкѣ
И ночь ужъ стала страдною порой,
Какъ день? Кто объяснить мнѣ это?

Гораціо.

Я.

Вотъ что, по крайности, другъ дружкѣ шепчатъ.
Покойный нашъ король, чей образъ намъ
Сейчасъ являлся, вызванъ былъ на бой,
Какъ знаете, Норвежскимъ Фортнибрасомъ,
Уязвленнымъ завистливой гордыней.
Въ единоборствѣ, доблестнымъ Гамлетомъ

(Такимъ онъ признавъ пашей частью свѣта)
 Убить былъ Фортинбрасъ. А побѣжденный,
 Лишался съ жизнью и своихъ владѣній,
 Согласно договору за печатью,
 Законно утвержденному судомъ
 И рыцарской герольдіей. Равно
 Представленъ былъ и нашимъ королемъ
 Залогъ такой же цѣнности, который
 И сдѣлался бѣ наследьемъ Фортинбраса,
 Когда ему бы выпала побѣда.
 Итакъ, по силѣ договора и по смыслу
 Указанныхъ статей, его владѣнья
 Достались покойному Гамлету—
 Теперь же, сударь, юный Фортинбрасъ,
 Неопытной отвагою пылая,
 Для замысловъ какихъ-то ненасытныхъ,
 Повсюду на окраинахъ норвежскихъ,
 Набралъ толпу бездомныхъ улаьцовъ,
 Ихъ поманивъ кускомъ. А цѣль его
 (Какъ нашему правительству извѣстно)
 Принудить насъ вооруженной силой
 Къ возврату вышесказанныхъ земель,
 Утраченныхъ его отцомъ. И вотъ,
 По моему, въ чель главная причина
 Вооруженій; тутъ же и источникъ
 Всѣхъ нашихъ карауловъ, и основа
 Всей этой спѣшки и гоньбы.

Снова входитъ: Духъ.

Но тише!

Гляди: идетъ! Хотя бѣ онъ опалилъ
 Меня,—ему я заступлю дорогу.
 Стой, привидѣнье!
 И если у тебя есть звукъ какой, или голосъ,
 То говори!
 Потребно-ль сдѣлать нѣкое добро
 Тебѣ на пользу, во спасенье мнѣ,—
 То объяви!
 Грозить ли родинѣ бѣда, ее же,
 Узнавъ, по счастью можно упредить,—
 То объяви!

Иль ты при жизни скрылъ въ земной утробѣ
 Сокровище неправожитое?..
 Какъ говорятъ, въ духи пзъ-за клада
 Слоняется перѣдко послѣ смерти...

(Пѣтухъ поетъ.)

Стой, отвѣчай! Держи его, Марцелль!

Марцелль.

Ударить бердышемъ?

Гораціо.

Ударь, когда

Не остановится.

Бернардо.

Онъ здѣсь,

Гораціо.

Онъ тутъ.

(Уходитъ: Духъ.)

Марцелль.

Ушелъ.—Онъ такъ величественъ, и дурно
 Мы поступили, оказавъ ему
 Безвредное насиліе: вѣдь онъ
 Неуязвимъ, какъ воздухъ.
 И наши тщетные удары оказались
 Лишь злостною насмѣшкой.

Бернардо.

Онъ хотѣлъ

Заговорить, какъ вдругъ заиѣлъ пѣтухъ.

Гораціо.

И вздрогнулъ онъ при этомъ, какъ виновный,
 Котораго на грозный судъ зовутъ.
 Я слышала, что пѣтухъ,
 Трубачъ передразвѣтный, будить
 Своимъ пронзительнымъ и громкимъ крикомъ
 Дневнаго бога. При такой тревогѣ
 Всѣ духи что слоняются и бродятъ,
 Гдѣ бѣ ни были они, въ огнѣ, въ землѣ,
 Въ водѣ, или въ воздухѣ,—спѣшать вернуться

Въ свои мѣста. И вотъ, повѣрье это
Сейчасъ лишь оправдалось передъ нами.

Марцелль.

И онъ исчезъ при крикѣ пѣтуха.
Еще есть слухъ, что какъ приходитъ время
Намъ славословить Рождество Христово,
Всю ночь поетъ пѣвунъ передразвѣтный —
И духи ужъ тогда бродить не смѣютъ:
И ночи тѣ — здоровья: тогда
Безвредны звѣзды, чары не берутъ
И вѣдовство становится бесплотно, —
Такъ благодны и святы эти ночи.

Горацио.

Я тоже слышалъ, и отчасти вѣрю.
Но поглядите: вонъ, въ плащѣ пурпурномъ,
Идетъ ужъ утро по росѣ холма,
Тамъ, на востокѣ. Конченъ караулъ.
И мой совѣтъ: объ этомъ обо всемъ
Пересказать Гамлету молодому.
Клянуся жизнью, этотъ духъ — нѣмой
Для насъ — съ нимъ станеть говорить. Согласны-ль,
Что намъ ему объ этомъ рассказать
И долгъ велить, и чувство дружбы?

Марцелль.

Да.

Мы такъ и слѣлаемъ. Я встати знаю
Гдѣ нынче мы его найдемъ навѣрно.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Тамъ же. Тронная зала въ замкѣ.

Входятъ: Король, Королева, Гамлетъ, Полоній, Лаэртъ, Воль-
тимандъ, Корнелій и придворные навалеры.

Король.

Хотя еще свѣжо воспоминанье
О смерти нашего возлюбленнаго брата,
И намъ прилично въ скорби укрѣплять

Сердца, а поданнымъ всѣмъ нашимъ — слиться
Въ одинъ печальный обликъ; но разсудокъ
На столько въ насъ ужъ побѣдилъ природу,
Что съ мудрой грустью думая о немъ,
Мы и самихъ себя не забываемъ
А потому-то: бывшую сестру,
А нынѣ королеву нашу, — съ кѣмъ
Мы раздѣляемъ царственную власть
Надъ этою воинственной землею, —
Съ весельемъ, такъ-сказать, разбитымъ горемъ,
Съ слезой въ глазу, съ надеждою въ другомъ,
Со свадебнымъ пригѣвомъ на поминкахъ,
Съ заплачкой похоронною на свадьбѣ...
Уравновѣсивъ и печаль, и радость,
Мы положили взять себѣ въ супруги.
И тутъ мы не перечили ни мало
Высокой вашей мудрости: свободна
Она была въ семь дѣлъ. И за все
Благодаримъ васъ. — (Общій поклонъ.)

А теперь о томъ,

Что юный Фортинбрасъ, какъ вамъ извѣстно,
О нашей доблести въ сужденіи низкомъ,
Мечтая о своемъ надъ нами превосходствѣ,
Иль думая, что наше государство
По смерти намъ любезнѣйшаго брата,
Въ основахъ шатко и готово пасть, —
Намъ надоѣлъ посланцамп своими,
Все требуя возврата тѣхъ земель
Что отъ его отца вполне законно
Себѣ присвоилъ доблестный нашъ братъ.
О немъ я кончилъ. Что до насъ самихъ
И дѣли настоящаго собранья,
То вотъ въ чемъ дѣло: королю
Норвежскому и дядѣ Фортинбраса
(Онъ хилъ и боленъ, и едва ли знаетъ
О замыслахъ племянника), — мы пишемъ
Вотъ въ этой грамотѣ, чтобъ онъ пресѣлъ
Дальнѣйшій ходъ всѣхъ этихъ начинаній:
Его же поданныхъ берутъ въ наборъ
И съ нихъ же тянутъ всякіе поборы.

Вамъ, добрый Вольтимандъ, и вамъ, Корнелій,
Мы поручаемъ отвезти привѣтъ нашъ
Маститому Норвежцу, не давая
Для полнаго улаженія дѣла
Иныхъ дальнѣйшихъ полномочій, кромѣ
Подробно обозначенныхъ въ наказѣ.
Счастливыи путь! Пусть ваша быстрота
Намъ дастъ свидѣтельство о вашемъ долгѣ.

Корнелій и Вольтимандъ.

И въ этомъ, какъ во всемъ, мы, государь,
Исполнимъ долгъ.

Король.

Мы вѣримъ вамъ вполне.

Счастливаго пути!

(Уходятъ: Вольтимандъ и Корнелій.)

Ну, что, Лаэртъ?

Вы толковали о какой-то просьбѣ...
Что тамъ еще? Въ чемъ дѣло? Вы, Лаэртъ,
Резонно говори съ монархомъ Датскимъ,
Не можете напрасно тратить словъ.
О чемъ бы могъ ты попросить, что было бъ
Твоею просьбой, не моимъ желаньемъ?
Рука не такъ послушлива устамъ
И сердце головѣ не такъ единокровно,
Какъ твоему родителю,—тронъ Датскій.
Чего ты хочешь?

Лаэртъ.

Грозный государь,—
Какъ милости, прошу о дозволеньи
Во Францію вернуться; я оттуда
Ко дню вѣнчанья вашего спѣшилъ,
Исполнивъ долгъ, теперь я сознаюся
Что мысли и желанія влекутъ
Меня назадъ во Францію; я ихъ
Предъ вашей милостью покорно повергаю.

Король.

А есть ли позволеніе отца?
Согласенъ ли Полоній?

Полоній.

Государь,—

И я прошу васъ отпустить его.

Король.

Такъ въ добрый часъ! И временемъ твоимъ
Располагай, какъ только пожелаешь.
Теперь, Гамлетъ, нашъ родственникъ и сынъ.

Гамлетъ, *про себя.*

Хоть и родня, но не одной породы.

Король.

Надъ вами все еще нависли тучи?

Гамлетъ.

Нѣтъ, я ничѣмъ не защищенъ отъ солнца.

Королева.

Сбрось, милый мой Гамлетъ, ночныя тѣни,
И дружески взгляни на короля.
Не вѣчно жъ благороднаго отца
Искать во прахѣ, опустивъ рѣсницы.
Ты знаешь: такова людская доля,
Что всѣ живые умереть должны,
Черезъ естество переселяясь въ вѣчность.

Гамлетъ.

Да, государыня: ужъ такова
Людская доля.

Королева.

Отчего жъ она

Тебѣ лишь кажется необычайной?

Гамлетъ.

Какъ кажется? Нѣтъ, такова и есть.
Я этихъ „кажется“ не знаю вовсе.
Нѣтъ, матушка: ни этотъ черный плащъ,
Ни то, что я ношу обычный полный трауръ,
Ни шумный стонъ насильственнаго вздоха,
Нѣтъ, ни обильные ручьи изъ глазъ,
Ни выраженіе убитости въ лицѣ,
Ни всѣ обычай и образы печали

Не могутъ выразить меня правдиво.
 Все это, точно можетъ и казаться.
 Все это люди могутъ и представить,—
 Но для того, что у меня въ груди,
 Нѣтъ выраженія. А остальное
 Лишь украшенія и уборы горя.

Король.

Гамлетъ! и мило намъ, и вашимъ чувствамъ
 Приносить честь, что вы, согласно долгу,
 Грустите по отцѣ. Но надо помнить,
 Что вашъ родитель схоронилъ отца,
 А тотъ покойный своего лишился.
 И пережившій, послѣ погребенья,
 По долгу сыновства, на данный срокъ
 Обязанъ посвятить себя печали.
 Но пребывать въ упорномъ сокрушеніи
 Есть дѣло нечестиваго упрямства.
 Такая скорбь—мушны недостойна,
 Въ ней непокорство воли небесамъ,
 Нетерпѣливость духа, слабость сердца,
 Необразованный и пошлый умъ.
 Къ чему же намъ, въ строптивомъ противленіи,
 То къ сердцу принимать, что неизбежно
 Какъ знаемъ мы; что наконецъ обычно,
 Какъ самая пустая вещь на свѣтѣ.
 О, стыдъ! Вѣдь это грѣхъ на небо, грѣхъ
 Противъ усопшихъ и природы, грѣхъ
 Противный разуму: иль смерть отцовъ
 Не стала темой общихъ разсужденій?
 Иль разумъ не твердитъ намъ непрестанно
 Отъ трупа перваго до человѣка,
 Что умеръ нынче утромъ: „да, иначе
 И быть не можетъ. И мы просимъ васъ,
 Отбросьте эту тщетную печаль,
 Считайте насъ отцомъ, и пусть всѣ знаютъ,
 Что вы ближайшій человѣкъ къ престолу.
 Я васъ люблю съ неменьшимъ благородствомъ,
 Чѣмъ чувствуетъ отецъ дрожайшій къ сыну—
 Что до желанья вашего уѣхать снова

Учиться въ Виттенбергъ,—оно весьма
 Противно нашему. Мы умолемъ,
 Принудьте же себя, останьтесь здѣсь
 На радость и утѣху нашимъ взорамъ,
 Какъ первый при дворѣ, какъ нашъ племянникъ,
 Какъ сынъ.

Королева.

Гамлетъ, не допусти, чтобъ мать
 Просила по пустому. Согласись,
 Останься здѣсь, не ѣзди въ Виттенбергъ.

Гамлетъ.

Я повинуюсь вамъ отъ всей души.

Король.

Вотъ это славный, дружескій отвѣтъ!
 И будьте въ Даніи, какъ сами мы.—
 Гойдемте, государыня. О, это
 Непринужденно-милое согласье
 Отозвалось улыбкой въ нашемъ сердцѣ.
 А потому-то нынче что ни кубокъ
 За здравье выпьетъ весело король,
 То облакамъ о немъ разскажутъ пушки,
 И небеса, въ отвѣтъ земнымъ громамъ,
 О нашей чашѣ возгремятъ. Пойдемте.

(Уходятъ: всѣ, кромѣ Гамлета).

Гамлетъ.

О, если бъ это тѣло, черезчуръ
 Ужъ плотное, могло растаять,
 Расплавиться и разрѣшиться въ росу!
 Иль если бы не возбранилъ Предвѣчный
 Самоубійства?.. Боже, Боже! Какъ
 Изношено, потерто, бесполезно
 И плоско кажется мнѣ все на свѣтѣ!
 Фу, мерзость! фу!..
 Миръ—садъ неполотый, гдѣ все растеть
 На сѣмена; въ немъ мѣсто только
 Дебелому да грубому. Могло же
 До этого дойти! Всего-то на-все
 Два мѣсяца какъ умеръ онъ,—нѣтъ, меньше

И двухъ-то нѣтъ!.. Король такой великій,—
 Въ сравненіи съ этимъ самъ Гиперіонъ
 Передъ сатиромъ. Къ матери моей
 Такъ нѣженъ былъ что радъ былъ запретить
 Небеснымъ вѣтрамъ слишкомъ грубо
 Ей дуть въ лицо. О, небо и земля!
 Ужъ вспоминать ли мнѣ? Она къ нему
 Таеъ льнула, будто, насыщаясь,
 Желаніе росло. И черезъ мѣсяцъ—
 Нѣтъ, лучше и не думать! Хрупкость
 И женщина—одно и то же слово.
 Не больше мѣсяца... Еще не износились
 Тѣ башмаки, въ которыхъ шла она
 За тѣломъ, вся въ слезахъ, какъ Ніобея.
 И вотъ она, она сама—о Боже!
 Звѣрь, не умѣющій связать двухъ мыслей.
 Грустилъ бы долѣе—ужъ вышла за-мужъ
 За лядю, брата моего отца,
 Который также на отца похожъ,
 Какъ я на Геркулеса!.. Черезъ мѣсяцъ...
 И соль обманныхъ слезъ еще блеститъ
 Въ ея натертыхъ до-красна глазахъ,
 А замужемъ... О, гнусная поспѣшность!
 Стремительно таеъ броситься въ объятія
 Прелюбодѣя... Нѣтъ, не хорошо,
 Не поведетъ къ добру... Но, сердце, разорвись!
 Мнѣ надо придержать языкъ.

Входятъ: Гораціо, Марцелль, Бернардо.

Гораціо.

Примите

Привѣтъ нашъ, государь.

Гамлетъ.

Какъ радъ я вамъ!

Здоровы ль вы?.. Гораціо, иль память
 Слаба становится...

Гораціо.

Онъ самый, принцъ.

Всегдашній вашъ слуга.

Гамлетъ.

Нѣтъ: добрый другъ,

Гораціо: вѣдь съ вами мы друзья.
 Но чѣмъ же вамъ наскучилъ Виттенбергъ?..
 Марцелль?..

Марцелль.

Мой добрый принцъ!..

Гамлетъ.

Какъ радъ я вамъ!..

Бернардо.

И вамъ... Но чѣмъ же, такъ, по правдѣ
 Вамъ Виттенбергъ наскучилъ?

Гораціо.

Добрый принцъ.

Лѣнь одолѣла.

Гамлетъ.

Да такихъ рѣчей

Отъ вашего врага я не желалъ бы слышать.
 Такъ не наслуайте жъ моихъ ушей,
 Ихъ вѣрять заставляя обвиненьямъ
 Что на себя вы взводите. Я знаю
 Вы не лѣнивы... Въ Эльзиноръ зачѣмъ?
 Что тутъ у васъ за дѣло? До отбѣзда
 Мы васъ научимъ пьянствовать.

Гораціо.

Я ѣхалъ

На погребенье вашего отца.

Гамлетъ.

Пожалуйста, товарищъ, надо мною
 Не надсмѣхайся такъ... Вѣрнѣй, чтобъ быть
 На свадьбѣ матери моей.

Гораціо.

Одно

Вслѣдъ за другимъ случилось такъ скоро.

Гамлетъ.

Разсчитъ, Гораціо, разсчитъ. Жаркое
 Съ поминкомъ — пригодилося холоднымъ

На свадебный обѣдъ. Мнѣ легче бѣ было
Увидѣть злѣйшаго врага въ раю,
Чѣмъ этотъ день... Отецъ!.. Какъ будто
Его я вижу...

Гораціо.

Гдѣ, принцъ?

Гамлетъ.

Предъ очами

Души моей, Гораціо.

Гораціо.

И я

Видалъ его: онъ истый былъ король.

Гамлетъ.

Всегда во всемъ онъ человѣкомъ былъ
Ему подобнаго ужь мнѣ не видѣть...

Гораціо.

А мнѣ вотъ кажется, что прошлой ночью
Его я видѣлъ.

Гамлетъ.

Видѣлъ ты?.. Кого?

Гораціо.

Принцъ, вашего отца.

Гамлетъ.

Какъ моего отца?

Гораціо.

Умѣрьте ваше удивленье, принцъ,
И слушайте внимательно, пока
Я вамъ не расскажу объ этомъ чудѣ
Свидѣтели — вотъ эти господа.

Гамлетъ.

О, ради Бога!

Гораціо.

Эти господа,

Бернардо и Марцелль, двѣ ночи кряду
Держали караулъ, и вотъ чему
Въ полночный, мертвый и пустынный часъ
Они свидѣтелями были. Образъ,

На вашего отца похожій, въ полномъ
Вооруженіи, съ головы до пятъ,
Явился вдругъ, и важною походкой
Прошелъ предъ ними тихо, величаво.
И трижды проходилъ онъ передъ ихъ
Отъ страха неподвижными очами,
На разстоянїи своего жезла;
И обливаясь холоднымъ потомъ,
Они молчали, говорить не смѣя;
И подъ строжайшей тайною потомъ
Все рассказали мнѣ. На третью ночь
Я съ ними вмѣстѣ въ караулъ пошелъ.
Тутъ, ихъ разсказъ до слова подтверждая,
И въ тотъ же часъ, и въ томъ же самомъ видѣ,
Явилось привидѣніе; я зналъ
Покойнаго: похоже на него...
Какъ эти двѣ руки.

Гамлетъ.

Гдѣ жъ это было?

Марцелль.

А на площадкѣ, принцъ, гдѣ караулъ
Мы держимъ.

Гамлетъ.

Съ нимъ не говорили вы?

Гораціо.

Я говорилъ, но онъ не отвѣчалъ.
И только разъ, какъ показалось мнѣ,
Онъ, голову поднявъ, зашевелился,
Какъ будто говорить хотѣлъ. Но тутъ
Пѣтухъ запѣлъ передъ разсвѣтомъ громко.
При звукѣ, онъ, издрогнувъ, заспѣшилъ.
И вдругъ исчезъ изъ вида.

Гамлетъ.

Очень странно.

Гораціо.

И такъ же вѣрно, принцъ, какъ то, что я
Живу. И мы сочли, что долгъ повелѣваетъ
Васъ извѣстить объ этомъ, государь.

Гамлетъ.

Конечно, господа, конечно. Только это
Меня тревожитъ. Вы въ караулѣ нынчѣ?

Всѣ.

Да, государь.

Гамлетъ.

Вооруженъ, сказали вы?

Всѣ.

Да, государь.

Гамлетъ.

Вполнѣ?

Всѣ.

Отъ головы до пяты.

Гамлетъ.

Такъ вы лица не видѣли?

Гораціо.

Напротивъ:

Наличникъ поднятъ былъ.

Гамлетъ.

Что-жь, хмуро

На васъ глядѣлъ?

Гораціо.

Нѣтъ, государь, скорѣе
Печальное, чѣмъ гнѣвное лицо.

Гамлетъ.

И блѣденъ, иль румянъ?

Гораціо.

Нѣтъ, очень блѣденъ.

Гамлетъ.

И пристально глядѣлъ на васъ?

Гораціо.

Глазъ не сводилъ.

Гамлетъ.

О, будь тогда и съ вами!

ГАМЛЕТЪ.

Гораціо.

Вы были бы весьма поражены.

Гамлетъ.

Весьма, весьма возможно... Долго пробылъ?

Гораціо.

Не торопясь можно сотню счастья.

Марцеллъ, Бернардо.

Нѣтъ, дольше, дольше.

Гораціо.

Только не при мнѣ.

Гамлетъ.

А борода сѣдая?

Гораціо.

Какъ при жизни:

Чернь съ серебромъ.

Гамлетъ.

Я нынче въ караулѣ.

Быть-можетъ, явится опять.

Гораціо.

Навѣрно.

Гамлетъ.

И только приметъ благородный образъ
Покойнаго—я съ нимъ заговорю,
Хотя бѣ самъ адъ своею пастью мнѣ
Велѣлъ молчать. И я прошу васъ всѣхъ,
Когда объ этомъ вы пока молчали,
Храните тайну. Что бы ни случилось
Сегодня ночью,—понимайте только,
Но языкомъ ни слова. Я въ долгу
У васъ за дружбу. И затѣмъ, прощайте.
Въ двѣнадцатомъ часу къ вамъ на площадку
Я выйду.

Всѣ.

Ваши слуги, государь.

Гамлетъ.

Нѣтъ, нѣтъ: друзья. Какъ я вашъ другъ. Прощайте.

(Уходятъ: Гораціо, Марцеллъ, Бернардо).

Гамлетъ (одинъ).

Духъ моего отца! Вооруженный!
 Не ладно что-то. Чуется мнѣ что-то
 Тутъ гнусное. Скорѣй бы ночь! Пока же
 Покойна будь душа. Зло станетъ явно,
 Хотя бы вся земля его скрывала.

(Уходитъ.)

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Полоніа.

(Входятъ: Офелія и Лазръ.)

Лазръ.

Вся кладь моя на корабль; прощай.
 И какъ услышишь, что попутный вѣтеръ
 И случай есть, то не зѣвай, сестрица,
 И о себѣ дай вѣсточку.

Офелія.

А ты

Могъ сомнѣваться въ томъ?

Лазръ.

Что до Гамлета

И легкомысленной его любви,
 Считаю ее—причудой, жаромъ крови.
 Фиалкой вешней юности: и ранней,
 Но далеко не прочной; и душистой
 Да не на вѣкъ; мгновенною забавой,
 Не болѣе.

Офелія.

Не болѣе?

Лазръ.

Повѣрь,

Не болѣе. Въ природномъ нашемъ ростѣ
 Не только мускулы и остовъ крѣпнуть,
 Но, вмѣстѣ съ храмомъ пирыся, растеть
 Служеніе и духа, и души.
 Онъ, можетъ-быть, теперь тебя и любить.

И сила воли никакимъ лукавствомъ
 Въ немъ не запятнана. Но бойся:
 Какъ у великихъ міра, у него
 Своей нѣтъ воли, будучи рабомъ
 Рожденья своего,—не властенъ онъ,
 Какъ частное лицо, рѣшить свой выборъ.
 Вѣдь отъ него зависятъ
 И святость, и здоровье государства.
 А потому онъ долженъ подчинить
 Свой выборъ голосу и мнѣнью тѣла,
 Котораго онъ будетъ головой.
 И если скажетъ онъ тебѣ что любить,
 То будь умна и вѣрь ему настолько,
 Насколько санъ и власть дозволить могутъ
 Ему исполнить слово. То-есть, помни:
 Что голосъ Даніа тутъ самый важный.
 И взвѣсь теперь, какъ пострадаетъ честь.
 Когда довѣрчиво ты станешь слушать
 Его любезности: или сердце сгубишь,
 Или чистое сокровище свое
 Откроешь для неистовыхъ псканій.
 Страшись, Офелія; страшись, сестрица,
 Свою привязанность держи подале,
 Внѣ выстрѣловъ опаснаго желанья.
 И самая невинная дѣвица
 Уже грѣшитъ, когда свои красы
 Откроетъ мѣсяцу; и добродѣтель
 Подвержена ударамъ клеветы.
 Червь часто губитъ первенцовъ весны,
 Когда они еще не распустились.
 На утрѣ юности, когда роса влажна,
 Прилипчивѣй дыханіе заразы.
 Будь осторожна: безопасность въ страхѣ.
 Гдѣ и соблазна нѣтъ, бунтуетъ юность.

Офелія.

Я наставленъа добрыя твои
 Поставлю сторожемъ у сердца моего.
 Но, милый братъ, и ты не подражай
 Тѣмъ злымъ священникамъ что, указуя

Тернистый и тяжелый путь на небо,
Отважно и безстыдно идутъ самп
По первой же тропинкѣ наслажденій,
Забывъ урокъ.

Лаэртъ.

Не бойся за меня.
Но я замѣшался... Вотъ и отецъ.

Входитъ: Полоній.

Лаэртъ.

Въ двойномъ благословеніи,
Двойная благость. Случаю угодно
Чтобъ дважды мы простялись съ вами.

Полоній.

Ты здѣсь еще, Лаэртъ? Стыдись! Спѣши:
Усѣлся вѣтеръ парусамъ на плечи,
И ждутъ тебя. (*Возлагаетъ руки ему на голову.*)

Прими благословенье

И въ памяти своей запечатлѣй
Вотъ эти правила. Не выражай
Словами думъ, не превращай въ дѣла
Несоразмѣрныхъ мыслей. Ласковъ будь,
Но никогда ни съ кѣмъ за панібрата.
Найдя друзей, ихъ дружбу испытай,
Стальными врючьями къ себѣ ихъ притяни.
Но рукъ не пачкай, угащая новыхъ,
Неоперившихся, чуть изъ яйца, друзей.
Остерегайся ссоры, а случится—
То такъ себя веди, чтобъ твой противникъ
Тебя остерегался. Слушай всѣхъ,
Но говори съ немногими. Совѣты
Отъ всѣхъ бери, храня свое сужденье.
По кошельку одежду покупай,
Но чтобъ безъ вычуръ; дорого, но скромно:
Одежда можетъ выдать человѣка.
На этотъ счетъ французскіе вельможи
Изящества и роскоши примѣръ.
Въ долгъ не бери, и не давай въ за*мы:
Мы съ долгомъ часто и друзей теряемъ,
Заемъ же притупляетъ бережливость.

А главное, Лаэртъ: будь вѣренъ
Ты самому себѣ; отсюда
Послѣдуетъ, какъ ночь за днемъ, что ты
Ни передъ кѣмъ обманщикомъ не будешь.
Прощай. Да укрѣпите въ тебѣ
Мое благословенье эти мысли.

Лаэртъ.

Покорнѣйше прощаюсь, государь.

Полоній.

Не терпите время, люди ждутъ: спѣши.

Лаэртъ.

Прощай, Офелія, и твердо помни
Что я сказалъ.

Офелія.

Я въ памяти замѣну
Твои слова, а ключъ возьми съ собою.

Лаэртъ.

Счастливо оставаться.

(*Уходитъ:* Лаэртъ.)

Полоній.

А о чемъ,

Офелія, онъ говорилъ съ тобою?

Офелія.

Будь не во гнѣвъ вамъ, государь, о принцѣ.

Полоній.

Марія Дѣва! онъ напомнилъ кстати.
Мнѣ говорили, что съ недавнихъ поръ
Онъ часто говоритъ наединѣ
Съ тобою; что на свиданья ты сама
Весьма щедра. И если это правда
(Какъ мнѣ, остерегая, говорили),
То я вамъ принужденъ сказать, что вы
Не ясно понимаете себя; не такъ,
Какъ подобаетъ дочери моей
И вашей чести. Что тамъ между вами?
Всю правду говори.

О ф е л і я.

Онъ, государь,
Недавно мнѣ представилъ не одинъ
Залогъ своей симпатіи.

П о л о н і й.

Скажите!..
Симпатіи!.. Ты судишь, какъ дѣвчонка,
Которая опасности не знаетъ
Въ такихъ дѣлахъ. Ну, что-жь ты, вѣришь
Всѣмъ этимъ, какъ зовешь ты ихъ, залогамъ?

О ф е л і я.

Я и сама не знаю, государь,
Что думать мнѣ о нихъ.

П о л о н і й.

Марія Дѣва!

Я научу тебя: ты поступила,
Какъ малое дитя, и приняла
Не цѣнные залогъ за наличность.
Цѣни себя дороже, а иначе
(Чтобъ мнѣ въ конецъ не заморить, гоняя,
Несчастной фразы), при такой оцѣнѣ,
Ты примешь и меня за дурака.

О ф е л і я.

Онъ часто о любви мнѣ говорилъ,
Но въ благородномъ тонѣ, государь

П о л о н і й.

Настраиwалъ тебя; но дальше, дальше.

О ф е л і я.

Свои слова и рѣчи, государь,
Онъ клятвами святыми подтверждалъ.

П о л о н і й.

Силки на глухарей! Когда въ насъ кровь
Кипитъ, то сердце языку обильно
Подсказываетъ клятвы. Эти блески
И свѣтятъ, да не грѣютъ, быстро гаснутъ
И въ обѣщаньи, какъ въ произношеньи.

Не принимай ихъ за огонь. Отвѣнѣ
Будь поспѣе на свиданья, дочка.
Считай свою бесѣду поважнѣе
Простаго приказанья говорить.
О принцѣ же Гамлетѣ можешь думать,
Что молодъ онъ: что поводъ у него
Куда длиннѣе твоего. А кратко,
Офелія: не вѣрь ты этимъ клятвамъ;
Они—барышники, и цвѣтъ у нихъ
Совсѣмъ не тотъ, чѣмъ кажется снаружи.
Они ходатаи нечистыхъ мыслей;
Ихъ провозносятъ, какъ обѣтъ священный,
Чтобъ обмануть вѣрнѣй. Разъ навсегда:
Я прямо говорю, что съ этихъ поръ
Такъ ограничу твой досугъ, что вамъ
Не будетъ времени болтать съ Гамлетомъ.
Гляди же, помни; ну, ступай себѣ.

О ф е л і я.

Я буду вамъ послушна, государь.

(Уходятъ.)

С Ц Е Н А IV.

Платформа.

Входятъ: Гамлетъ, Гораціо и Марцелль.

Г а м л е т ъ.

Какой жестокой холодъ: такъ и щиплетъ.

Г о р а ц і о.

Провзительный и рѣзкій вѣтеръ.

Г а м л е т ъ.

Который часъ?

Г о р а ц і о.

Да скоро и двѣнадцатъ.

М а р ц е л л ь.

Ужь пробило.

Гораціо.

Неужто? Я не слышала.
Такъ близится ужь часъ, когда обычно
Духъ появляется. (*За сценой трубы и пушечный вы-
стрѣлъ*).

Что это значитъ?

Гамлетъ.

Король всю ночь кутить, пьетъ полной чашей
И спотыкаясь, въ припрыжку шумно пляшетъ.
И только вытянетъ столу рейнвейна,—
Заголосятъ и трубы и литавры
Его побѣду надъ задравной чашей.

Гораціо.

Таковъ обычай?

Гамлетъ.

Да, но, право,
Хоть мнѣ онъ и родной, и я рождень
Чтобъ соблюдать его, а больше чести,
По моему, такой обычай бросить,
Чѣмъ сохранять.

Входитъ: Духъ.

Гораціо.

Взгляните, принцъ: идетъ.

Гамлетъ.

Господни ангелы и слуги, защитите!
Кто бъ ни былъ ты: духъ добрый, или кобальдъ,
Несешь ли ты съ собой дыханье неба,
Иль адскій вихрь, и къ благу или злу
Твои явленія, но до того
Заманчивъ образъ твой, что я хочу
И говорить съ тобой, и звать тебя
Гамлетомъ, королемъ, отцомъ... Владыко Датскій!
О, отвѣчай, не дай мнѣ истомиться
Въ невѣдѣньи! Скажи: зачѣмъ отпѣтый
И погребенный прахъ твой разорвалъ
Свой навощенный саванъ?..
Зачѣмъ тотъ слепъ,

Куда тебя мы съ миромъ опустили,
Раскрылъ свой мраморный тяжелый зѣвъ
И выбросилъ тебя на свѣтъ? Зачѣмъ
Ты, мертвый трупъ, одѣтый сталью,
Сіянье мѣсяца увидѣлъ снова,
И безобразишь ночь? А мы, шуты природы,
Зачѣмъ въ душѣ потрясены такъ страшно
Неразрѣшимымъ для ума вопросомъ?
Скажи-жь, зачѣмъ? И что должны мы дѣлать?

Гораціо.

Онъ вамъ киваетъ, чтобъ вы шли за нимъ,
Какъ будто хочетъ что-то вамъ сказать
Наединѣ.

Марцелль.

Взгляните, государь,
Какъ онъ привѣтливо заманиваетъ васъ,
Но не ходите съ нимъ.

Гораціо.

Нѣтъ, ни за что.

Гамлетъ.

Онъ говоритъ не хочетъ: я иду.

Гораціо.

Нѣтъ, государь.

Гамлетъ.

Но почему? Въ чемъ страхъ?
Я жизнь свою цѣню никакъ не выше
Булавки. А душа? Что онъ надъ нею?
Она безсмертна, какъ онъ самъ. Опять
Онъ манитъ,—я иду за нимъ.

Гораціо.

А если

Онъ въ рѣку завлечетъ васъ, государь?
Иль на вершину грознаго утеса,
Что свѣсплсся надъ моремъ? Если тамъ

Онъ приметъ вдругъ иной ужасный образъ,
И васъ, лишивъ владѣнія разсудкомъ,
Въ безуміе повергнетъ? Что тогда?

Гамлетъ.

Онъ манитъ все. Иди: я за тобой.

Гораціо.

Вы не пойдете, государь.

Гамлетъ.

Прочь руки!

Марцелль.

Послушайтесь, и не ходите съ нимъ.

Гамлетъ.

Меня судьба зоветъ. И въ этомъ тѣлѣ
Малѣйшая артерія окрѣпла,
Какъ жилы льва немейскаго. *(Духъ киваетъ головой.)*

Опять

Зоветъ меня. Пустите, господа!
Иль въ призракъ обращаю того, клянуся!
Кто помѣшаетъ. Прочь же, говорить!
Иди: я за тобой.

(Уходятъ: Духъ и Гамлетъ.)

Гораціо.

Воображеніе

Въ отчаяніе его повергло.

Марцелль.

Намъ

Не слѣдуетъ тутъ слушаться. Пойдемъ
За нимъ.

Гораціо.

Идемъ. Чѣмъ кончится все это?

Марцелль.

Гниль завелася въ Датскомъ королевствѣ.

Гораціо.

Спаси насъ, Господи!

Марцелль.

Идемте же, идемъ.

СЦЕНА V.

Болѣе отдаленная часть площадки.

(Входятъ Духъ и Гамлетъ.)

Гамлетъ.

Куда меня ведешь ты? Говори:
Я дальше не пойду.

Духъ.

Такъ слушай

Внимательно.

Гамлетъ.

Я слушаю.

Духъ.

Ужь близокъ

Тотъ часъ, когда я долженъ возвратиться
Въ горячую мучительную сѣру.

Гамлетъ.

О, бѣдный духъ!

Духъ.

Не сожалѣй меня,
Но выслушай, что я тебѣ открою.

Гамлетъ.

Я выслушать обязанъ: говори.

Духъ.

И, выслушавъ, обязанъ отомстить.

Гамлетъ.

Какъ ты сказалъ?

Духъ.

Передъ тобою

Духъ твоего отца. На время
Я осужденъ скитаться по почамъ,
А днемъ поститься въ огненной темницѣ,
Пока грѣхи, въ чемъ провинился я
Въ дни естества, не выгорятъ до тла
И не очистятся. И если бѣ мнѣ
Запрета не было повѣдать тайны
Моей тюрьмы,—я могъ бы рассказать
Такую повѣсть, что малѣйшимъ словомъ
Въ тебѣ перевернулъ бы душу
И заморозилъ молодую кровь;
Изъ орбитъ выбросилъ твои глаза,
Какъ двѣ звѣзды, и въ мигъ расправилъ
Твои узлами спутанныя кудри
И каждый волосъ твой поставилъ дыбомъ,
Какъ иглы на свирѣпомъ дикобразѣ.
Но откровенье этихъ вѣчныхъ тайнъ
Не для ушей изъ плоти и изъ крови.
О, слушай, слушай же, Гамлетъ! и если
Когда-нибудь любилъ отца...

Гамлетъ.

О, небо!

Духъ.

То отомсти его
Безчеловѣчное и гнусное убійство.

Гамлетъ.

Убійство?

Духъ.

Всякое убійство,
Безъ исключенья, гнусно; но мое
Гнуснѣе, злѣй, безчеловѣчнѣй всѣхъ.

Гамлетъ.

Спѣши жѣ мнѣ рассказать, чтобъ могъ я
Летѣть на мѣсть на крыльяхъ столь же быстрыхъ,
Какъ дума, плѣ любовная мечта.

Духъ.

Тебя я бодримъ застаю. Но былъ бы ты
Сонливѣй камыша, что мирно
Гниетъ у пристани стоячей Леты,
Когда бѣ при этой вѣсти не воспрянулъ.
Теперь, Гамлетъ, прислушайся.—Молва
Распущена, что сонный я въ саду
Змѣей ужаленъ. Грубо этой сказкой
Слухъ цѣлаго народа былъ обманутъ.
Узнай же, благородный юноша, что змѣй
Меня ужалившій на смерть—теперь
Вѣнецъ мой носить.

Гамлетъ.

О, моя душа

Пророчица! Мой дядя?

Духъ.

Онъ. И этотъ

Прелюбодѣйный и распутный звѣрь
Ума волшебствомъ и коварства даромъ
(Будь провляты и умъ, и даръ, что могутъ
Такъ соблазнять) склонилъ мою
Наружно непорочную супругу
Къ безстыдному разврату. О, Гамлетъ!
Что за паденіе то было! Какъ,
Забывъ мою высокую любовь,
Которая шла объ-руку съ обѣтомъ,
Что далъ я при вѣчаньи, и склониться
Къ убогому, который предо мною
По дарованіямъ—ничто. Но добродѣтель
Не поколеблется, хотя бѣ распутство
Ее плѣняло красотой небесной,—
И если бѣ даже свѣтоносный ангель

Соединилъ съ похотью,—она
 Творила бѣ грѣхъ и на небесномъ ложѣ.
 Въ нечистотѣ иша себѣ добычи...
 Но, чу! ужь утромъ потянуло. Кратко
 Я доскажу. Въ саду послѣ обѣда
 Я по привычкѣ отдыхалъ; твой дядя
 Подкрался въ этотъ безопасный часъ
 Со стелянкой сока бѣлены проклятой
 И вплъ въ отверстіе моихъ ушей
 Проказу поражающей настой.
 Онъ вредоносецъ человѣчьей крови:
 Быстрѣ ртути проникаетъ всюду,
 Черезъ всѣ ворота, по дорожкамъ тѣла;
 Съ внезапной силой заставляетъ нашу
 Здоровую живую кровь свернуться
 И скиснуть, какъ садится молоко
 Отъ капли кислоты. Такъ и со мною.
 Какъ Лазарь, я отъ струевъ окорявѣлъ
 И тѣло гладкое мое покрылось
 Поганой и вонючей кожурой.
 И такъ я, сонный, братнею рукою
 Заразъ лишень жены, вѣнца и жизни.
 Я срѣзанъ былъ во цвѣтѣ беззаконій.
 Не причащенъ запасными Дарами,
 Не исповѣданъ, не помазанъ муромъ;
 Не приготовленъ посланъ былъ на судъ
 Съ отяжелѣвшей отъ грѣховъ главою.
 Ужасно! О, ужасно! какъ ужасно!¹
 И если у тебя есть сердце—не снеси.
 Не допусти, чтобъ царственное ложе
 Постелью стало подлomu разврату.
 Но какъ бы ни свершилъ ты это,
 Да духъ твой незапятнанъ остается,
 И пусть душа твоя не замышляетъ
 Зла противъ матери: оставь ее суду

¹ Этотъ стихъ во всѣхъ изданіяхъ находится въ роли Духа; но онъ всегда произносился Гаррикомъ въ роли Гамлета, какъ принадлежащій ей по театральнымъ преданіямъ *Нйтъ*. Съ своей стороны полагаю, что въ сценическомъ отношеніи Гаррикъ былъ правъ. Этотъ стихъ весьма удачно прерываетъ вообще плавный и въ глубинѣ спокойный разговоръ Духа. Д. А.

И терніямъ, что у нея въ груди
 Язвять и колятъ. И затѣмъ—прощай!
 Свѣтлякъ ужь говоритъ, что близко утро
 И гасить свой нежгучій огонекъ.
 Прощай, прощай. Гамлетъ! не забывай меня. (*Уходитъ*.)

Гамлетъ (*одинъ*).

О, воинства небесныя! земля!
 И что еще? Иль къ аду мнѣ воззвать?
 Нѣтъ, нѣтъ! Держися, сердце! Вы же, мышцы,
 О, не старѣйте ни одно мгновенье,
 Чтобъ былъ я бодръ... Не забывать тебѣ?
 Да, бѣдный духъ, пока есть память
 Въ смущенномъ черепѣ. Не забывать тебя?
 Да я со свитка памяти сотру
 Всѣ пошлыя и глупыя замѣтки,
 Всѣ выборки изъ книгъ, всѣ впечатлѣнья
 Что наблюдательность и молодость вписали,
 И въ цѣлой книгѣ моего ума
 Жить будетъ только заповѣдь твоя
 Безъ низкой примѣси. Да, да, клянуся!
 О, самая лукавая изъ женщинъ!
 О, мерзкій негодяй!
 И улыбается еще, проклятый!
 Гдѣ, гдѣ мои замѣтки? Запишу я,
 Что можно улыбаться, улыбаться,
 И быть мерзавцемъ. Да, возможно;
 По крайнѣй мѣрѣ, въ Даніи у насъ. (*Пишетъ*.)
 Вы, дядя, здѣсь. Теперь мой лозунгъ:
 „Прощай, прощай! Не забывай меня!“
 Я появлялся.

Гораціо (*за сценой*).

Принцъ!

Марцеллъ (*также*).

Принцъ Гамлетъ!

Гораціо (*также*).

О, Боже!

Спаси его!..

Марцелль *(также)*.

Аминь.

Гораціо *(также)*.

Гдѣ вы? Го, го!..

Гамлетъ.

Го, го! сюда!.. Го, го, соколикъ мой!

Входятъ: Гораціо и Марцелль.

Марцелль.

Что съ вами, государь?

Гораціо.

Что съ вами было?

Гамлетъ.

О, чудеса!..

Гораціо.

Такъ расскажите-жь...

Гамлетъ.

Нѣтъ,

Вы пронесете.

Гораціо.

Ужь никакъ не я;

Клянуса, государь.

Марцелль.

Никакъ не я.

Гамлетъ.

Ну, что-жь вы скажете? Кто бѣ могъ подумать?..

Но вы вѣдь не расскажете?

Гораціо, Марцелль.

Клянемся.

Гамлетъ.

Что ни мерзавецъ въ Даніи у насъ,
То плутъ отпѣтый.

Гораціо.

Для такого слова
Не стоило изъ гроба подыматься.

Гамлетъ.

Что-жь, правда; ваша правда. И затѣмъ,
Безъ дальнихъ околичностей, пожмемте
Другъ другу руки, и... разоидемтесь.
Пойдете вы, куда укажутъ вамъ
Желаніе и дѣло. Вѣдь у всѣхъ,
Какія бѣ ни были, а все жь найдутся,
Желанья и дѣла. А я, бѣднякъ,
Я, видите-ль, пойду молиться...

Гораціо.

Принцъ,

Все это дикія, безсвязныя слова.

Гамлетъ.

И грустно мнѣ, что вамъ они обидны,
Сердечно жаль.

Гораціо.

Тутъ нѣтъ обиды, принцъ.

Гамлетъ.

Святой Патрикъ свидѣтель! есть обида:
Обиженъ и жестоко этотъ призракъ,
А я скажу вамъ: это духъ честной.
Что до желанья вашего узнать
Что было между нами — справтесь съ нимъ,
Какъ знаете. Ну, а теперь, друзья, —
Вѣдь мы друзья по школѣ и оружью —
Не откажите въ просьбѣшкѣ.

Гораціо.

Извольте.

Гамлетъ.

Не открывать во вѣкъ, что нынче ночью
Вы видѣли.

Гораціо, Марцелль.

Не станемъ, государь.

Гамлетъ.

Нѣтъ, поклянитесь.

Гораціо.

Клянусь, что нѣтъ.

Марцелль.

Клянусь, что нѣтъ.

Гамлетъ.

А на моемъ мечѣ?

Марцелль.

Мы поклялись сейчасъ лишь, государь.

Гамлетъ.

Нѣтъ, непременно на моемъ мечѣ.

Духъ (снизу).

Клянитесь!

Гамлетъ.

А, а, голубчикъ!

И ты, дружокъ, о томъ же?.. Отойдете —
Вы слышали, что онъ изъ подземелья —
Клянитесь же!

Гораціо.

Произносите клятву!

Гамлетъ.

О томъ, что видѣли, во вѣкъ ни слова, —
Клянитесь на мечѣ.

Духъ (снизу).

Клянитесь!

Гамлетъ.

Hic et ubique! Отойдёмъ опять.
Сюда идите, господа! И снова руки
На мечъ кладите. Никогда о томъ,
Что вы сегодня слышали ни слова, —
Клянитесь на мечѣ!

Духъ (снизу).

Клянитесь!

Гамлетъ.

Вѣрно,

Такъ, старый кротъ... И роешь ты такъ быстро?
Чудесный землекопъ!.. Но отойдемъ
Опять.

Гораціо.

О, день и ночь! Какъ все чудесно странно.

Гамлетъ.

Какъ страннаго, примите же его
Въ свой домъ. Гораціо, — на небѣ
И на землѣ есть болѣе вещей,
Чѣмъ нашей философіи мечталось.
Но отойдемъ.
И здѣсь опять, какъ прежде, дайте клятву, —
И да поможетъ Милосердый вамъ! —
Что какъ бы ни были мои поступки
Чудны и странны, — я, весьма возможно,
Дурачество накину на себя —
Вы никогда, меня такимъ увидя,
Не скрестите такъ рукъ, и головой
Не покачаете вотъ этакъ, или
Какой-нибудь двусмысленною фразой,
Какъ наприимѣръ: „ну да, мы знаемъ,“ или
„Могли бы, только захоти мы“, или
„Когда бъ желали говорить мы“, или
„Да было бы, когда бъ“, или подобнымъ
Какимъ обвинякомъ, не намекнете
Что обо мнѣ вамъ кое-что извѣстно...

Не дѣлать этого, — и да поможетъ
Вамъ въ тяжкій часъ Спаситель Милосердый! —
Клянитесь.

Духъ (снизу).

Клянитесь.

Гамлетъ.

О, успокойся!

О, успокойся, возмущенный духъ!
Итакъ, любовно, господа, себя
Я поручаю вамъ. И все, что нищій,
Какъ вашъ Гамлетъ, способенъ только сдѣлать,
Чтобъ выразить свою любовь и дружбу, —
Все, дастъ Господь, онъ сдѣлаетъ для васъ. —
Войдемте вмѣстѣ. Палецъ на уста,
Пожалуйста, прошу васъ. Наше время
Сорвалось съ петель. — Подлое коварство!
О, лучше бы мнѣ вовсе не родиться,
Чѣмъ исправлять тебя. — Ну, что жъ, пойдемте!
Идемте вмѣстѣ.

(Уходятъ.)

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Д. Аверкіевъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ домѣ Полонія.

Входятъ: Полоній и Рейнальдо.

Полоній.

Ему вы отдадите эти деньги
И письма.

Рейнальдо.

Слушаю.

Полоній.

И вы, Рейнальдо,
Поступите чудесно какъ умно,
Когда предъ тѣмъ, чтобъ посѣтить его,
Разспросите, какъ онъ ведетъ себя.

Рейнальдо.

И самъ я думалъ, государь.

Полоній.

Прекрасно;

Отлично сказано, Марія Дѣва!
Сперва поразспросите: кто изъ Датчанъ
Теперь въ Парижѣ; гдѣ стоятъ,
Съ кѣмъ водятся и много-ль тратятъ. Вотъ,
Узнавъ при помощи такихъ окольныхъ
И косвенныхъ вопросовъ, что мой сынъ
Не безызвѣстенъ имъ, подвиньтесь ближе,
Но не касайтесь прямо до него
Въ разспросахъ. А представьтесь, будто это
Такъ, дальнее знакомство. Напримѣръ:
„Знакомъ съ его отцомъ, съ его родными
И съ нимъ отчасти“ Поняли, Рейнальдо?

Рейнальдо.

Отлично, государь.

Полоній.

„И съ нимъ отчасти“,
 Но—можете прибавить,—не весьма,
 И если это тотъ, о комъ я говорю,
 То очень онъ распущенъ, и подверженъ
 Тому-то и тому“ И на него
 Взвалите тутъ, что только вамъ угодно,
 Но ничего столь гнуснаго, чтобъ честь
 Могло пятнать: запомните же это.
 А разныя безчинства и безпутства
 Чтò, какъ замѣчено и всѣмъ извѣстно,
 Обычныя товарищи у всей
 Живущей на свободѣ молодежи.

Рейнальдо.

Играетъ, государь?

Полоній.

Ну да, иль пьетъ,
 Дерется, божится, на ссору дѣзетъ,
 Иль за дѣвчонками—все это можно.

Рейнальдо.

Но это ужъ безчестить, государь.

Полоній.

Ничуть, ей-ей, когда вы обвиненье
 Съумѣете искусно подсластить;
 Но вамъ не слѣдуетъ его злословить,
 Что будто онъ открыто не потребенъ.
 Не этого хочу я; вы его грѣшки
 Такъ выставьте умненько, чтобъ они
 Казались заблужденьями свободы,
 Порывомъ, вспышкой пылаго ума,
 Иль дикостью неукрощенной крови,
 Какъ и у всѣхъ.

Рейнальдо.

Но, добрый государь...

Полоній.

Къ чему все это?

Рейнальдо.

Точно, государь,
 Объ этомъ-то я и хотѣлъ спросить.

Полоній.

Марія Дѣва! я къ тому клоню—
 И это ужъ испытанная хитрость:
 Вы, сына моего слегка запачкавъ,
 Какъ будто онъ вещица, чтò немного
 Въ работѣ загрязнилася,—замѣтьте:
 Сейчасъ вашъ собесѣдникъ, тотъ кого
 Зондируете вы,—чуть только
 Онъ замѣчалъ за юношей, о комъ
 Вы говорили, эти всѣ грѣшки,—
 То, ужъ повѣрьте, онъ закончить тѣмъ,
 Что съ вами совпадетъ такимъ манеромъ:
 „Мой добрый государь, иль такъ, иль другъ,
 Иль господинъ, смотря какое слово,
 Или присловье принято у нихъ
 И какъ онъ самъ привыкъ...

Рейнальдо.

Отлично.

Полоній

Итакъ, чуть скажетъ онъ... Онъ скажетъ...
 О чемъ же я хотѣлъ сказать? Я что-то
 Хотѣлъ сказать вамъ.. Да на чемъ же, бишь,
 Остановился я?

Рейнальдо.

На „совпадетъ“
 На „другъ, иль такъ, иль господинъ“...

Полоній.

На томъ,
 Что совпадетъ онъ?.. Да, Марія Дѣва!..
 А съ вами совпадетъ онъ такъ: я знаю
 Его; вчера его видалъ я, или
 Въ такой-то день, тогда-то, иль тогда;
 Съ такимъ-то, иль такимъ. И онъ—игралъ,
 Иль выпилъ лишнее, иль онъ вспылалъ,

Играя въ мячъ; иль можетъ быть, какъ онъ
 Входилъ въ такой-то непотребный домъ
 (Вы понимаете въ какой). „Теперь
 Глядите: ваша лживая привадка
 Ужь изловила эту рыбку правды;
 Вотъ такъ-то мы, кто поумнѣй и ловче,
 При помощи отводовъ и обходовъ,
 Доходимъ криво до прямого дѣла.
 Такъ вотъ и вы, при помощи сейчасъ
 Преподанныхъ уроковъ и совѣтовъ,
 Дойдете до Лаарта.—Что жь, схватили?
 Все поняли?

Рейнальдо.

Все, государь.

Полоній.

Прощайте,

И помощи вамъ Богъ.

Рейнальдо.

Мой добрый государь!..

Полоній.

Понаблюдайте-ка за нимъ и сами.

Рейнальдо.

Покойны будьте, государь.

Полоній.

Пусть онъ

Споетъ намъ пѣсенку свою.

Рейнальдо.

Такъ точно,

Мой государь.

(Уходитъ.)

Полоній.

Счастливаго пути.

Входитъ Офелія.

Полоній.

Ну, что, Офелія? что тамъ такое?

Офелія.

Ахъ, государь, я такъ перепугалась..

Полоній.

Чего же? ради Бога.

Офелія.

Государь,—

Я шла въ комнатѣ своей, какъ вдругъ
 Вошелъ Гамлетъ:—камзолъ разстегнуть,
 На головѣ нѣтъ шляпы; безъ подвязокъ
 Чулки; въ грязи, до щиколки спустились.
 Одно колѣно бьется о другое;
 Самъ блѣденъ, какъ его рубашка; взглядъ
 При этомъ жалостный такой, какъ будто
 Онъ выпущенъ изъ ада для того,
 Что-бъ рассказать объ ужасахъ.

Полоній.

Влюбясь

Въ тебя, сошелъ съ ума?

Офелія.

Не знаю, государь;

Но, правду говоря, боюсь что такъ.

Полоній.

Что-жь онъ сказалъ тебѣ?

Офелія.

Меня

Онъ за запястье взялъ, и крѣпко сжалъ,
 И отступивъ на всю длину руки—
 Другою онъ держалъ вотъ-такъ надъ бровью—
 Онъ сталъ разсматривать мое лицо,
 Какъ будто срисовать его хотѣлъ.
 Онъ простоялъ такъ долго; наконецъ,
 Слегка пожавъ мнѣ руку, головою
 Онъ покачалъ три раза сверху внизъ,

И такъ глубоко, жалостно вздохнулъ,
 Какъ будто грудь его на части распадалась.
 И смерть ему пришла. Затѣмъ меня
 Онъ отпустилъ и, глядя чрезъ плечо,
 Какъ будто могъ найти безъ глазъ дорогу,
 Пошелъ, и вышелъ изъ дверей, но свѣтъ
 Его очей все на меня былъ устремленъ
 До самаго конца.

Полоній.

Пойдемъ со мною;
 Намъ надо къ королю... Все это
 Прямое сумасбродство отъ любви.
 Терзаетъ самое себя ея
 Жестокость, понуждая волю
 Къ отчаяннымъ поступкамъ столь же часто,
 Какъ и любая страсть подъ небесами,
 Чтò мучитъ нашу плоть... Мнѣ жаль... Скажи:
 Ты съ нимъ на дняхъ не говорила жестко?

О ф е л і я.

Нѣтъ, добрый государь, но я, какъ вы
 Мнѣ приказали, отсылала письма
 И запретила приходить ко мнѣ.

Полоній.

Вотъ отчего онъ и сошелъ съ ума!
 Мнѣ жаль, что я не наблюдалъ его
 Поосмотрительнѣй и съ большимъ разумѣньемъ...
 Боялся я, что онъ забавы ищетъ
 И хочетъ посадить тебя на мель.
 Будь проклята моя ретивость къ дѣлу!
 Но, видно, свойственно намъ, старикамъ,
 Въ своихъ сужденяхъ чрезъ край хватать,
 Какъ людямъ помоложе за обычай
 Неразсудительность. Идемъ же къ королю.
 Онъ долженъ все узнать. Держа въ секретѣ,
 Скорѣй въ немилость попадешь за скрытность,
 Чѣмъ прогнѣвишь, открывъ, что онъ влюбленъ.

С Ц Е Н А П.

Комната въ замкѣ.

Входятъ: король, королева, Розенкранцъ, Гильденштернъ и свита.

К о р о л ь.

Добро пожаловать, и Розенкранцъ,
 И Гильденштернъ. Хотя мы ужь давно
 Желали видѣть васъ, но послѣдили
 Послать за вами потому, что намъ
 Нужны услуги ваши. Вы кой-что
 Ужь слышали о превращеніи съ принцемъ.
 Я выражаюсь такъ въ виду того, что въ немъ
 Ни внутренній, ни виѣшній человѣкъ
 На то, чтò было, вовсе не похожи.
 Чтò именно могло бы, кромѣ смерти
 Его отца, его повергнуть въ это
 Непониманье самого себя,—
 Я не берусь рѣшить. Вы оба съ дѣтства
 Воспитывались съ нимъ, и съ юныхъ лѣтъ
 Такъ свѣлися съ характеромъ Гамлета,
 Что я васъ умоляю: соизвольте
 Остаться ненадолго при дворѣ;
 Такъ, ваше общество его могло бы
 Вновь къ развлеченіямъ привлечь, а вы,
 Случайно подбирая наблюденья,
 Найдете, то, чтò, будучи открыто,
 Поддастся нашему лѣченью.

К о р о л е в а.

Онъ

Такъ много говорилъ о васъ, что я
 Увѣрена, что двухъ другихъ и нѣтъ,
 Къ кому бы больше васъ онъ былъ привязанъ.
 И если вамъ угодно, оказавъ
 Намъ благосклонность и любезность, съ нами
 Пробыть немного, чтобы намъ помочь
 При исполненіи надежды нашей,—
 То мы, за ваше пребыванье здѣсь,
 Благодарить васъ будемъ такъ, какъ только
 Прилично королю.

Розенкранцъ.

Вы оба, Ваши
Величества, могли-бъ верховной властью,
Которую имѣете надъ нами,
Свое желанье грозное скорѣй
Намъ приказать, чѣмъ насъ просить о томъ.

Гильденштернъ.

Мы оба повинемся, и нынѣ
Мы съ полною готовностью желаемъ
Повергнуть добровольно нашу службу,
По вашему распоряженью, къ вашимъ
Стопамъ.

Король.

Благодарю васъ, Розенкранцъ,
И милый Гильденштернъ.

Королева.

Благодарю
Васъ, Гильденштернъ и милый Розенкранцъ.
И я васъ умоляю посѣтить
Сейчасъ же сына нашего, который
Такъ сильно измѣнился. (*Къ свитѣ*)
Пусть кто-нибудь проводить этихъ
Господъ къ Гамлету.

Гильденштернъ.

Да поможетъ небо,
Чтобъ нашъ прїѣздъ, какъ и услуги наши
Ему прїятны были и на пользу.

Королева.

Аминь.

(*Уходятъ* Розенкранцъ, Гильденштернъ и нѣкоторые изъ свиты).

Входитъ Полоній.

Полоній.

Мой добрый государь, послы
Съ успѣхомъ изъ Норвегіи вернулись.

Король.

Ты былъ всегда отцомъ благихъ вѣстей.

Полоній.

Не правда-ль, государь? Повѣрьте, я,
Мой добрый повелитель, посвятилъ
Мои и долгъ, и душу, — оба Богу,
А первый королю. И полагаю
(Иль мозгъ мой ужь не можетъ, какъ бывало,
По слѣду дѣла гнаться безъ ошибки),
Что я открылъ, на чемъ Гамлетъ помѣшанъ.

Король.

Скажи-жь скорѣй: я такъ хочу узнать...

Полоній.

Сперва пословъ примите, а мое
Открытіе, — пускай десертомъ будетъ
На этомъ пиршествѣ.

Король.

Иди-жь на встрѣчу

И самъ введи ихъ.

(*Уходитъ* Полоній.)

Король.

Милая Гертруда,
Онъ говоритъ, что отыскалъ причину
И поводъ къ помѣшательству Гамлета.

Королева.

Я думаю, что вся причина въ см ер
Его отца и нашей слѣшной свадьбѣ.

Входятъ: Полоній, Вольтимандъ, Корнелій.

Король (*королеву*).

Ну, хорошо, мы разберемъ. — Добро
Пожаловать, любезные друзья!
Что, Вольтемандъ, намъ шлетъ Норвежскій братъ?

Вольтимандъ.

Полнѣйшую отдачу всѣхъ привѣтствій
И пожеланій. Съ перваго-жь свиданья
Онъ приказалъ племяннику пресѣчь
Наборъ, который самъ считалъ приготовленьемъ
Къ войнѣ съ Поляками, но, разсмотрѣвъ

Внимательнѣй, нашель, что онъ безспорно
 Быль противъ вашего величества направленъ.
 И огорченный, что его болѣзнь,
 Безсиліе и старость были такъ
 Обойдены,—онъ подь арестъ велѣлъ
 Взять Фортинбраса; тотъ повиновался.
 Король ему далъ выговоръ, и онъ
 Поклялся дядѣ никогда отнынѣ
 Не подымать оружія на васъ.
 Исполнясь радости, старикъ ему
 Назначилъ содержаніе въ размѣрѣ
 Трехъ тысячъ кронъ, и поручилъ
 Ужъ набранныхъ солдатъ вести на Польшу.

(*Подавая грамоту.*)

И въ этой грамотѣ, онъ проситъ васъ,
 Чтобъ вы благоизволили дать пропускъ
 Черезъ ваши земли сказаннымъ войскамъ.
 Здѣсь велючены условія, а также
 Ручательство за безопасность.

Король.

Мы довольны,

И въ болѣе удобный часъ прочтемъ,
 Обсудимъ дѣло и дадимъ отвѣтъ.
 Благодаримъ, межъ тѣмъ, за вашъ успѣшный трудъ;
 Идите отдохнуть, а въ вечеру —
 Пируемъ вмѣстѣ. Милости прошу!

(*Уходятъ: Вольтимандъ и Корнелій.*)

Полоній.

Все кончилось отлично. — Государь
 И государыня, распространяться
 Чѣмъ быть должно величество, въ чемъ долгъ,
 Зачѣмъ день—день, ночь—ночь, и время—время,—
 Была бы только трата дня и ночи,
 И времени. Въ виду того, что краткость —
 Душа ума, а многословье — члены
 И виѣшнія прикрасы, — буду кратокъ.
 Вашъ благородный сынъ помѣшанъ; такъ
 Я выражаюсь, ибо если станемъ
 Мы помѣшательство опредѣлять,

То впасть въ него и значить помѣшаться.
 Но это мимо.

Королева.

Менѣ искусства,

Побольше дѣла.

Полоній.

Тутъ, кланусь, искусства

Совсѣмъ нѣтъ, государыня. И такъ,
 Что онъ помѣшанъ, правда; правда, жаль;
 И жаль, что правда (глупый оборотъ!
 Но Богъ ужъ съ нимъ: забудемъ объ искусствѣ.)
 И такъ помѣшаннымъ онъ признанъ вами,—
 Теперь намъ остается отыскать
 Причину этого эффекта; или
 Вѣриѣ: этого деффекта; ибо
 Эффектъ-то этотъ, будучи деффектнымъ,
 Не безъ причины; это намъ осталось,
 А вотъ вамъ и остатокъ: взвѣсьте. Я
 Имѣю дочь; пока она моя,
 Ее имѣю я; по долгу послушанья,
 Она мнѣ отдала вотъ это. Ну-съ,
 Извольте разсудить и заключайте.

(*Читаетъ.*)

„Небесной и кумиру моей души, всѣмъ украшенной Офеліи“,
 Дурное выраженіе, пошлое выраженіе; „всѣмъ украшенной—
 пошлое выраженіе; но прислушайтесь, (*Читаетъ*) „Эти стро-
 ки къ ея великолѣпной бѣлой груди. Эти строки“...

Королева.

Какъ? это ей писалъ Гамлетъ?

Полоній..

Вниманье:

Я буду, государыня, правдивъ.

(*Читаетъ.*)

Не вѣрь, что солнце не стоитъ
 И что огонь въ звѣздахъ горитъ,
 И ложью истину зови,
 Но твердо вѣрь моей любви!

„Дорогая Офелія, я плохо владѣю размѣромъ; я не умѣю скандировать свои стоны; но вѣрь тому, что я въ тебя влюбленъ совершенно, о совершеннѣйшая!

„Твой на всегда, дражайшая дѣвушка, пока душа въ тѣлѣ,— Гамлетъ“.

Мнѣ дочь покорно показала это
И сверхъ того мнѣ рассказала всѣ
Его искательства: когда и гдѣ
И какъ онъ дѣлалъ ихъ.

Король.

Какъ приняла

Она его любовь?

Полоній.

Какого мнѣнья

Вы обо мнѣ?

Король.

Тебя считаю я

И вѣрнымъ, и почтеннымъ человѣкомъ.

Полоній.

Я радъ вамъ это доказать. Но что бы
Могли подумать вы, когда бы я, увидя,
Что пылкая любовь ужъ распустила крылья
(А надо вамъ сказать, что я замѣтилъ
Все это раньше, чѣмъ созналась дочь);
Что-бъ вы могли, иль ваша королева
И дорогая государыня моя,
Подумать, если-бъ я взялся за роль
Конторки, иль альбома, иль, глухъ и нѣмъ,
Имъ въ сердцѣ потакалъ, иль посматрѣлъ
На ихъ любовь сквозь пальцы? Что бы вы
Подумали? Нѣтъ, я за дѣло круто
Взялся, и барышнѣ моей сказалъ:

„Гамлетъ—нашъ принцъ, и внѣ твоей планеты:

Не смѣть впередъ!“ И далъ ей наставленье

Чтобъ отъ его визитовъ запиралась,

Посольствъ не принимала, не брала

Подарковъ отъ него. И вслѣдъ она вкусила

Плодъ отъ моихъ совѣтовъ, а Гамлетъ,

Отверженный (я сокращу рассказъ)
Впалъ въ грусть; затѣмъ лишился аппетита,
Затѣмъ бессонница; за нею слабость;
За ней разсѣянность, а постепенно
И помѣшательство, что заставляетъ
Его безумствовать, а насъ—грустить.

Король. (*Король.*)

Что, какъ по вашему?

Королева.

Весьма возможно.

Полоній

Желалъ бы знать я, было ли хоть разъ,
Когда я положительно сважу,
Что это такъ, а вышло бы иначе?

Король.

Ни разу, сколько помню.

Полоній. (*Указывая на голову и плечи.*)

Снимите это съ этого, коль это
Иначе выйдетъ. Я открою правду,—
Пусть только обстоятельства помогутъ—
Гдѣ-бъ ни скрывалась она, хотя бы
Она скрывалась въ самомъ центрѣ.

Король.

Какъ же

Провѣрить намъ?

Полоній.

Какъ знаете, онъ часто

Гуляетъ здѣсь, по этой галлерей,
Часа четыре кряду.

Королева.

Правда.

Полоній.

Я

Дочь выпущу къ нему, а вы и я,
Мы станемъ за ковромъ, и разговоръ

Подслушаемъ. И если спятилъ онъ
Не отъ любви, то мнѣ отнынѣ впредь
Сидѣть не въ государственномъ совѣтѣ,
А мызу и пзвошниковъ держать.

Король.

Попробуемъ.

(Входитъ Гамлетъ, читая книгу.)

Королева.

Взгляните, какъ онъ грустно
Идетъ, бѣдняжка, съ книгою въ рукахъ.

Полоній.

Уйдите оба; умоляю васъ.

Сейчасъ къ нему причаляю... Уходите-жь.

(Уходятъ: Король, Королева и свита.)

Полоній.

Какъ поживаетъ, мой добрый принцъ Гамлетъ?

Гамлетъ.

Хорошо; слава Богу.

Полоній.

Вы знаете меня, государь?

Гамлетъ.

Превосходно; вы рыбный торговецъ.

Полоній.

Никакъ нѣтъ, государь.

Гамлетъ.

Такъ я желалъ бы, чтобы вы были такимъ же честнымъ чело-
вѣкомъ.

Полоній.

Честнымъ, государь?

Гамлетъ.

Да, сударь; быть честнымъ челоуѣкомъ, по нынѣшнимъ вре-
менамъ, значить быть выщипнутымъ изъ двухъ тысячъ.

Полоній.

Вотъ сущая правда, государь.

Гамлетъ.

И если солнце порождаетъ червей въ дохлой собакѣ, въ этой
сладостной для цѣлованія падали... У васъ есть дочь?

Полоній.

Есть, государь.

Гамлетъ.

Не пускайте ея гулять по солнцу: урожай—благодать, но не
въ томъ смыслѣ, какъ это можетъ касаться вашей дочери...
Другъ, сообразите это.

Полоній.

Что вы хотите сказать этимъ? *(Про себя.)* Нѣтъ, нѣтъ, и вер-
нется къ моей дочери. А сначала онъ не узналъ меня, сказалъ
будто я рыбный торговецъ. Далеко зашелъ, далеко зашелъ! По
правдѣ, и я въ молодости до крайности страдалъ отъ любви;
весьма недалеко отъ этого. Заговорю съ нимъ опять. *(Вслухъ.)*
Что вы читаете, государь?

Гамлетъ.

Слова, слова, слова!

Полоній.

Въ чемъ же дѣло, государь?

Гамлетъ.

Чье дѣло, съ кѣмъ?

Полоній.

Я разумѣю дѣло, о которомъ вы читаете, государь.

Гамлетъ.

Злословіе, сударь. Этотъ мерзавецъ-сатирикъ говоритъ, что у
стариковъ сѣдыя бороды; что у нихъ лица въ морщинахъ; что
у нихъ изъ глазъ сочится густая амбра или сливный клей, и
что они обладаютъ полнымъ отсутствіемъ ума, равно какъ и
слабыми иврами. Хотя я и вѣрю всему этому сильнѣйшимъ и
полнѣйшимъ образомъ, но считаю безчестнымъ писать объ этомъ;
вѣдь вы сами, сударь, могли бы стать такимъ же старикомъ,
какъ я, если-бы сумѣли пятиться какъ крабъ.

Полоній *(съ стороны.)*

Хотя это и помѣшательство, но въ немъ есть метода. *(Громко.)*
Не угодно ли вамъ выйти, государь?

Гамлетъ.

Въ могилу?

Полоній.

Дѣйствительно, это значило бы вполнѣ выйти. (*Про себя.*) Какъ порой его отвѣты полны смысла! Такое счастье часто выпадаетъ на долю сумасшествія, а здравому уму не легко разрѣшиться такъ благополучно. Оставляю его и мигомъ придумаю, какъ устроить его встрѣчу съ моею дочерью. (*Вслухъ.*) Досточтимый принцъ, беру смѣлость всепокорнѣйше разстаться съ вами.

Гамлетъ.

Вы ничего не могли бы взять у меня, съ чѣмъ бы я разстался также охотно. кромѣ моей жизни, моей жизни.

Полоній.

Счастливо оставаться, государь. (*Идетъ.*)

Гамлетъ.

Ахъ, эти скучные старые шуты!

Входятъ: Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Полоній.

Вы ищите принца Гамлета? Вотъ гдѣ онъ!

Розенкранцъ. *Полонію.*

Спаси васъ Господи!

(*Уходитъ Полоній*)

Гильденштернъ.

Достопочтенный принцъ!

Розенкранцъ.

Мой дражайшій принцъ!

Гамлетъ.

Превосходнѣйшіе друзья мои! Какъ поживаешь. Гильденштернъ? А, Розенкранцъ! Какъ вы оба поживаете, ребята?

Розенкранцъ.

Какъ дожинныя дѣти земли.

Гильденштернъ.

Тѣмъ счастливы, что нѣтъ избытка счастья:

Мы не верхушка волпака Фортуны.

Гамлетъ.

Но и не подошва ея башмаковъ?

Розенкранцъ.

Ни то, ни другое, государь.

Гамлетъ.

Значить, вы живете около ея пояса, или въ средоточіи ея милости?..

Гильденштернъ.

Право же, мы ея рядовые..

Гамлетъ.

О, сущая правда!.. Она готова любить всѣхъ подъ рядъ.. Чтѣ новаго?

Розенкранцъ.

Ничего, государь; развѣ то, что люди становятся честиѣе.

Гамлетъ.

Значить, скоро страшный судъ. Но ваша новость не вѣрна. Позвольте разспросить васъ подробнѣе: чѣмъ вы провинились предъ Фортуной, что она отправила васъ сюда въ тюрьму.

Гильденштернъ.

Въ тюрьму, государь?

Гамлетъ.

Данія—тюрьма.

Розенкранцъ.

Значить, и весь свѣтъ тюрьма.

Гамлетъ.

Превосходная; въ ней много келій, коморокъ и ямъ. Данія одна изъ худшихъ.

Розенкранцъ.

Мы не того мнѣнія, государь.

Гамлетъ.

Что-жь? значить, она и не тюрьма для васъ; вѣдь все хорошо или худо, глядя по нашему пониманію; для меня она тюрьма.

Розенкранцъ.

Въ такомъ случаѣ ваше честолюбіе представляетъ ее тюрьмою она слишкомъ тѣсна для вашего духа.

Гамлетъ.

О, Боже! меня могли бы заключить въ орѣшную скорлупу, и я считалъ бы себя королемъ безконечнаго пространства; еслибы только не дурные сны.

Гильденштернъ.

А эти сны, конечно, честолюбіе; вѣдь самое существо честолюбца просто тѣнь сна.

Гамлетъ.

Самъ сонъ только тѣнь.

Розенкранцъ.

Правда; и я считаю честолюбіе столь воздушнымъ и легко-вѣснымъ, что оно только тѣнь тѣни.

Гамлетъ.

Значитъ, наши нищіе—тѣла, а наши государи и нанященные герои—тѣни нищихъ. Не пойти ли намъ ко двору? честное слово, я не въ силахъ разсуждать.

Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Мы къ вашимъ услугамъ.

Гамлетъ.

Этого не требуется: я не хочу смѣшивать васъ съ остальными моими слугами, потому что, говоря какъ честный человѣкъ, мнѣ ужасно прислуживаютъ. Но,—по старой дружбѣ,—что васъ подвигло въ Эльзиноръ?

Розенкранцъ.

Пріѣхали навѣстить васъ, государь; другаго дѣла нѣтъ.

Гамлетъ.

Я нищій, а потому бѣденъ даже на благодарность; но я благодарю васъ, и право же, дорогіе друзья, моя благодарность весьма дорога—стоитъ полшку. За вами не послали? Вы по собственному влеченію? Вы пріѣхали по волѣ? Ну-же! будьте правдивы со мною; ну-же, ну, да говорите же.

Гильденштернъ.

Что мы должны сказать, государь?

Гамлетъ.

Хоть чтонибудь. Но только къ дѣлу. За вами послали; въ

вашихъ взглядахъ есть что-то въ родѣ признанія, но у вашей скромности не хватаетъ силы дать ему цвѣтъ. Я знаю, добрые король и королева послали за вами.

Розенкранцъ.

Съ какою цѣлью, государь?

Гамлетъ.

Это вы должны объяснить мнѣ. Но заклинаю васъ правами товарищества, симпатіей нашей юности, долгомъ никогда не прерывавшейся любви нашей, и всеѣмъ болѣе дорогимъ, чѣмъ бы могъ завлечь васъ лучшій, чѣмъ я, ораторъ,—будьте просты и прямы со мною: послали за вами или нѣтъ?

Розенкранцъ, Гильденштерну.

Что скажете?

Гамлетъ (*про себя*).

Э! я гляжу на васъ въ оба. (*Вслухъ*.) Если любите меня, не скрывайте.

Гильденштернъ.

Государь,—за нами послали.

Гамлетъ.

Я скажу вамъ зачѣмъ; такимъ образомъ моя предупредительность избавитъ васъ отъ открытія обѣщанной королю и королевѣ тайны. Не мѣняйте перьевъ. Съ недавнихъ поръ (но отчего не знаю) я лишился всякой веселости, забылъ всѣ обычные упражненія; и въ самомъ дѣлѣ я въ такомъ тяжеломъ расположеніи духа, что это чудное зданіе, земля, мнѣ кажется бесплоднымъ мысомъ; тотъ великолѣпнѣйшій пологъ, небо,—этотъ смѣлый навѣсъ,—этотъ величественный сводъ съ рѣзною работою изъ золотистаго огня,—ну, а мнѣ онъ кажется скопленіемъ гнилыхъ и заразительныхъ паровъ. Что за созданіе человѣкъ! Какъ благороденъ по уму, какъ безконеченъ по способностямъ! Какъ выразителенъ и удивителенъ по образу и движенію! По дѣламъ какъ похожъ на ангела, по пониманію,—на Бога! краса міра! образецъ живыхъ тварей! А что же для меня эта квинтъ-эссенція праха? Мужчины не приводятъ меня въ восторгъ, и женщины также; хотя, судя по вашей улыбкѣ,—вы хотѣли сказать это.

Розенкранцъ.

У меня и въ мысляхъ не было ничего подобнаго, государь.

Гамлетъ.

Отчего-жь вы усмѣхнулись, когда я сказалъ, что мужчины не приводятъ меня въ восторгъ.

Розенкранцъ.

Я подумалъ, государь, что если мужчины не приводятъ васъ въ восторгъ, то какое постное угощеніе ждетъ актеровъ: мы обогнали ихъ по дорогѣ; они направлялись сюда, чтобы предложить вамъ свои услуги.

Гамлетъ.

Играющаго короля—милости прошу пожаловать; его величество получить отъ меня подать; странствующій рыцарь найдетъ дѣло для рапиры и щита; любовникъ не станетъ вздыхать даромъ; забіяка мирно окончитъ свою роль; шутъ заставитъ смѣяться тѣхъ, у кого щекотка въ глоткѣ, и дама объяснить свободно свое намѣреніе: иначе бѣлымъ стихамъ придется хромать. Что это за актеры?

Розенкранцъ.

Тѣ самые, которыми вы часто восхищались, столичные трагики.

Гамлетъ.

Какъ же случилось, что они странствуютъ? Постоянное мѣстожительство было бы полезнѣе и для ихъ извѣстности, и для ихъ доходовъ.

Розенкранцъ.

Кажется, имъ пришлось уѣхать вслѣдствіе недавняго нововведенія.

Гамлетъ.

Пользуются ли они тѣмъ же уваженіемъ, какъ въ то время, когда я былъ въ столицѣ? Много-ль у нихъ бываетъ публики?

Розенкранцъ.

Говоря правду,—нѣтъ.

Гамлетъ.

Отчего же это? Или они позаржавѣли?

Розенкранцъ.

Нѣтъ, они относятся къ дѣлу попрежнему; но завелось гнѣздо дѣтей, маленькихъ коршунятъ, которые кричатъ словно на пыткѣ. И за это имъ хлопаютъ самымъ жестокимъ образомъ.

Они теперь въ модѣ и такъ вопятъ противъ обыкновенныхъ (какъ они ихъ называютъ) театровъ, что многіе изъ имѣющихъ право носить шпагу до того испугались гусиныхъ перьевъ, что почти не смѣютъ ходить въ театръ.

Гамлетъ.

Какъ, они дѣти? Кто-жь ихъ содержитъ? что имъ платять? Или они будутъ продолжать свои занятія только до тѣхъ поръ, пока будутъ пѣвчими? Развѣ имъ не придется сказать впоследствии, когда они сами выростутъ и станутъ такими же, какъ всѣ, актерами (а это весьма вѣроятно, если у нихъ нѣтъ лучшихъ средствъ къ существованію), что ихъ писатели принесли имъ вредъ, заставивъ ихъ кричать противъ ихъ же будущихъ занятій.

Розенкранцъ.

Говоря правду, много было шуму съ обѣихъ сторонъ, и публика не считаетъ грѣхомъ стравливать ихъ; одно время пьесы не дѣлали сбора, если въ нихъ поэты и актеры не доходили до кулачекъ изъ-за спорнаго пункта.

Гамлетъ.

Неужто?

Гильденштернъ.

О, тутъ порядочно пришлось шевелить мозгами.

Гамлетъ.

И мальчики побѣдили?

Розенкранцъ.

Да, государь, и Геркулеса, и его пошу.

Гамлетъ.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; мой дядя сталъ датскимъ королемъ, и тѣ, что при жизни моего отца морщились при встрѣчѣ съ нимъ, даютъ теперь, каждый въ свою очередь, двадцать, сорокъ, сотню лукатовъ за его миниатюрный портретъ. Въ этомъ есть что-то сверхъестественное, еслибы философія сумѣла до него добраться.

(За сценой трубы).

Гильденштернъ.

Вотъ и актеры.

Гамлетъ.

Добро пожаловать въ Эльзиноръ, господа. Ваши руки, ну же! Видите ли, мода и церемонія—принадлежности привѣтствія; позвольте же мнѣ оказать вамъ вѣжливо ть по всѣмъ правиламъ; иначе, мое обращеніе съ актерами,—которое, предупреждаю васъ, со стороны покажется любезнымъ,—будетъ болѣе похоже на учтивость, чѣмъ обращеніе съ вами. Добро пожаловать; но мой дядя-отецъ и тетка-мать ошибаются.

Гильденштернь.

Въ чемъ, дорогой принцъ?

Гамлетъ.

Я помѣшанъ только при нордъ-нордъ-вестѣ; когда вѣтеръ южный, я отличу вретца отъ... ручной пилы.

(Входитъ Полоній).

Полоній.

Желаю вамъ всего хорошаго, господа!

Гамлетъ.

Слушайте, Гильденштернь, и вы также—на каждое ухо по слушателю; этотъ большой ребенокъ еще не вышелъ изъ пеленокъ.

Розенкранцъ.

Можетъ-быть, онъ вторично попалъ въ нихъ; говорятъ же, что старшекъ вдвойнѣ дитя.

Гамлетъ.

Я предсказываю:—онъ пришелъ сказать мнѣ объ актеряхъ; замѣйте. Ваша правда, сударь; въ понедѣльникъ утромъ; дѣйствительно, такъ оно и было.

Полоній.

Государь, я имѣю сообщить вамъ новость.

Гамлетъ.

И я имѣю сообщить вамъ новость. Когда Росцій, римскій актеръ...

Полоній.

Къ намъ пріѣхали актеры, государь.

Гамлетъ.

Подите!...

Полоній.

Честью...

Гамлетъ.

Итакъ,—

Пріѣхали актеры на ослахъ.

Полоній.

Лучшіе актеры въ свѣтѣ для трагедій, комедій, хроники, пасторали, пасторальной комедіи, исторической пасторали, исторической трагедіи, трагико-комико-исторической пасторали; для піесъ съ единствомъ мѣста и неограниченныхъ поэмъ. Для нихъ и Сенека не черезъ-чуръ печаленъ, и Плавтъ не черезъ чуръ веселъ. Это единственные исполнители, какъ правильныхъ, такъ и свободныхъ драмъ.

Гамлетъ.

О, Іеофай, судья Израильскій! какимъ сокровищемъ ты обладаешь.

Полоній.

Какимъ-же сокровищемъ онъ обладалъ, государь?

Гамлетъ.

Какъ?

Прекрасной дочерью единой,
Ее-жь отменно онъ любилъ.

Полоній *(въ сторону)*.

Все о моей дочери.

Гамлетъ.

Не правда-ли, старый Іеофай?

Полоній.

Если вы зовете меня Іеофаемъ, государь, то у меня есть дочь, которую я люблю отменно.

Гамлетъ.

Нѣтъ, это не слѣдуетъ.

Полоній.

Такъ что же слѣдуетъ, сударь?

Гамлетъ.

Ну,—

Богъ зналъ, какъ жребій палъ,

И затѣмъ, вы знаете:

Какъ гадалось, такъ и сталося.

Первая строчка духовнаго канта свазеть вамъ больше... Но вотъ идутъ коротатели моего времени.

(*Входятъ: четыре, или пять антеровъ*).

Гамлетъ.

Добро пожаловать, господа! всѣхъ милости прошу. Радъ, что вижу тебя здоровымъ; добро пожаловать, добрые друзья.—О, старый другъ! твое лицо возмужало съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ; ты явился въ Данію, чтобы показать мнѣ свою бороду? А! молодая дама и госпожа! Клянусь Богородицей, съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ васъ, вы стали ближе къ небесамъ на цѣлый каблукъ. Дай Богъ, чтобы голосъ вашъ не надтреснулъ съ краю, какъ червонецъ, котораго ужъ не берутъ. Добро пожаловать, господа. Мы, какъ французскіе сокольничьи, бросимся на первое что попадетъ. Ну, представьте же намъ образчикъ вашего искусства; что-жь, трогательный монологъ.

Первый антеръ.

Какой монологъ, государь?

Гамлетъ.

Ты разъ читалъ мнѣ монологъ, но піесы никогда не играли, а если и играли, то не больше раза; она, какъ помнится, не понравилась толпѣ: для нея она оказалась слишкомъ тонкимъ блюдомъ. Но, по моему, и по мнѣнію тѣхъ, чье сужденіе въ подобныхъ вещахъ беретъ верхъ надъ мнѣмъ,—то была превосходная піеса: сцены были расположены прекрасно, и написаны и скромно, и умѣло. Я помню, кто-то замѣтилъ, что въ стихахъ не было неприличныхъ выходовъ, въ видѣ приправы къ содержанію, но зато и въ выраженіяхъ ничего такого что обличало бы въ авторѣ аффектацію; онъ назвалъ ее честнымъ произведеніемъ, столь-же здоровымъ, какъ приятнымъ, и гораздо болѣе милымъ, чѣмъ тонкимъ. Мнѣ особенно нравился одинъ монологъ, именно рассказъ Энея Дидонѣ, и въ немъ особенно то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ объ убійствѣ Пріама; если оно живо въ вашей памяти, то начните съ этой строчки... Позвольте, позвольте...

Жестокій Пирръ, какъ звѣрь Гирканскій... Нѣтъ, не такъ; но начинается Пирромъ...

Жестокій Пирръ,— чье темное оружье,
Черно какъ цѣль его, напоминало
Ту ночь, какъ въ роковомъ конѣ лежалъ онъ,
Теперь свой черный и ужасный обливъ
Окрасилъ въ болѣе зловѣщій цвѣтъ:
Теперь багровъ онъ съ головы до ногъ;
Онъ весь въ крови отцовъ и матерей,
Сыновъ и дочерей: она на немъ
Сгустѣла въ тѣсто, и спеклась отъ жара
Горящихъ улицъ, кон озарали
Своимъ жестокимъ и проклятымъ свѣтомъ
Ихъ подлыя убійства. Опаленный
И яростью, и пламенемъ,—пъ весь
Запекшейся сукровицей покрытый,
Съ глазами, какъ рубины,—адскій Пирръ
Глядитъ гдѣ праотецъ Пріамъ...

Полоній.

Какъ передъ Богомъ, отлично прочитано, государь; въ должномъ тонѣ, съ надлежащимъ выраженіемъ.

Первый антеръ.

Вскорѣ

Его находить: непосильно бьется
Онъ съ Греками; его старинный мечъ
Не повинуется, мятежный, приказанью
Его руки: гдѣ поднять, тамъ и палъ.
Пирръ бросился въ неравный поединокъ
Съ Пріамомъ; въ ярости онъ промахнулся,
Но одряхлѣвшій старецъ палъ отъ вѣтра,
Отъ дуновенія разящаго меча.
Казалось, самъ бездушный Иліонъ
Почувствовалъ ударъ, и долу палъ
Горящею вершиной; страшнымъ трескомъ
Какъ будто въ плѣнь слухъ Пирра захватилъ.
Взгляни! вотъ мечъ его, что занесенъ былъ
Надъ млечно-бѣлой головой Пріама,—
Какъ будто въ воздухъ застылъ. И Пирръ
Стоять, какъ нарисованный тиранъ,

Нейтральный между волею и цѣлью,
И ничего не дѣлаетъ.—Подобно,
Нерѣдко видимъ мы, что предъ грозю
Тишь въ небесахъ, стоитъ недвижно туча,
Безгласенъ смѣлый вѣтеръ, шаръ земной
Молчитъ, какъ смерть: вдругъ страшный громъ разрѣжетъ
Небесный сводъ; такъ, послѣ остановки,
Проснувшись, мечь влечетъ на дѣло Пирра,—
И молоты Циклоповъ никогда
Не ударили съ меньшимъ сожалѣньемъ
По латамъ Марса, что они ковали
Для вѣчнаго ношенія,—какъ нынѣ
Ударилъ Пирръ мечомъ своимъ кровавымъ
Пріама-старца.
Прочь, прочь, долой, развратница Фортуна!
Вы, боги всѣ, ее на общемъ сеймѣ
Лишите власти; въ колесѣ ея
Сломайте ободъ и всѣ спицы; сбросьте
Кругъ ступицы съ небснаго холма
Внизъ, ко врагу.

Полоній.

Очень длинно.

Гамлетъ.

А мы его въ цирюльнику, вмѣстѣ съ твоей бородой.—Пожа-
луста, продолжайте.—Ему бы веселую пѣсенку, или скоромный
разсказъ,—иначе онъ заснетъ,—Продолжайте, переходите къ Ге-
кубѣ.

Первый актеръ.

Но кто, о кто, при видѣ
Окутанной царицы...

Гамлетъ.

Окутанной царицы?

Полоній.

Прекрасно; „окутанной царицы“,—прекрасно.

Первый актеръ.

....какъ она

Бродила босоногая, грозя

Залить пожаръ слѣпящими слезами;
На головѣ, гдѣ былъ вѣнецъ недавно,
Какой-то лоскутокъ; вокругъ изнуренныхъ
И тошихъ бедръ,—не царская одежда,
А покрывало, что она схватила
Въ тревожномъ страхѣ... Кто-бъ ее увидѣлъ,
Тотъ ядомъ напоеннымъ языкомъ
Фортуны осудилъ бы за взмѣну.
И если-бъ сами боги услышали
Ея мгновенный рѣзкій вскрикъ, при видѣ
Какъ, злобно издѣваясь, Пирръ дробилъ
На части трупъ Пріама,—о тогда бы
(Иль все земное чуждо для боговъ)
Горячіе глаза небесъ залились,
И боги бы страдали...

Полоній.

Взгляните, развѣ онъ не поблѣднѣлъ, и слезы на глазахъ.
Пожалуста, довольно.

Гамлетъ.

Прекрасно. Вы вскорѣ прочтете мнѣ остальное. (Полонію).
Не распорядитесь-ли вы, чтобъ актерамъ отвели хорошее помѣ-
щеніе? Слышите-ли, чтобъ съ ними хорошо обращались: вѣдь
они миниатюры и краткія лѣтописи нашего времени. Вамъ лучше
заслужить послѣ смерти дурную эпитафію, чѣмъ злой отзывъ
отъ нихъ при жизни.

Полоній.

Государь, я буду обращаться съ ними соотвѣтственно ихъ
заслугамъ.

Гамлетъ.

Лучше, чудакъ человѣчекъ! Обращайся съ каждымъ по заслу-
гамъ, и кто уйдетъ отъ порки! Обращайтесь съ ними соотвѣт-
ственно вашей чести и сану: чѣмъ меньше они заслуживаютъ,
тѣмъ больше достоинства будетъ въ вашей добротѣ. Ведите ихъ.

Полоній.

Пойдемте, господа.

Гамлетъ.

Идите за нимъ, друзья: завтра мы посмотримъ піесу. (Ухо-
дятъ: Полней и всѣ антеры кромъ перваго). Послушай, старый
другъ, можете ли вы сыграть *Убійство Гонзало*?

Первый актеръ.

Да, сударь.

Гамлетъ.

Такъ мы посмотримъ ее завтра. А въ случаѣ нужды, можете вы выучить двѣнадцать, или шестнадцать строкъ, которыя я напишу и хочу вставить? Вѣдь можно?

Первый актеръ.

Да, государь.

Гамлетъ.

Прекрасно.—Идите за этимъ господиномъ, но, глядите, не смѣйтесь надъ нимъ. (*Актеръ уходитъ; къ Гильденштерну и Розенкранцу*). Я отпускаю васъ до вечера. Очень радъ, что вы въ Эльзинорѣ.

Розенкранцъ.

Добрый принцъ...

(*Уходятъ: Розенкранцъ и Гильденштернъ*).

Гамлетъ (*Одинъ*).

Ну, и Богъ съ вами!.. Я теперь одинъ...
 Какой я подлый крѣпостной холопъ!..
 Не диво ли, что этотъ-вотъ актеръ
 Въ какомъ-то вымыслѣ, въ мечтѣ страданья,
 Могъ собственной своей-же мысли
 Такъ душу подчинить, что отъ ея работы
 Лицо блѣднѣетъ, слезы на глазахъ,
 Растерянность въ чертахъ, надтреснуть голосъ,
 И всѣ движенія души и тѣла
 По выраженью съ замысломъ согласны?
 И все изъ ничего! Изъ-за Гекубы!..
 Что для него Гекуба? или онъ
 Что для нея? съ чего о ней онъ плачетъ?
 Что-бъ слѣлалъ онъ, имѣй онъ для страданья
 Такія-жъ побужденія и причину,
 Какъ у меня? Онъ затопилъ бы сцену
 Слезами, и своей ужасной рѣчью
 Онъ истерзалъ бы слухъ у всѣхъ, Онъ свелъ бы
 Виновнаго съ ума; того, чья совѣсть
 Чиста—заставилъ бы дрожать; смутилъ бы
 Невѣдѣнье... Онъ вѣрно ужаснулъ бы

До самой глубины и слухъ, и зрѣнье.

А я,

Бездушная и мѣшкотная дрянь,
 Какъ увалень я кисну; не отзывчивъ
 На оскорбленье; не могу сказать
 Ни слова, да!.. и даже за него,
 За короля, лишенаго такъ подло
 И достоинства, и дражайшей жизни.
 Или я трусъ? Но кто же назоветъ
 Меня мерзавцемъ, мнѣ башку проломитъ?
 Кто вырветъ клокъ изъ бороды моей
 И мнѣ его швырнетъ въ лицо? Кто за-носъ
 Меня рванетъ? Кто ложъ вобьетъ мнѣ въ глотку?
 Кто смѣетъ?.. Гм... И что-жь, я все
 Снесу; сомнѣнья нѣтъ, что у меня
 И печень голубя, и желчи нѣтъ,
 Чтобъ растравить обиду, — иль давно ужъ
 Я откормилъ бы тушею мерзавца
 Окрестныхъ коршуновъ. Кровавый,
 Развратный негодяй! Коварный,
 Безсовѣстный, распутный, безсердечный!
 О, мщенье!

Что за осель я! Впрямь, чего-жь храбрѣе:
 Я сынъ его, убитаго; на мѣсть
 Меня и небеса, и адъ торопятъ, —
 Такъ мнѣ-ль не облегчать словами сердца,
 Мнѣ-ль не ругаться, какъ послѣдней дѣвѣй,
 Какъ судомойкѣ!
 Фу, мерзость! Встрепенися, умъ! Я слышалъ:
 Виновные бывали столь глубоко
 Поражены сценическимъ искусствомъ,
 Что тутъ же сознавались въ преступленья.
 Убійство, будь оно безъ языка,
 Отыщеть органъ, болѣе чудесный...
 Я прикажу, чтобъ эти вотъ актеры
 Предъ дялею сыграли сцену, въ родѣ
 Убійства моего отца.

Слѣдить я стану за его глазами,
 Я вскрою рану до живаго мяса,
 И только онъ вздрогнетъ, — ужъ я пойму

Что дѣлать. Духъ, котораго я видѣлъ,
 Могъ быть и дьяволомъ. И дьяволъ властенъ
 Принять намъ милый образъ; да, быть можетъ,
 Онъ потому, что я унылъ и слабъ
 (А надъ такими демонами всеильны),
 Меня прельщаетъ, чтобъ сгубить на вѣкъ,
 Миѣ нужны доказательства прямѣе:
 Я совѣсть дяди сценой уловлю.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I

Комната во дворцѣ.

Входятъ: король, королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Король.

И вы окольными путями не добились,
 Зачѣмъ онъ поощряетъ то разстройство,
 Что гложетъ такъ жестоко дни его
 Безчиннымъ и опаснымъ сумасбродствомъ?

Розенкранцъ.

Онъ сознается, что въ умѣ разстроены,
 Но отчего—никакъ сказать не хочетъ.

Гильденштернъ.

Нѣтъ также въ немъ желанья допустить
 Себя зондировать; когда его
 Мы навести хотѣли на призванье,
 Онъ ускользалъ съ лукавствомъ сумашедшихъ.

Королева.

Какъ васъ онъ принялъ?

Розенкранцъ.

Чисто по-дворински.

Гильденштернъ.

Но съ сильной принужденностію въ чувствахъ.

Розенкранцъ.

Скупъ на вопросы; отвѣчалъ же намъ
 Весьма охотно.

Королева.

Вы не соблазняли

Его на развлеченья?

Розенкранцъ.

Мы случайно

Актеровъ обогнали по дорогѣ.

Мы, государыня, ему сказали

О нихъ, и онъ, узнавъ о томъ, казалось,

Повеселѣлъ; онъ ужь здѣсь, и если

Не ошибаюсь, и приказъ имъ данъ

Играть сегодня.

Полоній.

Правда. И меня

Просиль онъ пригласить и ваши

Величества смотрѣть и слушать пьесу.

Король.

Съ великимъ удовольствіемъ. И я

Весьма доволенъ, услыхавъ, что онъ

Въ подобномъ настроеніи. Господа,

Вы, подстрекнувъ еще, его направьте

На развлеченія.

Розенкранцъ.

Исполнимъ, государь.

Уходятъ: Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Король.

И ты оставь насъ, милая Гертруда:

Мы подъ рукой послали за Гамлетомъ,

Чтобъ онъ, какъ бы случайно, встрѣтилъ здѣсь

Офелію. А мы съ ея отцомъ

(Легальные шпионы) помѣстимся

Такъ, чтобъ незримые могли все видѣть,

И встрѣчу ихъ свободно обсудить.

По поведенію его рѣшимъ мы,

Чѣмъ боленъ онъ: тоскою отъ любви,

Иль чѣмъ другимъ.

Королева.

Я повинуюсь вамъ.

Я ради васъ, Офелія, желаю

Чтобъ ваша красота была счастливой

Причиною безумія Гамлета.

Надѣюсь, что ваша добродѣтель,

Для чести васъ обопхъ, возвратитъ

Его на прежній путь.

Офелія.

И я того же

Желаю, государыня.

(Уходитъ: Королева.)

Полоній.

Ходите здѣсь,

Офелія. А мы, милостивѣйшій,—

Да будетъ вамъ угодно—станемъ тутъ.

(Офелии.)

Читайте эту книгу. Видъ такого

Занятія поможетъ скрасить ваше

Уединеніе. Мы часто этимъ

Грѣшны. Доказано, и черезъ чуръ,

Что набожнымъ лицомъ и благочестьемъ,

Мы подсластимъ и чорта самого.

Король, *(самъ съ собою.)*

Какая правда! Больно, какъ бичемъ,

Она по совѣсти моей хлестнула!

Искусно размалеванныя щеки

Развратницы подъ тѣмъ, что красить ихъ,

Не такъ противны, какъ мопъ дѣла

Подъ самыми цвѣтистыми словами.

О, бремя тяжкое!

Полоній.

Я слышу

Его шаги. Уйдемте, государь.

(Уходятъ: Король и Полоній.)

*Входитъ Гамлетъ.*Гамлетъ, *(самъ съ собою)*

Жизнь, или смерть—таковъ вопросъ.
 Что благороднѣй для души: сносить ли
 И пращу, и стрѣлу судьбы свирѣпой,
 Иль, вставъ съ оружіемъ противъ моря золь,
 Борьбой покончить съ ними?—Умереть,—
 Уснуть,—не больше.. И подумать только
 Что сномъ окончатся и скорби сердца,
 И тысячи страданій прирожденныхъ,
 Наслѣдье плоти!.. Вотъ исхоль, достойный
 Благосовѣтнаго желанья!.. Умереть,—
 Уснуть... Уснуть!.. Быть можетъ, видѣть сны...
 Вотъ въ чемъ препятствіе. Что мы, избавясь
 Отъ этихъ преходящихъ бѣдъ, увидимъ
 Въ томъ мертвомъ снѣ,—не можетъ не заставить
 Остановиться насъ. По этой-то причинѣ
 Мы терпимъ бѣдствіе столь долгой жизни,—
 Кто снесъ бы бичеванье и насмѣшки
 Людской толпы, презрѣнье къ бѣдняку,
 Неправду притѣснителя, томленье
 Отверженной любви, беспиле права,
 Нахальство власть имущихъ и пинки,
 Что терпѣливая заслуга сносить
 Отъ недостойнаго,—когда онъ можетъ
 Покончить съ жизнью счеты
 Простымъ стилетомъ? Кто бы сталъ таскать
 Всѣ эти ноши и потѣть, и охать
 Подъ тягостною жизнью, если бъ страхъ
 Чего-то послѣ смерти, той страны
 Невѣдомой, изъ-за границъ которой
 Не возвращаются,—не путалъ воли,
 Уча что лучше намъ сносить земныя бѣды,
 Чѣмъ броситься къ другимъ, намъ неизвѣстнымъ.
 Такъ въ трусовъ превращаетъ насъ сознанье;
 Такъ и рѣшимости природный цвѣтъ
 Отъ блѣднаго оттѣнка мысли тускнеть.
 И оттого-то также предпріятыя,
 Великія по силѣ и значенью.

Сбиваясь въ сторону въ своемъ теченіи,
 Не переходятъ въ дѣло.—Успокойся!..
 Прекрасная Офелія!.. О, нимфа,
 Въ своихъ святыхъ молитвахъ помини
 Мои грѣхи.

Офелія.

Мой добрый государь,
 Какъ поживали вы все это время?

Гамлетъ.

Благодарю покорно: и здоровъ;
 Здоровъ, здоровъ.

Офелія.

Принцъ, у меня отъ васъ
 Подарки есть на память; я давно
 Хотѣла возвратить ихъ, государь.
 Пожалуста, примите ихъ теперь.

Гамлетъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Я ничего вамъ не дарилъ.

Офелія.

Вы мнѣ навѣрно ихъ дарили, принцъ.
 И ваша рѣчь такъ сладостно дышала,
 Что возвышала цѣну имъ. Теперь
 Тотъ аромат исчезъ,—возмите жъ вещи.
 Для благородныхъ душъ, когда дарившій
 Перестаетъ быть нѣжнымъ, и подарки
 Бѣдны становятся.... Вотъ, государь.

Гамлетъ.

Ха, ха! вы честная дѣвушка?

Офелія.

Принцъ!

Гамлетъ.

И красивая!

Офелія.

— Что вы хотите сказать?

Гамлетъ.

Что если вы честная и красивая дѣвушка, то вашей чести не слѣдуетъ вступать въ сношенія съ вашей красотой.

Офелія.

Но, государь, развѣ у красоты можетъ быть лучшее общеніе, чѣмъ съ честностью?

Гамлетъ.

Да, правда; вѣдь власть красоты скорѣе превратитъ честность въ распутство, чѣмъ сила честности слѣдуетъ красоте своимъ подобіемъ. Въ старину это было парадоксомъ, но наше время представило тому примѣры. Я любилъ васъ когда-то.

Офелія.

Въ самомъ дѣлѣ, государь, вы заставляли меня вѣрить этому.

Гамлетъ.

Вамъ не слѣдовало бы мнѣ вѣрить; вѣдь добродѣтель не въ силахъ настолько привиться къ нашему старому пню, чтобъ передать ему свой вкусъ: я не любилъ васъ.

Офелія.

Тѣмъ сильнѣе я была обманута.

Гамлетъ.

Поступай въ монастырь. Къ чему тебѣ быть матерью грѣшниковъ? Я еще сносно честенъ, а все же я могъ бы обвинить себя въ такихъ дѣлахъ, что лучше бъ моей матери не родить меня: я очень гордъ, мстителенъ, честолюбивъ; подъ моей командой больше грѣховъ, чѣмъ мыслей, чтобъ ихъ вмѣстить, воображенія—чтобъ дать имъ образъ, и времени, чтобъ ихъ выполнить. Что дѣлать такимъ какъ я молодцамъ, пресмыкаясь между небомъ и землей? Всѣ мы отпѣтые плуты; не вѣрь ни одному изъ насъ. Иди своей дорогой въ монастырь... Гдѣ вашъ отецъ?

Офелія.

Дома, государь.

Гамлетъ.

Пусть за нимъ запрутъ двери, чтобъ онъ нигдѣ, кромѣ дома, не разыгрывалъ шута. Прощай.

Офелія.

О, помогите ему, святныя небеса!

Гамлетъ.

Если ты выйдешь замужъ, я дамъ тебѣ въ приданое такую бѣду: будь чиста, какъ ледъ, будь бѣла, какъ снѣгъ,—ты не избѣгнешь клеветы, Поступай въ монастырь; иди, прощай. Или, если ты непремѣнно хочешь замужъ, выходи за дурака; вѣдь умные очень хорошо знаютъ, какъ ихъ чудовищъ вы изъ нихъ дѣлаете. Въ монастырь; поступай, и скорѣе. Прощай.

Офелія.

О, исцѣлите его, небесныя власти!

Гамлетъ.

Слышала я также о вашей болтовнѣ; очень хорошо. Богъ вамъ далъ походку, а вы дѣлаете изъ нея другую; вы прискакиваете, ломаетесь и лепечете и даете прозвища Божьему созданію и выдаете распущенность за невѣдѣнье. Ступай, я больше не хочу объ этомъ; оно свело меня съ ума. Слышишь, у насъ больше не будетъ свадебъ; тѣ, что женились, пусть живутъ всѣ, кромѣ одного; а остальные—останутся тапми, какъ были. Въ монастырь; ступай.

(Уходитъ: Гамлетъ.)

Офелія, одна.

О, что за благородный умъ низвергнуть!
Придворный и военный, и ученый,—
Ихъ взглядъ и мечъ, и слово!.. Онъ—надежда
И роза нашей родины прекрасной;
Онъ—образецъ манеръ и зеркало умѣнья
Держать себя,—за кѣмъ слѣдили
Всѣ знатоки!.. Вполнѣ, вполнѣ погибъ!..
И между женщинъ нѣтъ меня печальнѣй
И жалче: я впивала медъ его
Обѣтовъ сладковзвучныхъ,—я теперь
Передо мною этотъ благородный,
Верховный умъ, какъ колоколъ разбитый,
Звучитъ и рѣзко и фальшиво!.. Этотъ
Себѣ соперниковъ не знавшій образъ

Цвѣтущей юности—поблекъ въ бреду!..
О, горе мнѣ! Я видѣла, что было
И нынѣ вижу то, что есть...

Снова входятъ: Король и Полоній.

Король.

Любовь?

Нѣтъ, страсть его не въ этомъ направленъи...
Хоть безпорядочность замѣтна въ томъ,
Что говорилъ онъ.—не похоже это
На сумашествіе. Въ его душѣ есть что-то
Надъ чѣмъ его тоска сидитъ, какъ птица
Въ гнѣздѣ.—и выводокъ, боюсь я, будетъ
Не безопасенъ.—Упреждая это,
Я на-скоро рѣшаю такъ: его,
За недоплаченною данью, спѣшно
Отправить въ Англію. Быть можетъ, море,
Иныя страны, переменна мѣсть,
Изгонять то, что въ сердцѣ у него
Укоренилося; надъ чѣмъ такъ бьется
И умъ его, и отъ чего онъ сталъ
Такъ не похожъ на самого себя.—
Какъ ваше мнѣнье?

Полоній.

Ваша мысль прекрасна;

Но все-жь, по-моему, происхожденъе
И самое начало этой грусти—
Въ отверженной любви.—А! это ты,
Офелія?.. что говорилъ вамъ принцъ
Мы слышали и повторять не надо.—
Какъ вамъ угодно, государь, такъ вы
И дѣлайте; но, можетъ быть, не дурно,
Чтобъ королева, послѣ представленья,
Поговорила съ нимъ наединѣ,
Чтобъ вывѣдать его болѣзнь; и пусть
Она покруче будетъ съ нимъ. А я—
Да будетъ вамъ угодно—помѣшуся
Какъ будто въ ухѣ ихъ бесѣды; если
Ей не удастся,—то его тогда

Отправьте въ Англію, нль заключите
Куда найдетъ удобнѣй ваша мудрость.

Король.

Быть по сему. Безумство сильныхъ міра
Не должно оставаться безъ надзора.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Залъ въ замкѣ.

Входятъ: Гамлетъ и нѣсколько антеровъ.

Гамлетъ.

Пожалуста, читайте монологъ, какъ я читалъ его вамъ,—
чтобы слова легко сходили съ языка; если-жь вы его проорете,
какъ то дѣлаютъ многіе актеры, то мнѣ все равно, когда-бъ мои
стихи прокричалъ бирючъ. Не илите черезъ чуръ воздуха ру-
кою—вотъ такъ; но будьте во всемъ трезвены, потому что вамъ
слѣдуетъ пріобрѣсти и имѣть настолько мѣрности, чтобы въ
самомъ порывѣ, бурѣ и (смѣю сказать) ураганѣ страсти, вы
могли смягчить ея рѣзвость. О, мнѣ оскорбительно до глубины
души, когда я слышу, какъ здоровенный паренъ съ парикомъ на
башкѣ, рветъ страсть въ лоскутки и клочья, ради того, чтобъ
оглушить раекъ.—который, по большей части, неспособенъ ни-
чего понять, кромѣ безмысленной пантоммы да шума. Я могъ
бы приказать выпоротъ такого молодца за то что онъ переигры-
ваетъ самого Термаганта, и предстуетъ пуще самага Ирода;
пожалуста, избѣгайте этого.

Первый актеръ.

— Ручаюсь вашей чести...

Гамлетъ.

Не будьте также черезъ-чуръ вялы; пусть вашъ умъ будетъ
вашимъ наставникомъ; согласуйте движеніе со словомъ и слово
съ движеніемъ, особенно наблюдая, чтобы не переступить скром-
ности самой природы; вѣдь всякое переигрыванье виѣ цѣли
предславленія, котораго назначеніе, какъ прежде, такъ и нынѣ,
и было, и есть, такъ-сказать, держать зеркало передъ природой;
показывать добродѣтели ея собственныя черты, и презрѣнному

его собственный обликъ, а равно всякому возрасту и состоянію его образъ и подобіе. Потому-то переигрыванье, или недоигрыванье, хотя и заставляютъ смѣяться невѣждъ, только печалить знатоковъ, а сужденіе одного изъ нихъ въ нашемъ пониманіи должно перевѣшивать мнѣніе полнаго театра другихъ. О, есть актеры, и я видалъ ихъ игру, и слышалъ, какъ другіе цѣнили ее, и притомъ высоко, — а они, чтобъ не выразиться кощунственно, не имѣя ни голоса, ни походки христіанъ, язычниковъ и людей вообще, такъ выступали и ревѣли, что я думалъ: видно какіе-нибудь поденщики природы творили людей, и вдобавокъ плохо: до того отвратительно подражали они человѣчеству.

Первый актеръ.

Въ нашей труппѣ, надѣюсь, это устраниено уже въ достаточной степени.

Гамлетъ.

О, устраните это вовсе. И пусть играющіе шутовъ не говорятъ того, чего нѣтъ въ роли; между ними есть и такіе, что готовы хохотать сами, только-бъ разсмѣшить нѣсколькихъ пусто-головыхъ зрителей, хотя бы въ это время вниманіе должно быть обращено на важное мѣсто въ пьесѣ; это пошлость, и обнаруживается въ шутахъ, прибѣгающихъ къ ней, самое жалкое самолюбіе. Ступайте, приготовьтесь.

(Уходятъ: актеры).

Входятъ: Полоній, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Гамлетъ, Полонію.

Ну, что? угодно королю прослушать пьесу?

Полоній.

И королевѣ также, и немедленно.

Гамлетъ.

Попросите актеровъ поторопиться. (Полоній уходитъ; Розенкранцу и Гильденштерну). Не можете ли и вы поторопить ихъ?

Розенкранцъ, Гильденштернъ.

— Идемъ, государь.

(Уходятъ: Гильденштернъ и Розенкранцъ).

Гамлетъ.

Эй, Гораціо!

Входитъ: Гораціо.

Гораціо.

Здѣсь, милый государь, къ услугамъ вашимъ.

Гамлетъ.

Гораціо, — изъ всѣхъ, съ кѣмъ въ жизни случай Меня сводилъ, — ты истый человѣкъ.

Гораціо.

О, дорогой мой государь!..

Гамлетъ.

Не думай,

Я лъщу тебѣ. Какого повышенья
Миѣ отъ тебя надѣяться, когда
Весь твой доходъ, чѣмъ ты одѣтъ и сытъ,
Твой добрый умъ? Къ чему льстить бѣдняку?
Нѣтъ, пусть языкъ слащавый лижетъ роскошь
Безумную, и пусть искусно гнущая
Колѣни тамъ, гдѣ выгода идетъ
Вслѣдъ за ласкательствомъ. Ты слушаешь? Съ тѣхъ поръ
Какъ стала властна въ выборѣ моемъ
Моя душа живая, и людей
Сумѣла различать, — она тебя
Своимъ избраніемъ запечатлѣла.
Вѣдь ты одинъ изъ тѣхъ, кто, все снося,
Какъ будто ничего не терпятъ; ты
Равно благодаримъ, какъ за толчки,
Такъ и за милости судьбы. Блаженны,
Въ комъ кровь и умъ такъ хорошо смѣшались
Что ужъ не издадутъ они, какъ флейта,
Подъ пальцами судьбы ту ноту,
Какую ей угодно. Укажи миѣ
На человѣка, кто не рабъ страстей,
И, какъ тебя, его я заключу
Въ сердечной глубинѣ; да, въ сердцѣ сердца.
Но я распространился. Нынче будетъ

Предъ королемъ представлена пѣса...
 Одна изъ сценъ весьма напоминаетъ
 Подробности, которыя ты знаешь,
 Убійства моего отца. Когда ее
 Начнутъ,—пожалуста, слѣди за лядей
 Согласно съ думами моей души.
 И если скрытое его злодѣйство
 Себя не выдастъ ни однимъ словомъ,
 То духъ, что мы видали, былъ проклятый,
 И всѣ мои мечтанія черны,
 Какъ кузница Вулкана. Наблюдай
 За нимъ внимательно; что до меня,—
 Я взоръ свой пригвоздю къ его лицу.
 Потомъ мы наблюденія свои
 Другъ другу сообщимъ, и все обсудимъ.

Гораціо.

Покойны будьте. Если онъ украдетъ
 Хоть что-нибудь во время представленья
 И ускользнетъ отъ наблюденья,—я
 Плачу за кражу.

Гамлетъ.

Вотъ они идутъ
 Въ спектакль; начать дурачества я долженъ...
 Займи же мѣсто.

*(Входятъ: Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ, Гильденстернъ и другіе свитскіе господа; стража вноситъ факелы.
 Датскій маршъ. Трубы.)*

Король.

Какъ поживаетъ нашъ родственникъ. Гамлетъ?

Гамлетъ.

Превосходно, право; на пищѣ хамелеона: ѣмъ воздухъ, начиненный обѣщаніями. Каплуновъ этимъ вамъ не откормить.

Король.

Мнѣ нечего дѣлать съ подобнымъ отвѣтомъ, Гамлетъ; эти слова не на моемъ языкѣ.

Гамлетъ.

Теперь и не на моемъ. *(Полонію)* Вы говорили, что когда-то играли въ университетѣ?

Полоній.

Игралъ, государь, и считался хорошимъ актеромъ.

Гамлетъ.

Кого жъ вы представляли?

Полоній.

Я представлялъ Юлія Цезаря; я былъ убитъ въ Капитоліи, Брутъ убилъ меня.

Гамлетъ.

Убить такого телка! Капитальное злодѣйство!—Актеры готовы?

Розенкранцъ.

Да, государь; они ждутъ вашего позволенія.

Королева.

Поди сюда, дорогой Гамлетъ; сядь подлѣ меня.

Гамлетъ.

Нѣтъ, добрая матушка, здѣсь имѣется болѣе заманчивый металлъ

Полоній—Королю.

Ого! слышите ли?

Гамлетъ *(ложась у ногъ Офеліи)*.

Можно ли прилечь на вашемъ лонѣ?

Офелія.

Нѣтъ, государь.

Гамлетъ.

Я разумѣлъ: прилечь головой къ вашему лону?

Офелія.

Да, государь.

Гамлетъ.

А вы ужъ подумали, что у меня дурныя мысли?

О ф е л і я .

Я ничего не думала, государь.

Г а м л е т ь .

Приятно подумать, что лежишь у дѣвушки между колѣнь!

О ф е л і я .

Что такое, принцъ?

Г а м л е т ь .

Ничего.

О ф е л і я .

Вы веселы?

Г а м л е т ь .

Кто? я?

О ф е л і я .

Да, государь,

Г а м л е т ь .

О, Боже! вашъ единственный сочинитель веселыхъ пѣсень. Да и что дѣлать человѣку какъ не быть веселымъ? вотъ посмотрите, какъ радостно глядитъ моя мать, а мой отецъ умеръ всего два часа назадъ.

О ф е л і я .

Нѣтъ, ужь дважды два мѣсяца, государь.

Г а м л е т ь .

Такъ давно? Пусть же дьяволъ носить трауръ, а я стану ходить въ черныхъ соболяхъ. О, небеса! Умереть два мѣсяца назадъ, и не быть забытымъ! И такъ, есть надежда что память о великомъ человѣкѣ переживетъ его на полгода. Но для этого, клянусь Владычицей, онъ долженъ настроить церквей; иначе ему придется стерпѣть, что о немъ и не вспомнятъ, какъ о какой-нибудь запрещенной игрѣ.

(Гобои. Входитъ пантомима).

Входятъ весьма любовно король и королева. Королева обняла его. Она становится на колѣни, и изображаетъ жестами, что даетъ ему торжественныя обѣщанія. Онъ ее подымаетъ, и преклоняетъ

свою голову къ ея шее; затѣмъ ложится на цѣточную скамью и засыпаетъ; она, видя что онъ уснулъ, уходитъ. Вскорѣ входитъ нѣкто, снимаетъ съ него корону, ильзуетъ ее, и влизаетъ въ уши короля ядъ, и уходитъ. Королева возвращается; видитъ, что король умеръ и жестами изображаетъ страданія. Снова входитъ отравитель съ двумя или тремя статистами, и повидимому сокрушается съ нею. Трупъ уносятъ. Отравитель соблазняетъ королеву подарками; она сначала выражаетъ отвращеніе и нежеланіе, но въ концѣ соглашается на его любовь. Уходятъ.

О ф е л і я .

Что это значитъ, государь?

Г а м л е т ь .

Марія Дѣва! это подкравшееся *mallecho*,—что значитъ злодѣйство.

О ф е л і я .

Вѣроятно, эта пантомима изображаетъ содержаніе пьесы.

(Входитъ: Прологъ.)

Г а м л е т ь .

Мы узнаемъ о томъ отъ этого молодца; актеры не могутъ хранить тайны: они все расскажутъ.

О ф е л і я .

Онъ намъ скажетъ, что значитъ эта пантомима?

Г а м л е т ь .

Да, или любая, какую вы только покажите ему. Только не стыдитесь ему показать, онъ ужь не постыдится сказать вамъ, что оно значитъ.

О ф е л і я .

Какой вы не хорошій, какой вы не хорошій! Я стану слѣдить за пьесой.

Прологъ.

Для насъ и для трагедіи,

Предъ вашей милостью въ моленіи,

Васъ просимъ слушать мы въ терпѣніи.

Гамлетъ.

Что это? прологъ, или стишки съ кольца?

Офелія.

Какъ коротко!

Гамлетъ.

Какъ женская любовь!

(Входятъ: театральные король и королева).

Театр. Король.

Фебъ полныхъ тридцать разъ Нептуновъ токъ соленый
И Теллуса удѣлъ объѣхалъ безъ препоны,
И мѣсяцъ тридцатью двѣнадцать полныхъ разъ
Заемный свѣтъ свой лилъ, вокругъ земли вертась,—
Какъ руки Гимней, сердца-жь любви сила
Намъ неразрывными цѣпями съединила.

Театр. Королева.

Пусть солнце и луна дадутъ намъ случай вновь
Счесть сколько-жь ихъ путникъ, пока пройдетъ любовь.
Но горе, горе мнѣ! съ недавнихъ поръ ты боленъ;
Не тотъ что прежде былъ, не веселъ, не доволенъ,
И я тревожуся. Но хоть тревожуся я,
Ты этимъ, государь, не огорчай себя.
Въ тревогѣ и любви у женщинъ только крайность:
Иль полное ничто, иль та же чрезвычайность.
Доказана любовь моя въ твоихъ очахъ:
Сколь велика любовь, таковъ же и мой страхъ.

Театр. Король.

Тебя, и скоро, я оставлю, другъ мой милый,
Ужь въ дѣйствіи мои весьма ослабли силы.
Въ прекрасномъ мірѣ семъ останешься вдовой,
Въ почетѣ и любви, и можетъ быть иной,
Достойнѣйшій супругъ...

Театр. Королева.

Умолви о дальнѣйшемъ!
То посягательствомъ явилось бы гнуснѣйшимъ.

Въ томъ мужѣ на меня проклятье пусть падеть:
Та замужъ вновь пойдетъ, кто перваго убьетъ.

Гамлетъ.

Полны! полны!

Театр. Королева.

Влечетъ насъ замужъ вновь презрѣнная забота:
То дѣло не любви, а низкаго расчета,
И мужа перваго вторично я убью,
Когда на ложѣ я другаго полюблю.

Театр. Король.

Я вѣрю, искрение теперь твое желанье,
Но нарушаемъ мы нерѣдко обѣщанье.
Обѣтъ является лишь памяти рабомъ:
Родится быстро онъ, но мало жизни въ немъ.
На древѣ онъ виситъ, какъ плодъ еще неспѣлый
Но прочь онъ отпадетъ, какъ плодъ вполне созрѣлый.
Мы забывать, мой другъ, всегда прннуждены
То уплатить себѣ, что сами мы должны.
Что въ страсти исполнять себѣ мы обѣщаемъ,
Какъ скоро страсть пройдетъ, обѣтъ забываемъ.
Какъ радость, такъ и скорбь въ жестокостяхъ своихъ
Своимъ же дѣйствіемъ разятъ себя самихъ.
Тамъ радость веселѣй, гдѣ скорбь была жестока:
Смѣняются онѣ въ одно мгновеніе ока.
Не вѣченъ здѣшній міръ; не мудрено, другъ мой,
Что и сама любовь мѣняется съ судьбой.
И самъ я разрѣшить вопроса не сумѣю:
Любовь ведетъ судьбу, иль движется за нею.
Прислужники бѣгутъ, какъ сильный мужъ падетъ,
Бѣднякъ, разбогатѣвъ, друзей въ врагахъ найдетъ.
У счастья всегда была любовь на службѣ;
Гдѣ нѣтъ нужды, тамъ нѣтъ и недостатка въ дружбѣ.
Въ несчастіи испытай, надеженъ ли твой другъ, —
Увидишь, какъ въ врага онъ превратится вдругъ...
Но, чтобъ согласовать съ началомъ заключенье:
У воли и судьбы столь разное теченье,
Что наши планы всѣ крушенью подлежатъ;

Намъ мысли, не дѣла, повѣрь, принадлежать:
Вновь замужъ не идти теперь даешь ты слово,
Со мной оно умретъ, и выйдешь за другаго.

Театр. Королева.

Пусть у меня возьмутъ: свѣтъ—небо, хлѣбъ—земля,
Пусть день и ночь утѣхъ всю жизнь не знаю я!
И пусть превратности, что радость отравляютъ,
Все что задумаю, во зло мнѣ обращаютъ!
Мученье здѣсь и тамъ да будетъ жребій мой,
Коль выйду замужъ я, оставшиися вдовой!

Гамлетъ.

А если она да нарушитъ слово!..

Театр. Король.

Ты сильно покаялась. Супруга дорогая,
Уйди, мой духъ ослабъ, и скуку избывая,
День сномъ я обману.

Театр. Королева.

Пусть сонъ твой умъ долятъ,
А горе насъ съ тобой во вѣкъ не посѣтитъ.

Гамлетъ.

Государыня, какъ вамъ нравится пьеса?

Королева.

Дама, кажется, наобѣщала ужъ слишкомъ много.

Гамлетъ.

О!—но вѣдь она сдержитъ слово.

Король.

Знаете ли вы сюжетъ? Нѣтъ ли въ немъ чего оскорбительнаго?

Гамлетъ.

Нѣтъ, нѣтъ; они только шутятъ; отравляютъ шутя; рѣшительно ничего оскорбительнаго.

Король.

Какъ называется пьеса?

Гамлетъ.

Мыслью. Но, Боже мой! въ какомъ смыслѣ? Фигурально. Пьеса изображаетъ убійство, случившееся въ Вѣнѣ; герцога зовутъ Гонзаго; его жену—Вангиста; вы сейчасъ увидите; мошенническое дѣло. Но что изъ того? У вашего величества и у меня совѣсть чиста; оно до насъ не касается. Пусть брызгается вляченка съ ссадной: у насъ загривокъ дѣлъ.

(*Входитъ Луціанъ.*)

Гамлетъ.

Это Луціанъ, племянникъ короля.

Офелія.

Вы отлично замѣняете хоръ, государь.

Гамлетъ.

Я могъ бы быть посредникомъ между вами и вашимъ возлюбленнымъ, если-бъ только могъ подглядѣть, кто прыгаетъ у васъ въ глазахъ.

Офелія.

Вы остры, государь, вы остры.

Гамлетъ.

Чтобъ притупить мое остріе, вамъ пришлось бы постонать.

Офелія.

Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже.

Гамлетъ.

Такъ вы выбираете мужей.—Начинай, убійца! Полно ворчить гнусныя хари, чума! начинай. Ну,—

„Ужъ воронъ, грая,
Прокаркалъ мщенья часъ!..“

Луціанъ.

Мысль зла, рука смѣла, ядъ есть, удобенъ часъ;
Сообщникъ случай мнѣ: ничей не видитъ глазъ.
Полночныхъ вредныхъ травъ, о ты, смѣшенье злое,

Гекаты влятвою отравленное второе, —
 Природно волшебство и сграшный твой составъ
 Немедленно сразить того, кто живъ и здравъ.

Гамлетъ.

Онъ отравляетъ его въ саду, чтобъ овладѣть его государствомъ. Его зовутъ Гонзаго; исторія невымысленная и написана по-итальянски отличивымъ языкомъ. Вы сейчасъ увидите, какъ убійца добьется любви жены Гонзаго.

О ф е л і я.

Король встаетъ.

Гамлетъ.

Какъ? испугался холостыхъ выстрѣловъ?

Королева.

Какъ ваше здоровье, государь?

Полоній.

Прекратить представленье!

Король.

Посвѣтите мнѣ; идемъ...

В с ѣ.

Свѣтите, свѣтите, свѣтите!

(Уходятъ: всѣ, кромѣ Гамлета и Гораціо.)

Гамлетъ.

Ну, что-жь? Пусть раненый олень рыдаетъ,
 Лань невредимая играетъ;
 И спитъ одинъ, на стражѣ стой другой!
 На этомъ свѣтъ стоитъ, другъ мой.

Что жъ, сударь, развѣ эти стихи да лѣсъ перьевъ (если въ остальномъ судьба распорядится со мною по-турецки) да двѣ провенскія розы на башмакахъ съ разрѣзомъ не доставятъ мнѣ, сударь, пая въ актерской артели?

Гораціо.

Поль пая.

Гамлетъ.

Цѣлый одинъ.

Ты знаешь, милый мой Дамонъ,
 Что этотъ опустѣвшій тронъ
 Былъ Зевса тронъ; но часъ пришелъ,
 И вотъ сидитъ на немъ... павлинъ.

показывайте мнѣ,
 вѣрнѣе, какъ
 , кромѣ дѣла.

чуже-

Гораціо.

Вы могли бы сриемовать.

Гамлетъ.

О, добрый Гораціо, каждое слово духа и цѣню въ тысячу фунтовъ. Замѣтилъ?

Гораціо.

Очень хорошо, государь.

Гамлетъ.

При словахъ объ отравленіи?..

Гораціо.

Я пристально слѣдилъ за нимъ.

Гамлетъ.

Ха, ха! Эй, музыку! эй, флейтъ!

Вѣдь если королю піеса не по вкусу, —
 Она не правится ему, о Исусе!

Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Гамлетъ.

Эй, музыку!..

Гильденштернъ.

Добрый государь, соблагодизвольте ко мнѣ на одно слово.

Гамлетъ.

На цѣлую исторію, сударь...

Гильденштернъ.

Король, сударь...

Гекаты Гамлетъ.

Природн
Немедлѣ о жь съ нимъ?

Гильденштернъ.

О, своемъ отсюда удаленіи, страшно разстроены.

дарствѣ Гамлетъ.

писъ
Гь вина, сударь?

Гильденштернъ.

Нѣтъ, государь, скорѣй отъ желчи.

Гамлетъ.

Ваша мудрость обнаружилась бы сильнѣе въ сообщеніи объ этомъ его доктору; вѣдь если я пропишу ему чистительное, то, можетъ быть, онъ еще больше погрузится въ желчное настроеніе.

Гильденштернъ.

Добрый государь, положите извѣстные предѣлы вашей мысли, и не бросайтесь такъ дико въ сторону отъ моего дѣла.

Гамлетъ.

Я присмирѣлъ, сударь; вѣщайте.

Гильденштернъ.

Королева, ваша мать, въ величайшемъ душевномъ волненіи, послала меня къ вамъ.

Гамлетъ.

Добро пожаловать.

Гильденштернъ.

Нѣтъ, добрый мой государь, эта вѣжливость незаконнорожденная. Если вамъ угодно отвѣчать мнѣ здраво, я передамъ вамъ приказаніе вашей матушки; если нѣтъ, то данное мнѣ порученіе окончится извиненіемъ передъ вами и уходомъ.

Гамлетъ.

Не могу я, сударь...

Гильденштернъ.

Чего, государь?

Гамлетъ.

Отвѣчать вамъ здраво: мой умъ боленъ; но приказывайте мнѣ, сударь, отвѣчать такъ, какъ я умѣю вамъ или, вѣришь, какъ вы сказали, моей матери. И затѣмъ,—ни о чемъ, кромѣ дѣла. Мать моя, говорите вы...

Розенкранцъ.

Она выразилась такъ: ваше поведеніе повергло ее въ смущеніе и удивленіе.

Гамлетъ.

Что за удивительный сынъ, смогшій такъ поразить свою мать! Но не слѣдуетъ ли еще что-нибудь по пятамъ этого материнскаго удивленія?

Розенкранцъ.

Она желаетъ поговорить съ вами въ своей комнатѣ, раньше чѣмъ вы пойдете спать.

Гамлетъ.

Мы повинемся ей, какъ еслибъ она была десять разъ нашей матерью. Не имѣете ли вы еще какого-нибудь дѣла къ намъ?

Розенкранцъ.

Государь, вы когда-то любили меня...

Гамлетъ.

И теперь люблю, клянусь (*показывая свои пальцы*) этими водами и мошенигами.

Розенкранцъ.

Добрый государь, въ чемъ причина вашего разстройства? Вы добровольно запираете дверь своей свободы, скрывая свои скорби отъ вашего друга.

Гамлетъ.

Мнѣ не достаетъ повышенія.

Розенкранцъ.

Какъ это можетъ быть, когда голосъ самого короля за ваш престолонаслѣдіе въ Даніи?

Гамлетъ.

Да; но „пока травка подрастетъ“,—пословица нѣсколько заплѣсневѣла...

Входитъ статистъ съ флейтою.

Гамлетъ.

А, флейта! Покажите-ка. (*Розенкранцу и Гильденштерну, которые жестами просятъ идти за ними*). Идти за вами? Что вы мечетесь изъ стороны въ сторону, обнюхивая мой слѣдъ, точно хотите загнать меня въ тенета?

Гильденштернъ.

О, государь! если мой долгъ черезчуръ смѣлъ, то и любовь моя черезчуръ безцеремонна.

Гамлетъ.

Я не совѣмъ понялъ это. Не сыграете ли на этой дудкѣ?

Гильденштернъ.

Не умѣю, государь.

Гамлетъ.

Пожалуста.

Гильденштернъ.

Повѣрьте, не умѣю.

Гамлетъ.

Умоляю васъ.

Гильденштернъ.

Я не знаю, какъ за нее взяться, государь.

Гамлетъ.

А это такъ же легко, какъ лгать. Нажпмайте эти отверстія большимъ пальцемъ и остальными, дуйте въ нея ртомъ, и раздается отличная музыка. Взгляните, вотъ лады.

Гильденштернъ.

Но я не сумѣю приказать имъ пздать какую-либо гармонию; мнѣ не достаетъ умѣнья.

Гамлетъ.

Ну, подумайте же теперь, какой негодной вещью считаете вы меня. Вы хотите играть на мнѣ; вы дѣлаете видъ, что знаете всѣ мои лады; вы хотите выщипнуть самую сердцевину моей

тайны; вы хотите заставить меня звучать отъ самой низкой до самой высокой ноты моего діалазона,—а въ этомъ небольшомъ инструментѣ заключается музыка, чудный голосъ, и вы не умѣете заставить его говорить. Что-жь, или по вашему на мнѣ легче играть, чѣмъ на какой-нибудь дудкѣ? Зовите меня какимъ вамъ угодно инструментомъ, вы можете раздражить меня, но не играть на мнѣ.

Входитъ: Полоній.

Гамлетъ.

Благослови васъ Господь, государь.

Полоній.

Королева, государь, желаетъ говорить съ вами, и немедленно.

Гамлетъ.

Видите ли вы это облако, которое по формѣ почти-что верблюдъ?

Полоній.

Клянусь обѣдней, и въ самомъ дѣлѣ, оно похоже на верблюда.

Гамлетъ.

Мнѣ кажется, оно похоже на ласку.

Полоній.

Спинка совершенно какъ у ласки.

Гамлетъ.

Или на кита?

Полоній.

Очень похоже на кита.

Гамлетъ.

Значить, я сейчасъ же пойду къ матушкѣ.—Они задурачатъ меня до того, что я надорвусь.—Я приду сейчасъ же.

Полоній.

Я такъ и скажу.

(*Входитъ* Полоній).

Гамлетъ.

„Сейчасъ же“, сказать легко...—Оставьте меня друзья.

(*Входятъ* всѣ, кромѣ Гамлета).

Гамлетъ, одинъ.

Насталъ часъ ночи, посвященный чарамъ!
 Кладбища разверзаются, и адъ
 Повѣтрія на землю выдыхаетъ.
 Я-бъ могъ теперь горячую пить кровь
 И совершить такое злое дѣло,
 Что день бы вздрогнулъ, глядя на него...
 Довольно... Къ матушкѣ теперь... О, сердце!
 Не измѣняй природѣ. Не пускай
 Въ грудь крѣпкую мою души Нерона...
 И пусть жестокъ я буду, но не извергъ.
 Бинжалами я стану говорить,
 Но въ дѣло не пушу. Моя душа
 И мой языкъ притворщиками будутъ.
 И какъ бы я словами ни кололъ
 Ее,—запечатлѣть ихъ дѣломъ
 Моя душа во вѣкъ не согласится.

(Уходитъ.).

С Ц Е Н А III.

Комната гамъ же.

Входятъ: Король, Розенкранцъ, Гильденштернъ.

Король.

Я не люблю его; притомъ, опасно
 Его безумство оставлять на волѣ,
 А потому—готовьтесь: съ порученьемъ
 Немедленно я отправляю васъ,
 И съ вами въ Англію и онъ поѣдетъ.
 Нельзя, по государственнымъ причинамъ,
 Потворствовать случайностямъ опаснымъ.
 Что ежечасно можетъ породить
 Его безуміе.

Гильденштернъ.

Мы соберемъ мигомъ.—

Религіозно-святъ тотъ страхъ, который
 Опасность удаляетъ отъ народа
 Что и живетъ, и дышитъ королемъ.

Розенкранцъ.

И единичный, частный человѣкъ
 Обязанъ защищаться отъ невзгоды
 Всей силой и оружіемъ ума.
 Тѣмъ паче духъ тотъ, отъ чьего дыханья
 Зависитъ и покоится на немъ
 Существованье всѣхъ. Смерть государя
 Не однокая кончина; увлекаетъ
 Она, какъ омутъ, все что близко къ ней.
 Сравню ее съ огромнымъ колесомъ,
 Стоящимъ на вершинѣ высочайшей.
 Въ громадныхъ же спицы колеса
 И вдѣланы, и къ нимъ прикрѣплены
 Десятки тысячъ небольшихъ вещейъ.
 Лишь упадетъ,—и всѣ приспособленья
 Ничтожныя, и мелкія всѣ части
 Ждетъ гибель бурная. Вздохъ короля
 Всегда сопровождаетъ общій стонъ.

Король.

Пожалуста, прошу васъ, снарядитесь
 Къ послѣшнему отъѣзду. Капдалы
 Надѣнемъ мы на пугало, что бродитъ
 Ужь черезчуръ по волѣ.

Гильденштернъ. Розенкранцъ.

Мы готовы будемъ.

Входитъ: Полоній.

Полоній.

Онъ къ королевѣ въ комнату сейчасъ
 Придетъ. Я спрячусь за ковромъ, чтобъ слышать
 Ихъ разговоръ. Ручаюсь вамъ, она
 Его приструнитъ. И, какъ вы сказали,—
 И это было сказано умно,—
 Удобиѣ, чтобъ къ матери въ придачу
 (Всѣ матери пристрастны по природѣ)
 Такія рѣчи слышалъ и другой.
 Я, государь, зайду еще предъ тѣмъ

Какъ вамъ въ постель ложиться, и тогда
Все расскажу.

(Уходитъ).

Король *(одинъ)*.

Благодарю васъ.— О!

Мой грѣхъ смердитъ и вопіетъ на небо.
На немъ лежитъ древнѣйшее проклятье,—
Братоубійство.— Не могу молиться...
Какъ ни сильны желаніе и воля,
Ихъ побѣждаетъ мой сплывшій грѣхъ.
Какъ тотъ, кому поручены два дѣла,
Я мѣшкаю, не зная что начать
И упускаю оба. О, когда бы
Моя проклятая рука была
На толщину свою покрыта кровью брата,
То развѣ въ небесахъ святыхъ не хватить
Дождя, чтобъ убѣлить ее, какъ снѣгъ?—
И развѣ милосердіе не въ томъ,
Чтобъ прямо стать противъ лица грѣха?
И что въ молитвѣ, если не двойная
Та сила что и охраняетъ
Насъ до паденья, и дастъ прощенье,
Когда мы ницъ?.. О, подыми же очи!..
Мой грѣхъ свершенъ. Какая же молитва
Приличествуетъ мнѣ?.. О, отпусти
Мнѣ гнусное мое убійство!
Нѣтъ, это невозможно: я владѣю
Всѣмъ тѣмъ, изъ-за чего свершилъ убійство:
И королевой, и вѣнцомъ, и трономъ.
Какъ заслужить прощенье, удержавъ
Грѣхъ при себѣ? Въ порочномъ здѣшнемъ мірѣ
Грѣхъ позолоченной своей рукою
Дерзаетъ правосудье отстранять.
Мы часто видимъ, что сама добыча
Грѣховная идетъ на то, чтобъ подкупить
Законъ. Не такъ горѣ. Тамъ нѣтъ увертокъ,
Тамъ всѣ дѣла являются въ своемъ
Природномъ видѣ. Тамъ принуждены мы
Дать показанье передъ обнаженнымъ

Лицомъ грѣха. Что жь дѣлать мнѣ? О, что?..
Испробовать что сможетъ покаянье?
Чего оно не сможетъ, и что значитъ,
Когда раскаяться не въ силахъ грѣшникъ?
О, доля горькая! Грудь, черная какъ смерть!
О ты, душа погряшая! чѣмъ больше
На волю рвешься ты,—тѣмъ глубже загрязяешь
О, ангелы! поборникамъ будьте.
Согнитесь, упрямыя колѣни!
Ты, сердце съ жилами стальными, размягчись,
Какъ нервъ поворожденнаго младенца.
Еще возможность есть...

(Отходитъ въ сторону и становится на колѣни).

Входитъ: Гамлетъ.

Гамлетъ.

Теперь его,—теперь онъ на молитвѣ.
Теперь его я... и пойдетъ на небо,
И отомщенъ я буду? Поразмыслить
Объ этомъ надо. Моего отца
Убилъ мерзавецъ, и за это я,
Я сынъ его единственный, мерзавца
Пошлю на небеса.— О, нѣтъ!
То плата, награжденье, а не месть.
Отца онъ грубо, въ сытости тѣлесной,
Подсторожилъ; когда его грѣхи
Всѣ распустилися, свѣжи, какъ май.
И какъ ему за то отдать отчетъ
Придется—знаетъ Богъ одинъ. Но судя
По человѣческимъ дѣламъ и мыслямъ,
Ему тамъ тяжело.—И отомщу я,
Убивъ его, когда онъ очищаетъ
Молитвой душу, и вполне готовъ,
Чтобъ перейти въ тотъ міръ? О, нѣтъ!
Стой, мечь мой! И себя побереги
Для болѣе ужаснаго удара..
Когда онъ будетъ пьянъ, во снѣ, во гнѣвѣ,
Иль въ нечестивыхъ наслажденьяхъ ложа,
Играть, божиться, или дѣлать то,
Въ чемъ нѣтъ намека даже на спасенье,—

Тогда хватн его: пусть полетпть
Внизъ головой, съ душой проклятой
И черною, какъ адъ, куда она
Пойдетъ.—Мать ждетъ меня.—Лѣкарство это
Протянетъ только жизнь твою больную.

(Уходитъ).

Король *встаетъ и подходитъ къ авансценѣ.*

Король, *одинъ.*

Слова взлетаютъ, мысли на землѣ.
Слова безъ мысли не взойдутъ на небо.

(Уходящъ).

СЦЕНА IV.

Другая комната тамъ же.

Входятъ: Королева и Полоній.

Полоній.

Сейчасъ онъ явится. Смотрите-жь, будьте
Какъ можно строже съ нимъ. Скажите прямо,
Что выходки его зашли
Такъ далеко, что ихъ сносить нельзя;
Что ваша милость лично заслонили
Его отъ гнѣва тяжкаго. Но время
Мнѣ замолчать. Пожалуста же, будьте
Покруче съ нимъ.

Гамлетъ *за сценой.*

Матушка, матушка, матушка!

Королева:

О, я ручаюсь вамъ,
Не бойтесь... Его шагн,—уйдите.

(Полоній прячется).

Входитъ: Гамлетъ.

Ну-съ, матушка, что скажете?

Королева.

Гамлетъ,—

Отецъ твой сильно оскорбленъ тобою.

Гамлетъ.

Отецъ мой вами сильно оскорбленъ.

Королева.

Довольно! твой отвѣтъ—пустыя рѣчи.

Гамлетъ.

И полно! вашъ вопросъ—пустыя рѣчи.

Королева.

Гамлетъ, что это значить?

Гамлетъ.

Въ чемъ же дѣло?

Королева.

Иль ты забылъ, кто я?

Гамлетъ.

О, нѣтъ! клянусь

Крестомъ, что не забылъ. Вы—королева,
Вы брата мужа вашего жена,—
Когда-бъ вы ею не были!—Вы мать
Моя.

Королева.

О, если такъ, я позову
Людей, что съ вами говорить сумѣютъ.

Гамлетъ.

Нѣтъ, нѣтъ, садитесь; не уйдете вы,
Не шевельнетесь, пока предъ вами
Я не поставлю зеркала, гдѣ вы
Увидите все скрытое въ душѣ.

Королева.

Что хочешь дѣлать ты? Вѣдь не убьешь же
Меня?.. Эй, помогите!

Полоній. *за ковромъ.*

Эй, сюда!

На помощь! ей, сюда!..

Гамлетъ обнажаетъ шпагу

А! кто тамъ? Крыса?

(Бьетъ сквозь коверъ).

Убилъ! червонецъ объ закладъ, убилъ!

Полоній, за ковромъ.

О, я убить! (Падаетъ и умираетъ).

Королева.

О Боже! что ты сдѣлалъ?

Гамлетъ.

Не знаю самъ... Король? (подымаетъ коверъ и вытаскиваетъ тѣло Полонія).

Королева.

Какое—ахъ!—

Кровавое и бѣшеное дѣло.

Гамлетъ.

Кровавое;—да, матушка, почти
Такое-жъ северное, какъ короля
Убить, и слѣдомъ повѣнчаться съ братомъ
Убитаго.

Королева.

Какъ короля убить?

Гамлетъ.

Такъ, государыня; мои слова

(Полонію):

А ты,—прощай, несчастный, суетливый,
Вездѣ совавшійся глупецъ! Я принялъ
Тебя за лучшаго... Что-жъ? Такова
Твоя судьба. Быть слишкомъ хлопотливымъ,
Какъ самъ ты видишь, нѣсколько опасно.

(Королеву):

Да будетъ же ломать вамъ руки. Тс!
Садитесь, и позвольте мнѣ сломать
Вамъ сердце, а его сломлю я,
Когда въ него возможность есть проникнуть,
Когда проклятая привычка до того

Его не закалила, что для чувства
Оно, какъ крѣпость, стало неприступно.

Королева.

Но что-жъ я сдѣлала, что съ грубымъ крѣкомъ
Ты смѣешь бичевать меня словами?

Гамлетъ.

Такое дѣло, что грязнѣе румянецъ
И прелесть скромности; зоветъ
Притворствомъ нравственность; срываетъ розу
Съ прекраснаго чела любви невинной
И насаждаетъ тамъ нарывъ; оно
Обѣты при вѣнчаньи превращаетъ
Въ такую-жъ ложь, какъ клятвы игрока,
Такое дѣло—о!—что вырываетъ
Изъ договора самый смыслъ, и вѣру
Сладчайшую способно сдѣлать
Наборомъ словъ.—Побагровѣло небо
И твердая, матерая земля,
Какъ въ ожиданьи Страшнаго суда,
Глядитъ печально и душой болѣетъ
Объ этомъ дѣлѣ.

Королева.

Боже! что за дѣло,

Что въ этомъ предисловіи гремитъ
Съ такимъ раскатомъ?

Гамлетъ.

О, сюда взгляните:

На эту вотъ картину и на ту,
На эти вѣрные портреты братьевъ.—
О, что за прелесть у него въ лицѣ!
Гиперіона кудри, лобъ Зевеса,
Глядитъ какъ Марсъ: властительно и грозно;
Стоитъ онъ, какъ Меркурій боговѣстникъ,
Едва коснувшійся заоблачной вершины.
И цѣлое, и обликъ таковы,
По истинѣ, что кажется все боги
Къ нему свои печали приложили,

Чтобъ міру дать образецъ человѣка.
 Онъ былъ вашъ мужъ. Теперь сюда глядите:
 Вотъ нынѣшній вашъ мужъ; какъ ржавый колосъ,
 Здороваго онъ брата отравилъ.
 Иль слѣны вы? Какъ вы могли оставить
 Нагорный лугъ, чтобъ жиру нагулять
 Въ трясины? А? Иль слѣны вы?
 Не говорите о любви... Да, въ ваши годы
 Уже укротилась горячка крови:
 Она смирна и слушаетъ разсудка.
 Какой же умъ способенъ перейти
 Отъ этого къ тому? И что за дьяволъ
 Такъ обморочилъ васъ, играя въ жмурки?
 О, стыдъ! гдѣ твой румянецъ? Адъ мятежный,
 Коль ты бунтуешь такъ въ костяхъ матроны,
 То пусть же добродѣтель станетъ воскомъ
 Для пылкой юности, и таетъ
 Въ ея огнѣ. Къ чему кричать: „ахъ, срамъ!“
 Когда невольная горячность увлекаетъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ и морозъ горитъ такъ жарко,
 И разумъ сводничаешь волю.

Королева.

О!..

О, замолчи, Гамлетъ. Ты въ глубь души
 Меня заставилъ заглянуть, и тамъ
 Я вижу застарѣлыя такія
 И черныя мѣста, что прежній цвѣтъ
 Не возвратится къ нимъ.

Гамлетъ.

Все такъ, но жить
 Въ вонючемъ потѣ мерзостной постели;
 Купаться въ гнили; на навозной кучѣ
 Любить и ластиться!..

Королева.

О, замолчи же.

Твои слова, какъ бы кинжалы,
 Мнѣ входятъ въ уши. Милый мой Гамлетъ,
 Довольно ужъ...

Гамлетъ.

Убійца и мерзавецъ!

Холопъ, не стоящій двухсотой доли
 Властителя; паяцъ межъ королей;
 Карманный воръ правительства и власти;
 Стянулъ онъ съ полки дорогой вѣнецъ,
 И положилъ его въ карманъ...

Королева.

Довольно.

Входитъ Духъ.

Гамлетъ.

Король изъ тряпокъ и лоскутьевъ!.. Стражи
 Небесныя! спасите, и меня
 Покройте вашими крылами!..
 Чего ты хочешь, милый образъ?

Королева.

Боже!

Онъ помѣшался..

Гамлетъ.

Ты пришелъ затѣмъ,

Чтобъ пожурить медлительнаго сына,
 Что страсть и время тратилъ и не шель
 На дѣло важное по грозному приказу?
 О, говори!

Духъ.

Запомни: я явился

Лишь для того, чтобъ отточить твою
 Почти совсѣмъ притупленную волю,
 Но мать твоя, взглянувъ, объята страхомъ;
 Вступишь въ ея борьбу съ ея душою,
 Мысль въ слабомъ тѣлѣ дѣйствуетъ сильнѣе.
 Скажи ей слово.

Гамлетъ.

Что съ вами, государыня?

Королева.

О, Боже!

Нѣтъ, съ вами что? Зачѣмъ вы устремили

Взоръ въ пустоту и съ воздухомъ безплотнымъ
 Ведете рѣчь? Изъ вашихъ глазъ украдкой,
 Испугано глядитъ душа,— и ваши
 Всѣ волосы, ожившіе покровы,
 Какъ сонные солдаты при тревогѣ,
 Вскочили на-ноги, и стали дыбомъ...
 О, милый сынъ!
 Терпѣніемъ холоднымъ окропите
 И жаръ, и пламя вашего безумства.
 На что вы смотрите?

Гамлетъ.

О, на него!

Вотъ онъ! Взгляните, какъ лицомъ онъ блѣденъ.
 Когда-бъ съ такимъ лицомъ, онъ камнямъ
 Сталъ о своей обидѣ говорить,—
 Они бы поняли.— О, не гляди же
 Ты на меня: отъ жалости шатнется
 Неколебимая моя рѣшимость,
 И то, что сдѣлать долженъ я,— утратить
 Свой настоящій цвѣтъ; не кровь польется,
 А слезы.

Королева.

Съ кѣмъ вы говорили?

Гамлетъ.

Вы

Здѣсь никого не видите?

Королева.

Не вижу;

Хотя и вижу все что здѣсь.

Гамлетъ.

Но развѣ

Вы ничего не слышали?

Королева.

Ни слова.

За исключеньемъ насъ самихъ.

Гамлетъ.

Глядите-жь:

Вотъ онъ украдкою уходитъ. Онъ,

Отецъ мой, въ томъ же платьѣ, какъ живой.
 Вотъ въ двери онъ теперь сейчасъ уходитъ.

(Уходитъ: Духъ).

Королева.

Всѣ эти выдумки—у васъ въ мозгу.
 Въ бреду намъ грезятся легко такія
 Безплотныя созданія.

Гамлетъ.

Въ бреду?

Но пульсъ мой бьется ровно, какъ у васъ,
 Въ здоровомъ темпѣ. Что я говорилъ,
 То вовсе не безумство. Прикажите,
 Я все сначала, слово въ слово, вамъ
 Перескажу. Уклонится безумный
 Отъ этого. Ахъ, матушка! не лейте
 Того обманнаго бальзама въ сердце,
 Что говорить сейчасъ не вашъ проступокъ,
 А сумасшествіе мое. Онъ только
 Закроетъ и затянетъ язву,
 А гнойный ядъ, прорвавшись внутрь, незримо
 Все заразитъ. О! примиритесь съ небомъ,
 Покайтесь въ прошломъ, и воздержны станьте.
 Не расточайте удобренія на то,
 Чтобъ сорная трава росла сочнѣе.—
 Простите мнѣ вы эту добродѣтель;
 Въ нашъ ожирѣвшій до одышки вѣкъ
 Должна и добродѣтель у порока
 Просить прощенья. Да, предъ нимъ склоняться
 И умолять о позволеніи сдѣлать
 Добро ему же.

Королева.

О, Гамлетъ! Ты сердце

Разбилъ мнѣ на-двое.

Гамлетъ.

О, бросьте же его

Дурную половину, и живите
 Съ другою въ чистотѣ. Покойной ночи.—

Но не ходите нынче въ спальню къ дядѣ.—
И если добродѣтели въ васъ нѣтъ,—
То притворитесь. Воздержитесь нынче,
И это облегчитъ вамъ воздержанье
На слѣдующій разъ. Покойной ночи...
И если дорого для васъ благословенье,
Пожалуйста, меня благословите

(Указывая на *Полонія*).

А что до этого, то каюсь я.
Но небесамъ угодно было наказать
Его при помощи моей, меня же
При помощи его, я принужденъ былъ
Стать ихъ кнутомъ и палачомъ.
Его я спрячу и сумѣю дать отвѣтъ
Въ томъ, что убилъ его. Итакъ, еще разъ
Покойной ночи. Принужденъ я быть
Жестокимъ исключительно затѣмъ,
Чтобъ добрымъ быть. Такъ началось худое.
А худшее осталось.

Королева.

Что мнѣ дѣлать?

Гамлетъ.

Никакъ не то, о чемъ я васъ просилъ.
И пусть король, опухшій отъ распутства,
Васъ снова увлечетъ, и сладострастно
Васъ за щеку щипнетъ, и назоветъ
Своею мышкою. И пусть за пару
Вонючихъ поцѣлуевъ, плъ за то,
Что пальцами проклятыми своими
За шейкою у васъ онъ пощекочетъ,—
Онъ васъ принудитъ все себѣ открыть:
Что дѣло въ томъ, что въ сущности я вовсе
Не сумасшедшій; что мое безумство
Простая хитрость. И отлично будетъ,
Когда вы все расскажете ему...
Кому же, кромѣ васъ то, королевы,
Красивой и воздержной, и премудрой,
Скрывать такіе важные секреты

Отъ этого кота, нетопыря,
Отъ этой жабы? Кто жъ на то рѣшится?
Нѣтъ, вопреки и скрытности, и смыслу
Откройте клѣтку, что на крышѣ дома
И выпустите птиць; а сами вы,
Въ примѣръ другямъ, какъ обезьяна въ баснѣ,
Залѣзьте въ клѣтку и сломите шею.

Королева.

О, будь покоенъ, если наше слово—
Дыханье, а дыханье—жизнь,
То жизни нѣтъ во мнѣ, чтобъ продышать
Что говорилъ ты мнѣ.

Гамлетъ.

Меня

Ссылаютъ въ Англiю,—извѣстно вамъ?

Королева.

Ахъ! я забыла,—это рѣшено.

Гамлетъ, указывая на *Полонія*.

Съ него начну сбираться я въ дорогу:
Въ ту комнату я потрохи стащу.
Покойной ночи, матушка. А этотъ
Совѣтникъ сталъ и молчаливъ, и тихъ,
И важенъ,—а всю жизнь свою
Онъ былъ шуткомъ, негоднымъ и болтливымъ.
Ну, сударь, время намъ покончить съ вами...
Покойной ночи, матушка.

*Уходятъ въ разныя стороны; Гамлетъ тащитъ
трупъ Полонія.*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Тамъ же.

Входятъ: король и королева.

Король.

Нѣтъ, эти вздохи тяжкіе и стоны
Не безъ причины; объясните ихъ;
Намъ слѣдуетъ понять ихъ. Гдѣ Гамлетъ?

Королева.

Ахъ, добрый государь, что нынче ночью
Видала я!

Король.

Гертруда, что такое?
Что съ вашимъ сыномъ?

Королева.

Бѣшенный какъ вѣтеръ,
И море, въ спорѣ кто-изъ нихъ сильнѣй,
Замѣтилъ онъ, что кто-то за ковромъ
Зашевелился, и въ припадкѣ безобразномъ
Онъ шпагу выхватилъ, и съ крикомъ „брыса!“
Въ бреду, не видя кто тамъ, закололъ
Несчастнаго Полонія.

Король.

Охъ, тяжело!

И будь мы тамъ, и съ нами было-бъ тоже.
Его свобода угрожаетъ всѣмъ:
И вамъ самимъ, и намъ, и прочимъ...
Ахъ! намъ же отвѣчать за эту кровь.—
Насъ стануть осуждать за то, что мы
Оставили безумца на свободѣ,
Не заперли, не удалили; но любовь
Къ нему такъ велика у насъ,
Что мы не поняли, что слѣдовало слѣлать.
Мы, какъ больной заразною болѣзнью,
Ее скрывая, самымъ сокомъ жизни
Дозволили питаться ей.—Куда
Пошелъ онъ?

Королева.

Спрятать трущ. Но блещетъ онъ
И въ сумашествіи, какъ самородокъ
Межъ низкою рудой: онъ плачетъ самъ
Надъ тѣмъ, что слѣлалъ.

Король.

О, Гертруда!—
Пойдемте. Раньше чѣмъ увидѣть солнце

Коснуться горь, его мы удалимъ.
Мы это дѣло гнусное должны,
При помощи высокой нашей власти
И ловкости, и скрыть, и извинить.
Эй, Гильденштернъ!

Входятъ: Гильденштернъ и Розенкранцъ.

Король.

Друзья,—

Возьмите кой-кого себѣ на помощь:
Гамлетъ Полонія убилъ въ припадкѣ
И трущ изъ спальни матери унесъ;
Идите и сыщите. Обращайтесь
Съ нимъ ласково, а тѣло отнесите
Въ часовню. И, пожалуста, скорѣе.

(Уходятъ: Гильденштернъ и Розенкранцъ.)

Король.

Пойдемъ, Гертруда, соберемъ мудрѣйшихъ
Друзей; объявимъ имъ, какъ оба мы
Предполагаемъ поступить, а также
О томъ, что такъ безвременно случилось...
Въ моей душѣ разстройство и тревога.

СЦЕНА II.

Другая комната тамъ же.

Входитъ: Гамлетъ.

Гамлетъ.

Хорошо спрятанъ!..

Розенкранцъ и другіе, за сценой.

Гамлетъ! принцъ Гамлетъ!

Гамлетъ.

Что за шумъ? Кто зоветъ Гамлета? О, да они идутъ сюда.

Входятъ: Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Розенкранцъ.

Что вы слѣлали съ трупомъ, принцъ?

Гамлетъ.

Смѣшалъ его съ прахомъ, которому онъ съ родни.

Розенкранцъ.

Скажите гдѣ онъ; мы должны взять его оттуда и перенести въ часовню:

Гамлетъ.

И не думайте!

Розенкранцъ.

Чего не думать?

Гамлетъ.

Что я сохранию вашу тайну, а не свою. Притомъ, когда спрашивается губка, — какой отвѣтъ можетъ дать королевскій сынъ?

Розенкранцъ.

Вы принимаете меня за губку, государь?

Гамлетъ.

Да, сударь, за такую, которая всасываетъ королевскія милости, доходы, власть. Но такіе чиновники оказываютъ королю самую важную услугу въ концѣ: онъ, какъ обезьяна, держитъ ихъ въ углу челюсти; раньше всѣхъ они попадаютъ въ ротъ, а проглатываются послѣдними; когда ему понадобится то, что вы всосали, стоитъ только пожать васъ, и вы, губка, станете сухи по прежнему.

Розенкранцъ.

Я не понимаю васъ, государь.

Гамлетъ.

Радуюсь этому: лукавое словцо не щекочетъ глушаго уха.

Розенкранцъ.

Принцъ, вы должны сказать намъ, гдѣ тѣло, и идти съ нами къ королю.

Гамлетъ.

Тѣло съ королемъ, но король не съ тѣломъ. Король есть нѣчто...

Гильденштернъ.

Нѣчто, принцъ?

Гамлетъ.

Отъ ничего. Ведите меня къ нему. Давайте играть въ прятки.
(Уходятъ.)

СЦЕНА III.

Другая комната тамъ же.

Входитъ: Король со свитой.

Король.

Я приказалъ сыскать его п тѣло.
Грозить опасностью, что этотъ человѣкъ
Не въ заключеніи. Но намъ нельзя
Съ намъ поступить по строгости закона:
Онъ такъ любимъ безумною толпой,
Которая боготворитъ глазами,
А не умомъ. А въ случаяхъ подобныхъ,
Не преступленіе берутъ въ расчетъ,
А строгость наказанія. Чтобъ все
Устроилось и гладко, и спокойно,
Необходимо что-бъ его изгнанье
Казалось обдуманнѣмъ рѣшенемъ.
Въ отчаянныхъ болѣзняхъ помогаютъ
Отчаянныя средства, или ничто.

Входитъ: Розенкранцъ.

Король.

Ну, что? что тамъ случилось?

Розенкранцъ.

Государь, —

Мы не могли добиться отъ него,
Куда онъ спряталъ трупъ.

Король.

Но гдѣ онъ самъ?

Розенкранцъ.

Здѣсь, за дверьми; подъ стражей, государь.
И жлетъ приказа вашего.

Король.

Вести

Розенкранцъ.

Сюда.

Эй, Гильденштернъ! введите принца.

Входятъ: Гамлетъ и Гильденштернъ.

Король.

Ну, Гамлетъ, гдѣ Полоній?

Гамлетъ.

На ужинѣ.

Король.

На ужинѣ? гдѣ?

Гамлетъ.

Не тамъ гдѣ онъ ѣсть, а гдѣ его ѣдятъ. Вокругъ него собралась цѣлая дипломатическая конференція червей. А вѣдь червякъ единственный повелитель по части угощенія: мы откармливаемъ другихъ тварей, чтобъ откормить себя, а себя откармливаемъ для гробовыхъ червей. И жриный король, и тощій нищій только два различныя блюда, двѣ перемѣны за однимъ столомъ. И вотъ въ чемъ конецъ.

Король.

Что ты хочешь сказать этимъ?

Гамлетъ.

Только показать, какъ король можетъ пройти по кишкамъ нищаго.

Король.

Гдѣ Полоній?

Гамлетъ.

На небесахъ; пошлите туда справиться; если вашъ гонецъ не найдетъ его тамъ, поищите сами въ другомъ мѣстѣ. Но, по правдѣ, если вы не найдете его въ теченіе мѣсяца, то вынюхаете когда будете всходить по лѣстницѣ въ галерею.

Король (*нѣкоторымъ изъ свиты*).

Поищите его тамъ.

Гамлетъ.

Онъ подождетъ, пока вы придете.

(Уходятъ: нѣкоторые изъ свиты).

Король.

Гамлетъ,—за твой проступокъ, о которомъ Мы сожалѣемъ глубоко, а также Для безопасности твоей, которой Мы дорожимъ,—тебя отсюда Со скоростью огня должны мы выслать. А потому:—сбирайся въ путь сейчасъ же: Корабль готовъ, багоприятенъ вѣтеръ, Ждутъ спутники и все, чтобъ въ Англію Отчалить...

Гамлетъ.

Въ Англію?

Король.

Ну, да, Гамлетъ.

Гамлетъ.

Прекрасно.

Король.

Ты сказалъ бы то же,

Когда бы зналъ намѣренія наши.

Гамлетъ.

Я вижу херувима, который его видитъ.— Но ѣдемъ; въ Англію! Счастливо оставаться, дорогая матушка.

Король.

Твой любящій отецъ, Гамлетъ.

Гамлетъ.

Мать моя. Отецъ и мать—мужъ и жена; мужъ и жена—плоть едина; и такъ, мать моя. ѣдемъ; въ Англію.

(Уходитъ).

Король.

Не отставайте отъ него; на борту Его скорѣе заманите; нынче жъ, Безъ отлагательствъ, долженъ онъ уѣхать. Идите. Все что надлежитъ до дѣла Сдано и запечатано. Спѣшите жъ Пожалуйста.

(Уходятъ: Розенкранцъ и Гильденштернъ).

Король.

О, Англія! когда
Мою любовь во что-нибудь ты цѣнишь
(А этому должно бы научить
Тебя мое могущество, зане
Еще красна, не зажила та рана
Что Датскій мечъ нанесъ тебѣ, и твой
Непринужденный ужасъ платить намъ
Дань уваженія),—ты не посмѣешь
Отвергнуть холодно верховный мой
Привказъ,—а онъ повелѣваетъ прямо,
Въ торжественныхъ и сильныхъ выраженьяхъ.
Убить Гамлета. Соверши же это,
О, Англія! и исцѣли меня:
Какъ люта болѣзнь онъ кровь мою
Терзаетъ. И пока я не узнаю,
Что это сдѣлано,—то пусть и счастье
Мнѣ выпадесть, и радости не буду знать

СЦЕНА IV.

Равнина въ Даніи.

Входитъ: Фортинбрасъ; проходятъ войска.

Фортинбрасъ.

Идите къ королю, и отъ меня
Его привѣтствуйте; скажите, капитанъ,
Что Фортинбрасъ съ его соизволенья,
Ждетъ пропуска для войска чрезъ его
Владѣнія. Скажите также, что когда
Его величеству угодно видѣть насъ.
То мы готовы выразить свой долгъ
Передъ его очами.

Капитанъ.

Исполню, государь.

Фортинбрасъ.

Впередъ, но тихимъ шагомъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Эльзиноръ. Комната въ замкѣ.

Королева.

Я не хочу съ ней говорить.

Гораціо.

Она

Настойчива; притомъ же виѣ себя.
Ея нельзя не пожалѣть.

Королева.

Но что же

Угодно ей?

Гораціо.

Она толкуетъ объ отцѣ

И говоритъ, что знаетъ, что на свѣтѣ
Есть плутни; и вздыхаетъ, и себя
Бьетъ въ грудь; изъ пустиковъ съ досадою
Ногою топаетъ безъ цѣли; говорить
Такія вещи, что на-половину
Понять нельзя; вся рѣчь ея—ничто;
Но тѣхъ, кто слушаетъ, ея безсвязность
И подстрекаетъ къ выводамъ; они
Пускаются въ догадки и шиваютъ
Слова, какъ лоскутки, своею мыслью.
Притомъ, ея движенія, миганья,
Качанья головою, чѣмъ она
Сопровождаетъ рѣчь,—и заставляютъ
Предполагать, что въ самомъ дѣлѣ въ ней
Есть смыслъ, хотя неясный, но печальный.

Королева.

Съ ней слѣдуетъ поговорить. Она
Въ расположенныхъ къ злу посѣять можетъ
Опасныя догадки. Позовите
Ее сюда.

(Уходитъ Гораціо).

Королева *(одна).*

Ужь такова природа

Грѣха, что для моей души больной
Любой пустякъ является предвѣстьемъ
Огромнаго несчастья. Преступленье
Такъ полно безпричинныхъ подозрѣній,
Что изъ боязни испытать терзанья
Терзаетъ самого себя.

Снова входитъ Гораціо съ Офеліей.

О ф е л і я .

Гдѣ прекрасная Датская королева?

К о р о л е в а .

Что съ вами, Офелія?

О ф е л і я *(поетъ)*.

О, скажи мнѣ, кто милѣй
Всѣхъ въ твоихъ глазахъ?
Онъ въ сандаляхъ и шляпѣ,
Съ посохомъ въ рукахъ.

К о р о л е в а .

Ахъ, милая дѣвушка, что значить эта пѣсня?

О ф е л і я .

Что вы сказали? Нѣтъ, пожалуйста слушайте *(поетъ)*

Умеръ онъ и погребенъ;
Онъ въ землѣ сырой.
У него въ ногахъ гранить,
Мохъ надъ головой.

К о р о л е в а .

Но, Офелія...

О ф е л і я .

Слушайте, пожалуйста. *(Поетъ:)*

Саванъ бѣлъ, какъ снѣгъ нагорный...

Входитъ: Король.

К о р о л е в а .

Ахъ, взгляните сюда, государь.

О ф е л і я *(поетъ)*.

Весь покрытъ цвѣтами.

Ахъ, не лила милая надъ нимъ
Слезъ ручьями.

К о р о л ь .

Какъ поживаете, прелестная дѣвушка?

О ф е л і я .

Хорошо, да воздастъ вамъ Богъ!.. Говорятъ, сова была дочерью
хлѣбопека... Господи! мы знаемъ, что мы теперь, но не знаемъ
что съ нами будетъ. Благослови, Боже, вашъ обѣдъ.

К о р о л ь .

Думаетъ о своемъ отцѣ.

О ф е л і я .

Пожалуйста, ни слова объ этомъ; но если спросятъ, что это
значить, то говорите: *(Поетъ)*.

Всѣ въ Валентиновъ день съ зарею
Проснутся завтра, милый;
Я стану подъ твоимъ окномъ
Твоею Валентиной.

* * *

Онъ услыхалъ, онъ мигомъ всталъ,
И дверь толкнулъ рукою;
Она домой пошла пной:
Не съ прежней чистотою.

К о р о л ь .

Прелестная Офелія!

О ф е л і я .

Въ самомъ дѣлѣ, да, и я кончу объ этомъ безъ проклятья:
(Поетъ).

Спаситель и любовь святая!
Ахъ, жальтесь! обижаютъ!
У всѣхъ мужчинъ отвѣтъ одинъ:
Они стыда не знаютъ.

* * *

Она ему:—ты обѣщалъ
Со мною обвѣнчаться?
—„Зачѣмъ же было до вѣнца
Со мною обниматься?“

Король.

Давно-ли это съ ней?

Офелія.

Надѣюсь, все будетъ хорошо. Надо быть терпѣливымъ: но мнѣ остается только плакать, какъ подумаю что они опустятъ его въ холодную землю. Мой братъ узнаетъ объ этомъ, и зѣтѣмъ благодарю васъ за добрый совѣтъ. Эй, карету мнѣ! Покойной ночи, дамы; покойной ночи, милыя дамы; покойной ночи, покойной ночи. (*Уходитъ*).

Король.

Не отставайте отъ нея; слѣдите,
Пожалуйста, за нею хорошенько.

(*Уходитъ: Гораціо*).

Король.

О, это ядъ глубокой скорби. Смерть
Ея отца—тотъ ключъ, откуда онъ
Бѣжитъ. Гертруда, о Гертруда! Бѣды,
Не какъ лазутчики, идутъ на насъ,
Не въ одиночку, цѣлыми полками.
Убить ея отца; вашъ сынъ уѣхалъ,—
Запальчивый виновникъ своего
Вполнѣ законнаго изгнанья. Дальше,
Чернь замутилась; тупоголова,
Болѣзненна въ догадкахъ шепотливыхъ
На счетъ Полонія; мы поступили
По-дѣтски, схоронивъ его украдкой.
И бѣдная Офелія!.. погибъ
Твой свѣтлый умъ... А безъ него
Мы иль картины, или просто звѣри...
И наконецъ,—и это превосходятъ
Всѣ наши бѣды—братъ ея вернулся
Изъ Франціи секретно; упиваясь
Необычайностью, какъ въ тучу онъ закутанъ...
И шептуны найдутся, и отравятъ
Заразными рѣчами слухъ его
На счетъ убійства старика; они,
За неимѣнемъ фактовъ, по неволѣ
Усердно, шепоткомъ винятъ особу нашу.

О, милая Гертруда! это,
Какъ бомба, мнѣ наноситъ слишкомъ много
Смертельныхъ ранъ (*За сценой шумъ.*)

Королева.

О, Боже! что за шумъ?

Входитъ: Дворянинъ.

Король.

Эй, гдѣ мои швейцарцы? Ихъ на стражу!

Что тамъ за шумъ?

Дворянинъ.

Спасайтесь, государь.

И океанъ, переступивъ границы,
Не пожираетъ плоскихъ береговъ
Съ такою быстротой неумолимой,—
Какъ молодой Лаэртъ, съ толпой мятежной,
Сметаетъ вашихъ офицеровъ. Шайка
Его зоветъ ужъ королемъ. Какъ будто
Миръ только начинается жить,
Какъ будто древность и обычай, — эти
Столпы и утвердители всѣхъ званій, —
Забиты плъ невѣдомы, — они
Кричатъ: „Мы въ правѣ избирать! Лаэрта
Поставимъ въ короли!“ И шапки, руки
И языки до облаковъ доносятъ:
„Лаэрта въ короли! Лаэртъ король!“

Королева.

Какъ весело по ложному слѣду
Они погнали. Нѣтъ, ошиблись вы,
Собаки-Датчане.

(*Шумъ за сценой.*)

Король.

Взломали двери.

Входитъ: Лаэртъ, вооруженный; за нимъ Датчане.

Лаэртъ.

Гдѣ онъ, король?.. Оставайтесь за дверьми.

Датчане.

Нѣтъ, мы войдемъ.

Лаэртъ.

Прошу васъ, господа.

Ужь предоставьте мнѣ.

Датчане.

Ну, ладно, ладно.

(Они отступаютъ за дверь.)

Лаэртъ.

Благодарю васъ. Охраняйте двери. —
А ты, король презрѣнный! Возврати
Мнѣ моего отца.

Король.

Спокойнѣе, Лаэртъ...

Лаэртъ.

Та капля крови, что во мнѣ спокойна,
При всѣхъ зоветь меня побочнымъ сыномъ
И рогоносцемъ моего отца;
Она клеймо распутства выжигаетъ
У вѣрной матери моей, вотъ-туть,
На чистомъ незапятнаномъ челѣ.

Король.

Но почему же твой мятежь, Лаэртъ,
Глядитъ такимъ гигантомъ? Нѣтъ, Гертруда,
Пусть онъ... Не бойтесь за особу нашу.
Охрана короля — такое божество,
Что лишь украдкою измѣна можетъ
Глядѣть на замыслы свои; а воля
Ея бездѣйствуетъ. — Скажи. Лаэртъ,
Съ чего ты такъ безумствуешь!.. Пусть онъ.
Гертруда... Говори же, другъ.

Лаэртъ.

Гдѣ мой

Отецъ?

Король.

Онъ умеръ.

Королева.

Не его вина...

Король.

Пусть до конца ведетъ допросъ.

Лаэртъ.

Какъ умеръ онъ?

Я передержекъ тутъ не допущу,
Въ адъ вѣрнопопданство! присяга
Къ чернѣйшему изъ демоновъ! И совѣсть,
И благодать въ бездонную пучину!
Я посягаю на свое спасенье,
Я до того дошелъ, что презираю
И здѣшнюю, и будущую жизнь.
Что будетъ, то и будетъ. Только-бъ мнѣ
За смерть отца достойно отомстить.

Король.

Кто-жь помѣшаетъ вамъ?

Лаэртъ.

Ни цѣлый міръ,

Моя лишь воля. Что до средствъ, то я
Сумѣю такъ распорядиться ими,
Что съ малымъ до великаго достигну.

Король.

Но, добрый нашъ Лаэртъ, когда
О смерти вашего дрожайшаго отца
Вы истину желаете узнать, —
То неужли же ваша мечь предприметъ
Всѣ ставки безъ разбора забирать,
И у друзей, и у враговъ; у тѣхъ
Кто выигралъ, и тѣхъ, кто проигралъ?

Лаэртъ.

Нѣтъ, у однихъ враговъ.

Король.

Такъ вы хотите,
Конечно, ихъ узнать?

Лаэртъ.

А добрымъ
Его друзьямъ,—широко я раскрою
Свои объятія; какъ пеликанъ,
Любвеобильно жертвующій жизнью,
Своею кровью питаю ихъ.

Король.

Ну вотъ, теперь заговорили вы,
Какъ добрый сынъ, какъ истый дворянинъ.
Что въ смерти вашего отца я не виновенъ,
Что я о ней чувствительно грущу,
Для вашего ума такъ станетъ ясно,
Какъ свѣтъ для вашихъ глазъ.

Датчане, за сценой.

Впустить ее!

Лаэртъ.

Что тамъ за шумъ?

Входитъ: Офелія, причудливо убранная соломой и цвѣтами.

Лаэртъ.

Жаръ, изсуши мой мозгъ!

Вы, слезы, вы, соленныя седмижды,
О, выжгите изъ глазъ моихъ все чувство
И всѣ способности... Клянуся небомъ,
Я вѣсомъ отплачу ваше безумство,
Пока и коромысла у вѣсовъ
Вполнѣ не перетянетъ наша чаша.
О, роза майская! о, дорогая
Ты дѣвушка, любимая сестра,
Прелестная Офелія!—О, небо!
Иль умъ молоденькой дѣвицы также
Не долговѣченъ, какъ и старца жизнь?
Въ любви нѣжна природа, и вездѣ,
Гдѣ нѣжною является она,—

Она свой драгоценный отпечатокъ
Даетъ тому, что любитъ.

Офелія (*поетъ*).

Въ гробу понесли съ непокрытымъ лицомъ,
Траля-ля, траля-ля, траля-ля!
И слезы лилися въ могилу дождемъ.

Прощай, голубчикъ!

Лаэртъ.

О, будь ты въ разумѣ, то и тогда
Ты къ мести не могла-бъ сильнѣй подвигнуть.

Офелія.

Вамъ надо пѣть: „все внизъ, да внизъ, да внизъ его!“ Какъ
подъ это ловко пряться на веретенѣ! А дочь господина увезъ его
лживый дворецкій.

Лаэртъ.

Это „ничто“ говоритъ больше дѣла.

Офелія.

Вотъ размаривъ,—это для памяти; пожалуйста, милый, не за-
бывай меня! А вотъ анютины глазки—это чтобъ думали.

Лаэртъ.

Безумная, и даетъ наставленія; заботится, чтобъ думали и
помнили.

Офелія.

Вотъ вамъ укропъ и голубки; вотъ рута для васъ, а вотъ и
для меня; ее зовутъ также воскресной Божьей травкой... О, вы
иначе, особенно должны носить свою руту... Вотъ маргаритки;
хотѣлось бы вамъ дать фіалокъ, да онѣ всѣ завяли, какъ умеръ
мой отецъ. Говорятъ, хороша была его кончина,—

А милый мой Робинъ вся радость моя!

Лаэртъ.

Скорбь, горести, страданья, самый адъ
Ты превращаешь въ прелесть и утѣху!

Офелія, *поетъ*.

И не вернется онъ къ намъ?
И не вернется онъ къ намъ?

Нѣтъ, нѣтъ! умерь онъ...
Умри же и ты:
Онъ не вернется во вѣкъ.

* * *

Съ бѣлой, какъ снѣгъ бородой,
Съ волосами, что лень,
Умерь онъ, умерь онъ!
Изъ груди рвется стонъ:
„Со святыми упокой!“
И души всѣхъ христіанъ. Молю Бога. Господь съ вами!
(Уходитъ Офелія).

Лаэртъ.

О, Господи, ты зришь ли это?

Король..

Лаэртъ, я съ вашею печалью долженъ
Вступить въ переговоры; въ этомъ вы
Мнѣ отказать не въ правѣ. Отправляйтесь
И избирите изъ своихъ мудрѣйшихъ
Друзей кого угодно вамъ, и пусть
Они, насъ выслушавъ, дадутъ рѣшенье.
Когда они найдутъ, что мы плъ прямо,
Иль косвенно прикосновенны къ дѣлу,—
То мы, чтобъ васъ вознаградить, готовы
Отдать корону, жизнь, и все что мы
Зовемъ своимъ; но если нѣтъ, то вы
Благоволите предоставить ваше
Терпѣніе въ мое распоряженье,—
И мы, въ союзъ съ вашею душой,
Начнемъ трудиться, чтобы васъ, какъ должно,
Вознаградить.

Лаэртъ.

Да будетъ такъ.—И то.
Какъ умерь онъ, какъ погребенъ былъ тайно:—
Не воздвигали надъ его могилой
Трофея изъ оружія, меча,
Щита съ гербомъ, и не было при этомъ
Ни установленныхъ обычныхъ церемоній,

Ня пышности,—все это вопіетъ
Съ земли на небо, требуя чтобъ я
Подвергнулъ розыску.

Король.

И будетъ такъ,
И на виновнаго надеть сѣкира.
Пойдемте же, пожалуста, со мной.

(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Другая комната тамъ же.

Входитъ: Гораціо и служитель.

Гораціо.

Что за люди меня желаютъ видѣть?

Служитель.

Матросы, сударь. Говорятъ, что письма
У нихъ есть къ вамъ.

Гораціо.

Пускай войдутъ.

(Уходитъ: Служитель).

Гораціо (одинъ).

Не знаю, кто бы могъ мнѣ въ цѣломъ свѣтѣ
Прислать привѣтъ, за исключеньемъ принца.

Входятъ: Матросы.

Первый матросъ.

Благослови васъ, Господь, сударь.

Гораціо.

Благослови и тебя, Боже.

Первый матросъ.

Благословить, сударь, коль ему будетъ угодно. Вотъ вамъ
письмо, сударь; оно отъ посланника, котораго послали въ Англію,
если васъ зовутъ Гораціо, какъ мнѣ сказали.

Гораціо (читаетъ).

„Гораціо,—прочтя письмо, доставь этимъ молодцамъ доступъ

къ королю: у нихъ есть письма къ нему. На второй день, какъ мы вышли въ море, за нами погнался пиратъ весьма воинственнаго вида; находя что мы медленно идемъ подъ парусами, мы выказали вынужденную храбрость; при abordажѣ я перешелъ на ихъ бортъ; въ тотъ же мигъ они отчалили отъ нашего корабля и такимъ образомъ я одинъ сталъ ихъ плѣнникомъ. Они обращались со мной, какъ сострадательные воры, но они знали, что дѣлали: я стану для нихъ доходной статьей. Постарайся, чтобъ король получилъ письма, которыя я послалъ, и явись ко мнѣ съ такой поспѣшностью, съ какой бѣжалъ бы отъ смерти. Я шепну тебѣ кой-что на ушко, отчего ты онѣмѣешь; но мои слова окажутся слишкомъ легкими по сравненію съ дѣломъ. Эти молодцы проводятъ тебя туда, гдѣ я. Розенкранцъ и Гильденштернъ продолжаютъ свое путешествіе въ Англію; о нихъ мнѣ придется много рассказать тебѣ. Прощай.

Тотъ, про кого ты знаешь, что онъ твой Гамлетъ.
Пойдемте, васъ я провожу туда,
Гдѣ слѣдуетъ отдать вамъ ваши письма.
И я потороплюсь, чтобъ вы скорѣе
Меня свели къ тому, кто васъ послалъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА VII.

Другая комната тамъ же.

Входятъ: Король и Лаэртъ.

Король.

Теперь, Лаэртъ, и ваша совѣсть можетъ
Къ моей уплатѣ приложить печать,
И въ сердцѣ вы должны меня какъ друга
Принять: вы слышали разумнымъ ухомъ,
Что тотъ, кѣмъ былъ убитъ вашъ благородный
Отецъ,—злоумышлялъ на жизнь мою.

Лаэртъ.

Да, это ясно. Но скажите мнѣ,
Зачѣмъ же не преслѣдовали вы
Такихъ и важныхъ, и вполне преступныхъ
Дѣяній, какъ къ тому должны бы васъ

Всей силой понуждать и ваша мудрость,
И безопасность, словомъ, всё?

Король.

По двумъ

Особеннымъ причинамъ. Вамъ онѣ
Ничтожными покажутся, быть можетъ,
Но важны для меня.
Въ немъ королева, мать его, не чаеъ
Души, а я — и въ этомъ, ужъ не знаю,
Мое достоинство, или мое
Проявленіе,—но съ ней душой и жизнью
Такъ тѣсно связанъ я, что не могу
Быть безъ нея, какъ внѣ своихъ предѣловъ
Не можетъ двигаться звѣзда. Второе:
Я потому не могъ его открыто
Предать суду, что чернью онъ любимъ.
Она же, покрывая всё его
Вины своей любовью,—какъ источникъ
Что превращаетъ дерево въ камень, —
Святыней бы почла его оковы.
А при такомъ жестокомъ вѣтрѣ, слишкомъ
Легка была-бъ моя стрѣла: ее
Назадъ свесло бы къ луку, а не къ пѣли,
Въ которую я мѣтилъ.

Лаэртъ.

Такъ-то я

Лыпился благороднаго отца;
Моя сестра страдаетъ безнадежно,—
Она, чѣмъ прелести (когда возможна
Обратная хвала), въ ихъ совершенствѣ,
Стояли на вершинѣ, и не знали
Себѣ соперницъ. Но настанетъ часъ,
И отомщу.

Король

О, не придется вамъ

Безсонницей отъ этого страдать.
Не думайте, что мы такъ пошло-глупы
Что видя, какъ опасность ужъ коснулась

До нашего лица, сочтемъ ее
За пустяки. Узнаете вы вскорѣ
Кой-что важнѣе. Вашего отца
Любилъ я, и себя мы любимъ также,
А это, какъ надѣюсь,—вамъ покажетъ...

(Входитъ Гонецъ).

Король.

Что тамъ такое?

Гонецъ.

Письма, государь,
И къ вамъ, и къ королевѣ отъ Гамлета.

Король.

Отъ Гамлета? кто принесъ?

Гонецъ.

Матросы, государь, какъ мнѣ сказали. Я ихъ не видалъ. Мнѣ
ихъ передалъ Клавдіо; онъ ихъ и прпринялъ.

Король.

Лаэртъ, я вамъ прочту.—А вы—идите.

(Уходитъ Гонецъ).

Король (читаетъ).

„Высокій и могущественный, — узнайте, что я нагымъ высадился
въ вашемъ королевствѣ. Завтра я попрошу о дозволеніи видѣть
ваши королевскія очп, и тогда, испрося за то прощенье, расскажу
обстоятельства моего внезапнаго и весьма страннаго возвращенія.

Гамлетъ.“

Что это значить?.. Всѣ ли воротились?..

Иль все обманъ, и ничего и нѣтъ?

Лаэртъ.

Его ли почеркъ?

Король.

Да, рука Гамлета.

„Нагой!“ И тутъ прибавлено, въ припискѣ:

„Одинъ!..“ Не разъясните-ли?

Лаэртъ.

Я самъ

Теряюсь, государь. Но пусть вернется...
О, сердце омертвѣлое мое
Горитъ при мысли, что ему въ лицо
Я, полойдя, скажу: „ты это сдѣлалъ!“

Король.

Но если такъ, Лаэртъ,—то какъ же это
Могло случиться?.. какъ иначе?.. Вы
Мнѣ позволяете руководить
Собой?

Лаэртъ.

Вы не предпишите мнѣ мира?

Король.

Миръ для души твоей. Такъ, если правда,
Что встрѣтилось препятствіе, и онъ,
Вернувшись, не захочетъ ѣхать снова,—
То я подговорю его на дѣло,
Которое, созрѣвъ сейчасъ въ моемъ
Умѣ, его навѣрное погубитъ.
При этомъ, не возбудитъ смерть его
И легкаго дыханія хулы.
И даже мать его, злой умыселъ отвергнувъ,
Ее случайностью простою назоветъ.
Два мѣсяца назадъ здѣсь былъ
Нормандскій дворянинъ,—я видѣлъ самъ,
Былъ на войнѣ съ французами, и знаю,
Какіе молодцы они верхомъ,
Но этотъ рыцарь—чародѣй; онъ точно
Какъ вросъ въ сѣдло; онъ заставлялъ коня
Выдѣлывать такіа чудеса.
Какъ будто слился съ нимъ, сталъ за-одно
Съ своею чудной лошадыо: онъ дѣлалъ
Такіе повороты и скачки,
Какихъ себѣ не могъ я и представить,
И сталъ въ туникъ.

Лаэртъ.

Онъ былъ Норманецъ?

Король.

Да.

Лаэртъ.

Клянусь, Ламонъ.

Король.

Онъ самый.

Лаэртъ.

Знаю я:

Онъ въ самомъ дѣлѣ драгоцѣнность, перлъ
Всей націи.

Король.

Онъ говорилъ о васъ

И, какъ знатокъ, расхваливалъ онъ ваше
Искусство и умѣнье защищаться,
Особенно же драться на рапирѣхъ
И вскрикнулъ, что желалъ бы видѣть,
Кто смогъ бы состязаться съ вами. Эта
Его хвала въ Гамлетѣ растравля
Такую зависть, что ни за что
Не могъ приняться онъ и только думалъ
И ожидалъ, чтобъ вы скорѣй вернулись
И съ нимъ пофехтовали.—И при этомъ...

Лаэртъ.

Но, что же, государь?

Король.

Лаэртъ,—вамъ дорогъ

Быль вашъ отецъ? Иль вы картина скорби,
Лицо безъ сердца?

Лаэртъ.

Но къ чему такой

Вопросъ?

Король.

Не потому, чтобъ думалъ я
Что не любили вы отца. Но время,
Какъ знаю я, родитъ любовь, и время,
Какъ то я видѣлъ изъ былыхъ примѣровъ,

Опредѣляетъ жаръ ея и пламя.

Гамлетъ вернется,—что-жь свершите вы,
Чтобъ показать не словомъ, а на дѣлѣ,
Что сынъ вы своего отца?

Лаэртъ.

Я въ церкви

Его зарѣжу.

Король.

Въ самомъ дѣлѣ, мѣсто

Не можетъ освящать убійствъ, и мести
Нельзя указывать границъ. Но если
Мысль ваша такова, то мой совѣтъ:
Сидите дома, добрый нашъ Лаэртъ.
Когда Гамлетъ вернется, и узнаетъ,
Что вы пріѣхали, я подожду
Къ нему людей, которые начнутъ
Ему твердить про ваше превосходство
И такъ-сказать вдвойнѣ повлекутъ лакомъ
Тѣ похвалы, что дѣлалъ вамъ французъ.
Мы наконецъ сведемъ васъ и назначимъ
За каждаго закладъ; Гамлетъ безпечень,
Великодушень, хитрости не знаетъ;
Не станетъ онъ осматривать рапиръ,
И вамъ легко, съ ничтожной передержкой,
Взять для себя отточенный клинокъ;
Затѣмъ, при помощи привычнаго удара,
Вы разочтетесь за отца.

Лаэртъ.

Согласенъ,

И я при этомъ вспрысну мой клинокъ.
Я у бродячаго врача купилъ
Такой составъ смертельно ядовитый,
Что стоитъ ножъ чуть обмакнуть въ него,
И такъ кольнуть, чтобъ выступила кровь,—
То никакой ужъ дорогой бальзамъ,
Хотя бъ онъ былъ составленъ изъ всѣхъ
Цѣлебныхъ травъ, что получаютъ свойства
Отъ мѣсячнаго свѣта,—не спасетъ
Того, кто будетъ только опарапанъ.

Я этимъ ядомъ остріе намажу.
И стоитъ мнѣ слегка задѣть его,
И смерть ему.

Король.

Подумаемъ еще
Объ этомъ. Взвѣсимъ все, что можетъ намъ
Способствовать при исполненіи плана
По отношенію къ времени и мѣсту;
Когда онъ не удастся, или станетъ
Замѣтенъ при неловкомъ исполненіи,—
То лучше-бъ и не пробовать его.
А потому-то надо въ подкрѣпленіе,
Иль въ помощь этому, другой составить,—
Который уцѣлѣлъ бы, если первый
При испытаніи лопнетъ... Погодите...
Сейчасъ... Назначимъ мы для состязанія
Великолѣпнѣйшій закладъ... Такъ, такъ...
Когда вамъ отъ движенія станетъ жарко
И пить захочется,—а для того
Вамъ надо будетъ выпадать сильнѣй,—
И онъ попроситъ пить, я приготовлю
Ему какъ разъ на этотъ случай чашу,
И только приклебнетъ онъ, то хотя бы
И избѣжалъ онъ ядовитой раны,—
Достигнемъ цѣли мы.

Входитъ королева.

Король.

Что съ вами королева?

Королева.

По пятамъ
Одна бѣда вслѣдъ за другой спѣшитъ.
Лаэртъ, сестрица ваша утонула.

Лаэртъ.

Какъ утонула? Гдѣ?

Королева.

Всю надъ ручьемъ склоняясь, растеть
Верба, любуясь въ зеркаль потока

Своей бѣлесоватою листвою:
Туда съ своими странными вѣнками
Изъ маргаритокъ и глухой крапивы,
Куриной слѣпоты и пурпурныхъ султановъ,
(Они у своевольныхъ пастуховъ
Иное носятъ, пошлое названье,
Но скромныя дѣвицы называютъ
Ихъ мертвымъ пальцемъ ¹⁾). И туда-то
Она пошла, и стала по плакучимъ
Вѣтвямъ взбираться, чтобъ повѣсить свой
Вѣнокъ изъ сорныхъ травъ,—какъ вдругъ подъ ней
Сломилась завистливая вѣтвь,
И внизъ она упала со своимъ
Вѣнкомъ надгробнымъ въ плачущій ручей.
Широко у нее раздулось платье,
Пока оно держало, какъ русалка,
Она плыла и въ это время пѣла
Отрывки изъ старинныхъ пѣсенъ, словно
Не понимая своего несчастья,
Какъ существо рожденное, чтобъ жить
Въ водѣ. Недолго это длилось: платье
Отяжелѣло, смокнувъ, и стащило
Ее, бѣдняжку, въ мутную могилу
Отъ звучныхъ пѣсенъ.

Лаэртъ.

Боже!... утонула.

Королева.

Да, утонула, утонула!

Лаэртъ.

Слишкомъ

Ты, бѣдная, насытилась водою,—
И потому я слезы удержу... (*Плачетъ*)
Но вотъ она, привычка... Ахъ, природа
Возьметъ свое, какъ ни стыди ее...
Но слезы кончились, и съ ними вышло
Все женское изъ сердца моего...

¹ Пошное названіе, которое королева не рѣшается произнести по Малону,—
gamport widow, вьющаяся вдова.

Прощайте, государь... Во мнѣ
Есть огненное слово, и оно
Охотно-бъ разгорѣлось... но угасло
Отъ глупыхъ слезъ.

Король.

Пойдемъ за нимъ, Гертруда!

Какъ трудно было успокоить гнѣвъ
Его, и снова, я боюсь, онъ вспыхнетъ...
А потому—пойдемъ за нимъ.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I

Кладбище.

Входятъ: два могильщика съ лопатами, и т. п.

Первый.

Да развѣ ее стануть хоронить по-христіански, когда она добровольно искала спасенія?

Второй.

Говорять тебѣ, что стануть, а потому:—копай-ка живѣ могилу; ужь слѣдственный судья засѣдалъ на ея счетъ и приговорилъ христіанское погребенье.

Первый.

Какъ же это могло статься, когда она утопилась не ради собственной защиты?

Второй.

Ну, ужь такъ рѣшено.

Первый.

Да надо, чтобъ было *se offendendo*; иначе быть не можетъ. Вотъ въ чемъ суть: коли я топлюсь преднамѣренно, то выходитъ дѣйствіе; а въ дѣйствіи три пункта: начинать, дѣлать и совершать; *ergo*, она утопилась преднамѣренно.

Второй.

Да слушай ты, кумъ-могильщикъ.

Первый.

Оставь ты меня. Вотъ тутъ вода—ладно; здѣсь стоитъ человекъ, ладно. Если человекъ пойдетъ къ водѣ и утонится, то вѣдь волей-неволей, а онъ пошелъ; замѣчаешь ты это? Ну, а если вода къ нему пойдетъ и утопитъ его, такъ онъ себя не утопилъ; *ergo*, кто въ своей смерти не виноватъ, тотъ своей жизни не сокращаетъ.

Второй.

И это законъ?

Первый.

Вотъ тебѣ Богородица, законъ; слѣдственный законъ.

Второй.

Хочешь, я скажу тебѣ на этотъ счетъ правду? Когда бы эта да не была дворянкой, такъ ее бы похоронили не по-христіански.

Первый.

Ну, вотъ ты и сказалъ. И большая жалость, что важнымъ господамъ на этомъ свѣтѣ больше льготы и топиться, и вѣшаться, чѣмъ другимъ такимъ же христіанамъ. Ну-т-ка, лопатка! Нѣтъ старѣй дворянъ, какъ садовники, землекопы да могильщики: Адамова ремесла придерживаются.

Второй.

А развѣ онъ дворянинъ былъ?

Первый.

А по твоему у него ни кола, ни двора не было?

Второй.

Да какъ же...

Первый.

Что, или ты язычникъ и писанія не разумѣешь? Въ писаніи сказано.—Вотъ задамъ я тебѣ еще вопросъ, и коль ты не отвѣтишь впопадъ, такъ сознайся...

Второй.

Задавай ужь.

Первый.

А кто таковъ, что строятъ крѣпче, чѣмъ каменщикъ и корабельщикъ, и плотникъ?

Второй.

А кто висѣлицы строятъ—тотъ: его срубъ тысячу жильцовъ переживетъ.

Первый.

И уменъ ты, ей-Богу, вижу; висѣлица добро дѣлаетъ, а кому она добро-то дѣлаетъ? Тому она добро дѣлаетъ, кто дѣлаетъ зло; ну, а ты зло сдѣлалъ, какъ сказалъ, что висѣлица построена крѣпче церкви; *ergo*, висѣлицѣ надо тебѣ добро сдѣлать. Вернись-ка назадъ; ну!

Второй.

Кто строятъ крѣпче, чѣмъ каменщикъ, корабельщикъ и плотникъ?

Первый.

Да, сказывай, и шабашъ.

Второй.

Вотъ тебѣ Богородица, сейчасъ скажу.

Первый.

Ну-же!

Второй.

Вотъ тебѣ обѣдня, не знаю.

Входятъ: Гамлетъ и Гораціо, въ отдаленіи.

Первый.

Не колоти больше объ это мозговъ; отъ битья лѣнивый осель шагу не прибавитъ. А когда тебя стануть въ другой разъ спрашивать этотъ вопросъ, говори: могильщикъ; его дома до страшнаго суда простоятъ. Ну-ка, сбѣгай къ Йогану да притащи мнѣ стопку водки.

(Уходитъ второй могильщикъ.)

Первый, *роетъ и поетъ.*

Я въ младости любилъ, любилъ
И чудно, думалъ я притомъ,
Ахъ! Свое я время,—*охъ!*—проводилъ,
И все—*охъ!*—мнѣ было ни почемъ.

Гамлетъ.

Или этотъ молодецъ не чувствуетъ, чѣмъ онъ занятъ, что можетъ пѣть, коная могилу?

Гораціо.

Отъ привычки онъ сталъ равнодушенъ къ этому.

Гамлетъ.

Такъ бываетъ всегда; чѣмъ меньше работаетъ рука, тѣмъ разборчивѣе чувства.

Первый могильщикъ.

Но старость подошла тайкомъ,
Схватила, какъ клешней, меня,
И въ землю сунула потомъ,
Какъ будто юнъ и не былъ я.

(Выбрасываетъ черепъ.)

Гамлетъ.

Въ этомъ черепѣ былъ когда-то языкъ, и онъ когда-то могъ пѣть. Какъ этотъ плутъ швырнулъ его о-земь, точно то челюсть Каина-первоубійцы. Можетъ быть, это черепъ дипломата, котораго этотъ осель обогналъ теперь по службѣ,—и такого еще что могъ обойти самого Бога; не такъ ли?

Гораціо.

Возможно, государь.

Гамлетъ.

Или придворнаго, который умѣлъ говорить: „Добраго утра, милый мой лордъ? Какъ поживаешь, добрый лордъ? „То могъ быть лордъ такой-то, который выхвалялъ лошадь лорда такогото, думая выпросить ее у него; развѣ нѣтъ?

Гораціо.

Да, государь.

Гамлетъ.

Да такъ и есть; а теперь онъ собственность лорда Червяка. челюсть отвалилась, и пономарь бьетъ его лопатой по башкѣ; Удивительное превращенье, еслибъ мы сумѣли подглядѣть его. Иль все питаніе этихъ костей для того только и происходило, чтобъ ими можно было играть въ городки. Мои кости ноютъ, какъ подумаю объ этомъ.

Первый могильщикъ.

Возьмутъ на саванъ полотна,
Лопата да кирка, кирка;

Охъ! Да яма вотъ еще нужна
Для дорогаго гостенька.

(Выбрасываетъ черепъ.)

Гамлетъ.

Вотъ и другой! Отчего ему не быть черепомъ законовѣда? Гдѣ теперь его тонкости, произвольныя толкованія, ссылки и плутни? Зачѣмъ онъ терпитъ, что этотъ грубый плутъ бьетъ его по башкѣ грязной лопатой, и не кричитъ объ оскорбленіи дѣйствиємъ? Гм. Этотъ молодецъ могъ быть въ свое время великимъ скупщикомъ земель съ закладными, долговыми обязательствами, отступными, двойными поручительствами, недоимками,—и въ томъ ли конецъ всѣмъ отступнымъ и недоимкамъ, что его башку набили грязью? И всѣ его поручительства, вдобавокъ двойныя, только и укрѣпили за нимъ изо всѣхъ его покупокъ, что клочекъ земли шириной и длиной въ двѣ купчія крѣпости? Одиакъ акты на его земли врядъ ли умѣстились-бы въ такомъ ящикѣ, а теперь и у владѣльца ничего больше не осталось? а?

Гораціо.

Ни крошки больше, государь.

Гамлетъ.

Пергаментъ дѣлаютъ вѣдь изъ бараньей кожи?

Гораціо.

Да, государь, и изъ телячей тоже.

Гамлетъ.

Бараны и телята тѣ, которые видятъ въ немъ ручательство. Поговорю съ этимъ молодцомъ. Чья эта могила?

Первый могильщикъ.

Моя, суларь.

Охъ! Да яма вотъ еще нужна
Для дорогаго гостенька.

Гамлетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, должно быть твоя; но хотя ты въ ней, а все-жъ ты лжешь.

Первый могильщикъ.

Ваша ложь, сударь, не въ ней, а потому она и не ваша; а хоть я и не лгу, что въ ней лягу, а все-жъ она моя.

Гамлетъ.

Хоть ты и не лжешь, что въ ней ляжешь, а все-жъ она не твоя; она не для живаго, для мертваго; и хоть ты въ ней и не ляжешь, а все-таки лжешь.

Первый могильщикъ.

Ну, это живая ложь, сударь; отъ меня опять къ вамъ перескочить.

Гамлетъ.

Для кого-жъ ты ее копаешь?

Первый могильщикъ.

Для никого.

Гамлетъ.

Но кого-нибудь въ нея да положить же.

Первый могильщикъ.

Того, кто теперь ужъ никто, а вѣрнѣй ту, упокой ее душу! что умерла.

Гамлетъ.

Что за точность у этого плута! Съ нимъ надо говорить ощупью: малѣйшая двусмысленность можетъ насъ выдать. Ей-Богу, Гораціо, какъ я замѣтилъ, за послѣдніе три года нашъ вѣкъ до того заострился, и носомъ мужика на столько ужъ приблизился къ пяткѣ придворнаго, что бередить на ней ссадину. Давно ли ты могильщикомъ?

Первый могильщикъ.

Изо всѣхъ дней въ году, я сталъ могильщикомъ въ тотъ самый, какъ нашъ покойный король Гамлетъ побѣдилъ Фортинбраса.

Гамлетъ.

А давно это было?

Первый могильщикъ.

Неужто вы не знаете? Это всякій дуракъ знаетъ. То было въ тотъ самый день, какъ родился молодой Гамлетъ; тотъ что сошелъ съ ума и сосланъ въ Англію.

Гамлетъ.

Ахъ, Марія Дѣва! зачѣмъ же его сослали въ Англію?

Первый могильщикъ.

Да затѣмъ, что съума сошелъ; тамъ его опять на умъ навелъ; а нѣтъ, такъ тамъ это не важность.

Гамлетъ.

Отчего?

Первый могильщикъ.

Тамъ этого не замѣтятъ; тамъ всѣ такіе-жъ сумашедшіе, какъ онъ.

Гамлетъ.

Какъ же онъ сошелъ съ ума?

Первый могильщикъ.

Да престранно, говорятъ.

Гамлетъ.

Какъ странно?

Первый могильщикъ.

Ей-Богу, самый то разумъ и потерялъ.

Гамлетъ.

На чемъ?

Первый могильщикъ.

На нашей датской землѣ. Я здѣсь пономаремъ и мальчишкой, и взрослымъ, вотъ ужъ тридцать лѣтъ.

Гамлетъ.

Долго ли пролежить человѣкъ прежде чѣмъ сгніетъ?

Первый могильщикъ.

Ей-Богу, если не сгніетъ раньше смерти (а теперь много такихъ гнилыхъ труповъ, что едва дождутся погребенья), такъ пролежить лѣтъ восемь, или и девять; кожевникъ выдержитъ девять.

Гамлетъ.

Отчего-жъ онъ дольше другихъ?

Первый могильщикъ.

Да потому, сударь, что у него шкура такъ выдубилась отъ ремесла, что долго выдержитъ воду; а вода самый злой разрушитель этихъ побочныхъ дѣтей труповъ. Вотъ вамъ черепъ; онъ пролежалъ въ землѣ двадцать три года.

Гамлетъ.

Чей онъ?

Первый могильщикъ.

Собачій онъ сынъ былъ, помѣшанный. Чей бы вы думали?

Гамлетъ.

Нѣтъ, не знаю.

Первый могильщикъ.

Чтобъ его, сумашедшаго плута, чума взяла! Разъ онъ мнѣ вылилъ на голову фляшку рейнскаго. Этотъ самый черепъ, сударь; вотъ этотъ самый, сударь, былъ черепомъ Йорика, королевскаго шута.

Гамлетъ.

Этотъ?

Первый могильщикъ.

Этотъ самый.

Гамлетъ.

Покажи мнѣ его! Ахъ, бѣдный Йорикъ.—Я зналъ его, Гораціо: что за нестоимость въ шуткахъ, что за удивительная фантазія! Онъ тысячу разъ носилъ меня на спинѣ, — а теперь какъ онъ претитъ моему воображенію!.. Меня тошнитъ. Тутъ были губы, что я цѣловалъ часто, часто! Гдѣ теперь твои насмѣшки? прыжки? пѣсенки? эти вспышки веселости, отъ которыхъ хохотъ стоялъ за столомъ? Нынче и одной нѣтъ, чтобъ осмѣять твою собственную усмѣшку? совсѣмъ челюсть отвалилась? Ступай-ка теперь въ комнату дамы, и скажи ей, пусть она наложитъ хоть на дюймъ краски, все-жъ и у нея будетъ такая же физиономія; заставь ее посмѣяться надъ этимъ. — Пожалуйста, скажи мнѣ, Гораціо...

Гораціо.

Что такое, государь?

Гамлетъ.

Какъ ты думаешь, и Александръ въ землѣ сталъ такимъ же на видъ?

Гораціо.

Совершенно такимъ же.

Гамлетъ.

И опъ также воняеть? Тьфу! (*бросаетъ черепъ.*)

Гораціо.

Совершенно также, государь.

Гамлетъ.

На какое низкое употребленіе мы можемъ пойти, Гораціо! Почему воображеніе не можеть прослѣдить за благороднымъ прахомъ Александра, пока онъ не пойдетъ на затычку дырки въ бочкѣ?

Гораціо.

То было бы ужъ черезчуръ точное изслѣдованіе.

Гамлетъ.

Нѣтъ, ничуть, право. Мы можемъ прослѣдить за нимвъ безъ всякаго преувелчненія, руководствуясь вѣроятностью. Напримѣръ, такъ: Александръ умеръ, Александръ погребенъ, Александръ сталъ прахомъ; прахъ — земля, изъ земли мы дѣлаемъ известъ. И почему же той извести, въ которую онъ превращенъ, не заткнуть пивной бочки?

И Цезарь царственный, какъ превратился въ прахъ.

Въ стѣнѣ замазалъ щель, чтобъ не несло снаружи;

Земля, что всей землѣ внушала грозный страхъ,

Днесъ хижину хранитъ отъ лютой зимней стужи.

Но тише! отойдемъ! Тс! — Вотъ король

Входятъ: патеры и т. п. въ процессіи, тѣло Офеліи; за нимъ Лаэртъ и родственники въ траурѣ; король, королева, ихъ свиты, и т. д.

Гамлетъ.

И королева, и весь дворъ. Кого

Они хоронять?.. И обрядъ неполный!..

То знакъ, что тотъ кого они

Въ могилу провожаютъ, посягнулъ

На жизнь свою отчаянной рукою...

Онъ былъ изъ знатныхъ... Отойдемъ немного

И станемъ наблюдать.

Лаэртъ.

Какъ, служба тѣмъ

И кончится?

Гамлетъ.

Вотъ этотъ молодой, —

Лаэртъ. Онъ благородный человѣкъ

Вполнѣ: запомни.

Лаэртъ.

Что же, служба тѣмъ

И кончится?

Патеръ.

Мы допустили службу,

Насколько было можно при ея

Похоронахъ. Сомнительна была

Ея кончина; еслибъ повеленье

Не пересилило церковныхъ правилъ, —

То до послѣдней бы трубы она

Лежала неотпѣтая въ землѣ;

Надъ ней бы не моллился съ любовью,

А просто забросали бы ее

Кремнями, гальками и черепками;

Теперь ее хоронятъ, какъ дѣвицу,

Украшенъ гробъ цвѣтами и вѣнками,

И провожаютъ съ колокольнымъ звономъ.

Лаэртъ.

И больше ничего?

Первый патеръ.

Нѣтъ, ничего.

Когда-бъ надъ ней мы „упокой“ пропѣли,

Иль важный „Requiem“, какъ надъ душами,

Скончавшимися въ мирѣ, — мы бы службу

Заупокойную тѣмъ осквернили.

Лаэртъ.

Что-жь, опускайте въ землю. Изъ ея

Неоскверненной и прекрасной плоти

Фіалки вырастутъ! А ты, послушай,

Что я скажу: ты, грубый патеръ, будешь

Вопить въ могилѣ, а моя сестра

Предъ Господомъ служить, какъ ангель.

Гамлетъ.

Прекрасная Офелія?

Что?

Королева, *бросая цвѣты въ могилу.*

Цвѣты—

Цвѣтку. Прощай. А я
Надѣялась когда-то, что ты станешь
Женою моего Гамлета. Я
Мечтала брачную твою постель
Убрать цвѣтами, милая дѣвица,
И вотъ бросаю ихъ въ твою могилу.

Лаэртъ.

Пусть тридцать разъ падеть тройное горе
На голову проклятую того,
Чье злодѣянье свѣтлаго ума
Тебя лишило.—О, не засыпайте,
Пока еще не обниму ее!

(Бросается въ могилу.)

Теперь на мертвую и на живаго
Валите прахъ, пока вы эту плоскость
Не превратите въ гору, что превыситъ
И древній Пеліонъ, и голубого
Олимпа поднебесную вершину!

Гамлетъ.

Кто тотъ, что выражать скорби съ такой
Эмфазою? чье горестное слово
Блуждающія звѣзды заклинаетъ
И заставляетъ ихъ остановиться.
Какъ чудомъ пораженную толпу?
Я здѣсь: Гамлетъ, король.

(Бросается въ могилу.)

Лаэртъ.

Чтобъ въ адъ пошла

Твоя душа!

Гамлетъ.

Плоха твоя молитва.

Пожалуйста, отъ горла пальцы

Скорѣ отыми. Хоть я не вспылчивъ
И разсудителенъ, но есть во мнѣ
Кой-что опасное, чего твой умъ
Страшиться долженъ. Убери же руки!

Король.

Скорѣ разнимите ихъ!

Королева.

Гамлетъ!

Гамлетъ!

Всѣ.

Ахъ, господа!..

Гораціо.

О, успокойтесь,

Мой добрый государь.

(Придворные разнимаютъ ихъ, и они выходятъ изъ могилы).

Гамлетъ.

О, я готовъ

Съ нимъ биться изъ-за этого, пока
Глаза глядятъ.

Королева.

Изъ-за чего, мой сынъ?

Гамлетъ.

Ее любилъ я; сорокъ тысячъ братьевъ
Со всей громадою своей любви
Со мною не сравняются.—Что хочешь
Ты сдѣлать для нея?

Король.

Онъ сумасшедшій,

Лаэртъ.

Королева.

О, ради Бога, удержите

Его.

Гамлетъ.

Что-жь, объяви, что хочешь сдѣлать?
Рыдать? иль биться? Или разорвешь
Ты самого себя въ куски? Иль станешь

Пять оцетъ, крокодпловъ ѣсть? Я тоже
 Самъ слѣлаю.—Иль ты пришелъ сюда,
 Чтобъ хныкать и меня унизить
 Прыжкомъ въ могилу? Прикажи себя
 Зарыть живого съ ней,—и я готовъ.
 Что ты болталъ тутъ о горахъ? чтожь, пусть
 На насъ навалятъ миллионы акровъ,
 Пока курганъ не опалитъ макушки
 Въ горящемъ поясѣ, и Осса
 Предъ нимъ не станетъ бородавкой!—Нѣтъ,
 Чтобъ ни оралъ ты,—я сумѣю также
 Высокопарщину нести.

Король.

О, это

Прямое сумашествіе. Немного
 Еще его припадокъ будетъ мучить;
 Затѣмъ онъ станетъ смиренъ, какъ голубка,
 Когда она выводитъ золотистыхъ
 Своихъ птенцовъ, и снова погрузится
 Въ молчаніе.

Гамлетъ.

Послушайте вы, сударь,

Съ чего вы такъ со мною обошлись?
 Я васъ всегда любилъ... Но,—все равно!..
 И Гераклъ то дѣлаетъ, что можетъ..
 Придется кошеѣ попищать, и будетъ
 И для собаки праздникъ.

(Уходитъ).

Король.

Приглядите,

Пожалуйста, Гораціо, за нимъ.

(Уходитъ: Гораціо).

Король (Лазрту).

А вы свое терпѣнье подерѣпите
 Вчерашнимъ разговоромъ. И мы къ дѣлу
 Немедленно приступимъ (Королеву) Прикажете,
 Чтобъ приглядѣли, добрая Гертруда,

За вашимъ сыномъ. (Про себя)

Памятникъ живой

Воздвигнемъ мы надъ этою могиллой.
 Для насъ настанетъ скоро часъ покоя,—
 Пока же будемъ терпѣливо ждать.

(Уходитъ)

СЦЕНА II.

Галерея въ замкѣ.

Входятъ: Гамлетъ и Гораціо.

Гамлетъ.

Довольно ужъ объ этомъ, и позвольте
 Къ другому перейти. Вы не забыли
 Всѣхъ обстоятельствъ?

Гораціо.

Можно ль ихъ забыть!

Гамлетъ.

Въ моей душѣ была борьба; она
 Уснутъ мнѣ не давала. Мнѣ казалось,
 Что я попался хуже чѣмъ матросы,
 Которыхъ заковали за мятежь.
 Незапно—и хвала незапности за то!—
 Приходится сознаться, что порой,
 Когда всѣ наши дорогіе планы
 Готовы рухнуть,—тутъ-то выручаетъ
 Насъ необдуманность, и это учитъ насъ,
 Что мы лишь грубо намѣчаемъ дѣла,
 А образъ придаетъ имъ — божество.

Гораціо.

Навѣрное.

Гамлетъ.

Накинувъ плащъ, во тьмѣ

Я изъ каюты пробираться сталъ,
 Чтобъ ихъ найти; я слѣлалъ, что хотѣлъ,
 Схватилъ пакетъ, и наконецъ
 Добрался снова до своей каюты.
 Тутъ страхъ меня заставилъ позабыть

Всѣ правила, — я смѣло распечаталъ
Ихъ грамоту, Гораціо, — и въ ней—
О, царственная подлость! — я нашелъ
Прямой приказъ, конечно начиненный
Причинами возможнѣйшихъ сортовъ: —
И безопасность Давіа, равно
Какъ Англіи, — и гдѣ такимъ я. — уфъ! —
Страшилищемъ и демономъ представленъ,
Что въ тотъ же мигъ, при самомъ предъявленьи,
Безъ отлагательства, — ни, ни! ниже
И для того, чтобъ наточить сѣкиру, —
Мнѣ голову долой.

Гораціо.

Возможно-ль?

Гамлетъ.

Вотъ грамота, прочти, какъ будетъ время.
Но хочешь знать, какъ поступилъ я?

Гораціо.

Да.

И умоляю васъ...

Гамлетъ.

Мерзавцамъ, какъ сѣтью окруженный,
Я не успѣлъ и пролога составить,
Какъ ужъ мои мозги взялись за драму,
Я сѣлъ и грамоту составилъ, и красиво
Ее переписалъ; когда-то я
Красивый почеркъ почиталъ за низость,
Какъ наша знать, и много потрудился,
Чтобъ позабыть чему меня учили.
По туть оно мнѣ службу сослужило.
Желаетъ знать, что написалъ я въ ней?

Гораціо.

Да, государь.

Гамлетъ.

Суровое заклѣтье

Отъ короля: какъ Англія была
Его вѣрнѣйшей данницей, и какъ

Межъ ними пальмой процвѣсти должна
Любовь; какъ между ними миръ украсенъ
Гирляндой изъ колосьевъ и стоитъ,
Какъ запятая между дружбой ихъ, —
И много полновѣсныхъ, какъ я вставилъ —
То и должно тотчасъ по предъявленьи
И безо всякихъ дальнихъ размышлений,
Не медля предъявителей казнить,
Не давъ имъ времени на покаянье.

Гораціо.

Но чѣмъ вы запечатали?

Гамлетъ.

И туть

Былъ промыселъ небесный: въ кошелькѣ
Былъ у меня отцовскій перстень; онъ
Служилъ моделью для большой печати.
Я грамоту, какъ прежнюю, сложилъ,
И подписалъ, и приложилъ печать.
Я осторожно подложилъ ее, —
Подмѣна не замѣтили; на утро —
Морская битва; что затѣмъ случилось
Ты знаешь, другъ.

Гораціо.

Итакъ, и Розенкранцъ,
И Гильденштернъ плывутъ...

Гамлетъ.

А не они ли

За этимъ порученьемъ волочились?
Ихъ смерть мнѣ совѣсти не тяготитъ;
Они погибнуть чрезъ свое пронырство.
Когда разгоряченное оружье
Могучіе соперники скрестятъ, —
То мелкотѣ соваться между ними
Опасно.

Гораціо.

О! что за король!

Гамлетъ.

И развѣ,
По твоему, не долженъ я его,
Кто у меня убилъ отца и мать
Втинулъ въ распутство; втинулся насильно
Между избраньемъ и моей надеждой;
Кто съ подлой хитростью закинулъ сѣть
На жизнь мою,—иль я не долженъ, съ полнымъ
Сознаніемъ, расчесться съ нимъ своей
Рукой? И не проклятое ли дѣло
Дозволить, чтобы червь, глодающій людей,
И впредь злодѣйствовалъ?

Гораціо.

Но скоро
Изъ Англіи къ нему придетъ извѣстье,
Какъ разыгралось дѣло.

Гамлетъ.

Скоро, да;
Но промежутокъ—мой. А наша жизнь—
„Разъ“, сосчитать, и кончено. Но я
Глубоко опечаленъ, добрый мой
Гораціо, тѣмъ что забылся такъ
Предъ Лаэртомъ. Въ образѣ моей судьбы
Я вижу повтореніе его,
И я цѣню его расположеніе.
Но, право же, напыщенность его
Печали подняла во мнѣ всю страсть.

Гораціо.

Но, те! сюда идутъ.

Входитъ: Осрикъ.

Осрикъ.

Добро пожаловать вашему высочеству обратно въ Данію.

Гамлетъ.

Покорно васъ благодарю, сударь (*Гораціо*). Знаешь ты эту стрекозу?

Гораціо.

Нѣтъ, добрый государь.

Гамлетъ.

Благослови же свое положеніе; вѣдь знать его—грѣхъ. У него много земли, и плодородной; поставь скота господиномъ скотовъ, и его ясли очутятся за королевскимъ столомъ; это галка, но у нея во владѣніи, какъ я сказалъ, много грязи.

Осрикъ.

Милый государь, если-бъ ваша дружба была свободна, то я сообщилъ бы вамъ нѣчто отъ его величества.

Гамлетъ.

Я готовъ васъ выслушать со всею услужливостью мысли; но употребите вашу шляпу по назначенію: она для головы.

Осрикъ.

Благодарю васъ, ваше высочество, но очень жарко.

Гамлетъ.

Нѣтъ, повѣрьте, очень холодно; сѣверный вѣтеръ.

Осрикъ.

Да, въ самомъ дѣлѣ, довольно холодно, государь.

Гамлетъ.

По-моему, очень душно и жарко; по крайней мѣрѣ, по моему сложенію.

Осрикъ.

Чрезмѣрно, государь; очень душно, какъ... право, не знаю, какъ сказать... Но, государь, его величество поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ, что держалъ за васъ большой закладъ. И вотъ въ чемъ дѣло, принцъ...

Гамлетъ.

Умоляю васъ, не забудьте... (*Дѣлаетъ знакъ, чтобъ онъ надѣлъ шляпу*).

Осрикъ.

Нѣтъ, право же; по истинной правдѣ, для моего собственного спокойствія... Вамъ не безызвѣстно превосходство Лаэрта по части оружія.

Гамлетъ.

Какое-жъ у него оружіе?

Осрикъ.

Рапира и кинжалъ.

Гамлетъ.

Вотъ ужъ два оружія; но продолжайте.

Осрикъ.

Король, принцъ, бился съ нимъ о закладъ и поставилъ шесть арабскихъ коней, а онъ выставилъ противъ этого шесть французскихъ шпагъ и кинжаловъ со всѣмъ къ нимъ относящимся, какъ-то: поясами, перевязами и тому подобныя. Три принадлежности, право, драгоценныя для знатока; чрезвычайно подходятъ къ рукояткамъ; деликатнѣйшія принадлежности и самаго изысканнаго вкуса.

Гамлетъ.

Что вы называете принадлежностями?

Осрикъ.

Но принадлежности, принцъ, это перевязи.

Гамлетъ.

Ваше названіе было бы умѣстно, если бы мы носили на боку пушки, а до тѣхъ поръ станемъ ихъ звать перевязями. Но къ дѣлу: шесть арабскихъ коней противъ французскихъ шпагъ и трехъ самаго изысканнаго вкуса принадлежностей; французскій закладъ противъ датскаго. А съ какою цѣлью онъ выставленъ, какъ вы выражаетесь?

Осрикъ.

Король, принцъ, бьется, что если вы сойдетесь съ нимъ двѣнадцать разъ, то онъ слѣдуетъ не свыше трехъ ударовъ, а онъ бьется, что девять изъ двѣнадцати; и послѣдуетъ немедленно состязаніе, если ваше высочество удостоите отвѣтомъ.

Гамлетъ.

А если я отвѣчу „нѣтъ“?

Осрикъ.

Я разумѣю, государь, что если вы предстанете на состязаніе собственной особой.

Гамлетъ.

Я буду гулять здѣсь по галлерей, сударь; если его величеству угодно, то у меня теперь вполнѣ свободное время; пусть принесутъ рапиры, придутъ желающіе изъ придворныхъ, и если король упорствуетъ въ своемъ намѣреніи, то я выиграю для него, если смогу; если нѣтъ, то получу только срамъ и удары въ придачу.

Осрикъ.

И я могу передать это именно такъ?

Гамлетъ.

По существу; но украсить можете согласно личному расположенію.

Осрикъ.

Рекомендую вашему высочеству мою преданность.

(Уходитъ: Осрикъ.)

Гамлетъ.

Вашъ слуга, вашъ слуга.—Хорошо что онъ самъ ее рекомендовалъ; другаго языка не нашлось бы для этого.

Горацио.

Пигалица убѣжала со скорлупкой на головѣ¹.

Гамлетъ.

Онъ наговорилъ комплиментовъ соседу передъ тѣмъ, какъ сталъ сосать. Онъ, какъ и многіе другіе изъ той же стаи, которая, я знаю, такъ любима въ нашъ пустой вѣкъ, только схватилъ современный тонъ и виѣшнюю манеру обращенія,—родъ умственной пѣны, которая носитъ ихъ по самымъ пошлымъ и отборнымъ мнѣніямъ; но ради испытанія, подуи на нихъ, и пузыри лопнутъ.

Горацио.

Вы проиграете закладъ, государь.

Гамлетъ.

Не думаю; съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ во Францію, я постоянно упражнялся; я выиграю на томъ, что онъ далъ впередъ

¹ Это замѣчаніе Горацио, надо думать, относится къ тому, что Осрикъ откланявшись, надѣлъ наконецъ шляпу.

Но ты не можешь представить, какъ мнѣ дурно тутъ, около сердца; впрочемъ, это пустяки...

Гораціо.

Нѣтъ, добрый государь.

Гамлетъ.

Чистая глупость; родъ предчувствія, которое, можетъ быть, испугало бы женщину.

Гораціо.

Если вамъ что-нибудь не по душѣ, то повинуйтесь внушенію я предупрежу ихъ приходъ, и скажу, что вы не расположены.

Гамлетъ.

Отнюдь не надо; мы отвергаемъ предзнаменованія. Безъ особаго провидѣнія, и воробей не умретъ. Что будетъ сейчасъ, то не случится потомъ; чему не быть потомъ, то случится сейчасъ; если сейчасъ этого и не случится, то все же оно придетъ потомъ. Все дѣло въ готовности. Ни одинъ человѣкъ ничего не удержитъ изъ того что оставитъ послѣ себя, а потому: что въ томъ, если онъ оставитъ его рано?

Входятъ: Король, Королева, вельможи, Осрикъ, и придворные, съ рапирами и т. п.

Король.

Ну, подойди-жь, Гамлетъ, и эту руку

Прими отъ насъ.

(Кладетъ руку Лаэрта на руку Гамлета).

Гамлетъ.

Прошу прощенья. Я

Васъ оскорбилъ; но вы, какъ дворянинъ.

Меня простите. Всѣмъ, кто здѣсь, извѣстно

И вы навѣрно слышали, что я

Страдаю горько умственнымъ растройствомъ.

Я объявляю здѣсь что если чѣмъ нибудь

Задѣлъ я грубо вашу личность, честь

Иль самолюбіе,—тому виною

Моя болѣзнь. Гамлетъ ли оскорбилъ

Лаэрта?—нѣтъ, не онъ. Когда Гамлетъ

Не сознавая самого себя,

Не будучи самимъ собой, Лаэрту

Нанесъ обиду,—то не онъ то сдѣлалъ,
Ее онъ отрицаетъ. Кто-жь виновенъ?
Его безуміе. Но если такъ,
То самъ Гамлетъ случившимся обиженъ,
И тутъ врагомъ несчастнаго Гамлета,—
Его безумство. Пусть же отрицанье
Умышленной вины предъ всѣмъ собраньемъ
Заслужитъ мнѣ прощенье вашихъ
Великодушныхъ чувствъ; какъ еслибъ,
Пустивъ стрѣлу надъ домомъ, я нечаяно
Поранилъ брата.

Лаэртъ.

Больше ничего

Я и не требую, хотя меня
И побуждали къ мести, въ этомъ дѣлѣ
Всего сильнѣе личныя причины.
Но что до чести,—то вопросъ особый.
Я примирюсь въ томъ случаѣ, когда
То будетъ рѣшено, на основаньи
Былыхъ примѣровъ. старыми мужаи
Съ испытанною честью,—чтобъ мой родъ
Остался незапятнаннымъ. Пока же
Любовь что предлагаете вы мнѣ
Приму я за любовь, и я ее
Не оскорблю.

Гамлетъ.

Согласенъ отъ души.

Съ спокойной совѣстью теперь, Лаэртъ,
Мы разыграемъ братскій нашъ закладъ.
Рапиры намъ! Скорѣй!

Лаэртъ.

И мнѣ.

Гамлетъ.

Лаэртъ,—

Я стану вашею оправой; ваше
Искусство, какъ звѣзда во тьмѣ ночной
Въ моемъ невѣденіи огнями заиграетъ.

Лаэртъ.

Смѣетесь вы...

Гамлетъ.

Клянусь рукою, нѣтъ!

Король.

Подайте имъ рапиры, Осрикъ. Вамъ,
Кузень Гамлетъ, извѣстно что въ закладѣ?

Гамлетъ.

Прекрасно, государь; но ваша милость
Держали за слабѣйшаго.

Король.

Я видѣлъ

Обоихъ васъ, и не боюсь; онъ сдѣлалъ
Успѣхи, но за то и далъ впередъ.

Лаэртъ.

Перемѣните,—эта тяжела.

Гамлетъ.

А мнѣ такъ по рукѣ. А что, они
Всѣ одинаковой длины?

(Приотавливаются къ фехтованію)

Осрикъ.

Да, добрый принцъ.

Король.

Поставьте мнѣ вина сюда на столъ.
Когда они сойдутся въ первый разъ,
Иль во второй, и принцъ его задѣнетъ,
Иль отобьетъ ударъ при третьемъ разѣ,—
То пусть палать тогда изъ всѣхъ орудій;
Король осушитъ кубокъ, чтобъ Гамлету
Легко дышалось; въ кубокъ мы опустимъ
Жемчужину,—дороже чѣмъ въ коронѣ
У четырехъ послѣднихъ королей.
Подайте кубки мнѣ,—и пусть литавры
Звучать трубѣ, труба же канониру,
И пушки небесамъ, и небеса

Землѣ о томъ, что за Гамлета пьетъ
Король.—Что жъ, начинайте.—Вы же, судьи,
Внимательно слѣдите.

Гамлетъ.

Что жъ, начнемъ.

Лаэртъ.

Начнемте.

(Фехтуютъ)

Гамлетъ.

Разъ.

Лаэртъ.

Нѣтъ.

Гамлетъ.

Судъ.

Осрикъ.

Задѣлъ, задѣлъ

Весьма значительно.

Лаэртъ.

Прекрасно,— снова.

Король.

Позвольте: дайте выпить мнѣ.—Гамлетъ,
Жемчужина твоя.—Пью за здоровье
Гамлета. Дайте кубокъ принцу.

(Труба звучитъ; за сценой выстрѣлъ)

Гамлетъ.

Нѣтъ,

Отставьте кубокъ. Мы сперва еще
Сойдемся. Что жъ, начнемъ. *(Фехтуютъ)*

Опять... иль нѣтъ?

Лаэртъ.

Да, да, согласенъ.

Король.

О, Гамлетъ возьметъ!

Королева.

Онъ толстъ и у него одышка.—Вотъ
Платоувъ, Гамлетъ, возьми и лобъ себѣ
Отри.—Гамлетъ, пью за твою удачу.

Гамлетъ.

Спасибо, государыня.

Король.

Не пей,

Гертруда.

Королева.

Извините, государь,
Я выпью. *(Пьетъ и затѣмъ предлагаетъ кубокъ Гамлету.)*

Король *(въ сторону)*.

Въ кубекъ ядъ... Я опоздалъ...

Гамлетъ.

Нѣтъ, государыня; мнѣ пить еще
Нельзя; потомъ.

Королева.

Позволь,

Мнѣ отереть твое лицо.

Лазртъ.

Теперь

И я его задѣну, государь.

Король.

Не думаю.

Лазртъ *(въ сторону)*.

Хотя меня тревожить
И начинается совѣсть.

Гамлетъ.

Въ третій разъ,

Лазртъ. Вы все шутя. Нѣтъ, выпадайте,

Пожалуйста, какъ можете сильнѣй.

Я начинаю думать, что меня

Вы нѣженкой считаете.

Лазртъ.

А!.. Такъ-то...

Начните.

(Фехтуютъ.)

Осрикъ.

Ничего ни у кого.

Лазртъ.

Вотъ, получите!

(Лазртъ ранитъ Гамлета; потомъ, во время схватки, они обмѣниваются рапирами, и Гамлетъ ранитъ Лазрта).

Король.

Разнимите ихъ!

Они разгорячились.

Гамлетъ.

Нѣтъ, еще!

(Королева падаетъ).

Осрикъ.

Что съ королевою? взгляните, эй!

Гораціо.

И у того, и у другого кровь...

Что это значить, государь?

Осрикъ.

Лазртъ,—

Что это значить?

Лазртъ.

Какъ глупецъ, попалъ я
Въ свой собственный силокъ. Я за свое
Коварство долженъ умереть.

Гамлетъ.

Что съ королевою?

Король.

Въ обморокъ упала,

Увидѣвъ кровь.

Королева.

Нѣтъ, нѣтъ!.. вино, вино...
О, милый мой Гамлетъ!.. въ винѣ, въ винѣ
Быль ядъ... (*Умираетъ.*)

Гамлетъ.

О, подлость!.. Эй, закройте двери!
(*Лазръ падаетъ.*)
Сыскать измѣнника!

Лазръ.

Онъ здѣсь, Гамлетъ.

Гамлетъ, ты раненъ на-смерть; нѣтъ лѣкарства
Которое тебѣ бы помогло;
Тебѣ лишь полчаса осталось жить...
Оружье преступленья у тебя
Въ рукѣ,—оно отточено, оно
Отравлено; злой умыселъ меня же
И погубилъ; взгляни,—ужь я лежу,
И никогда не встану... Мать твоя
Отравлена... Нѣтъ силъ... Король, король...
Во всемъ виновенъ.

Гамлетъ.

А! такъ остріе
Отравлено!.. Ядъ, сослужи-же службу!
(*Колетъ короля.*)

Всѣ.

Измѣна!

Король.

О, защитите-же меня,
Друзья! Я только раненъ...

Гамлетъ.

А, проклятый
Король! развратникъ и убійца! пей же
Свое питье... Что, тутъ ли
Твоя жемчужина?.. Иди же вслѣдъ
За матерью моей.

Лазръ.

Онъ по-дѣломъ
Наказанъ; ядъ былъ приготовленъ имъ...

Затѣмъ, простимъ другъ другу, благородный
Гамлетъ,— пусть кровь моя и моего
Отца не будетъ на тебѣ, твоя же
На мнѣ. (*Умираетъ.*)

Гамлетъ.

Пусть небеса твой грѣхъ отпустятъ
Я за тобой.. Гораціо, мнѣ смерть...
Ты, королева жалкая, прощай!..
А вы что смотрите на этотъ случай,
Дрожа и поблѣднѣвъ; въ этой сцены
Статисты, пли зрители,—о, будь
Мнѣ время,—но суровый приставъ, смерть,
Со строгостью арестъ свой налагаетъ,—
То я сказалъ бы вамъ... но,—все равно!..
Гораціо, мнѣ смерть; но ты живешь,
Такъ расскажи же обо мнѣ правдиво
Незнающимъ...

Гораціо.

Нѣтъ, этого не будетъ!
Я древній римлянинъ скорѣй,
Чѣмъ датчанинъ... Еще осталось тутъ
Питья немного...

Гамлетъ.

Если ты муштина,
Отдай мнѣ кубокъ; дай же! Небесамъ
Клянусь, его я вырву... О, мой добрый
Гораціо, когда все это дѣло
Останется вполнѣ неразъясненнымъ,—
Какое опозоренное имя
Переживетъ меня. Когда любилъ
Меня ты сердцемъ,—воздержись еще
Немного отъ блаженства, протяни
Еще, страдая въ этомъ грубомъ мнѣ;
Дыши, чтобъ разказать мою судьбу.
(*Вдали звуки марша и выстрѣлы.*)
Что за воинственные звуки?

Осрикъ.

Это
Изъ Польши Фортнабрасъ идетъ съ побѣдой
И салютуетъ англійскихъ послонъ.

Гамлетъ.

Гораціо, я умираю,—о!
 Могучій ядъ ужъ побѣдилъ мой духъ...
 Вѣстей изъ Англіи я не услышу...
 Но выборъ, какъ пророчу я, падеть
 На Фортинбраса; за него и я
 Свой полумертвый голосъ подаю...
 Скажи... и сообщи, насколько хочешь,
 Ему, что заставляло... Смерть—молчанье.

(Умираетъ).

Гораціо.

О, сердце благородное разбилося!
 Покойной ночи, милый принцъ. И пѣсней
 Пусть ангелы баюкаютъ тебя.

(За сценой музыка).

Кто съ барабанами идетъ сюда?
 Входятъ: Фортинбрасъ, англійскіе послы и прочіе.

Фортинбрасъ.

Гдѣ это зрѣлище?

Гораціо.

Когда хотите
 Вы увидать и бѣдствіе и чудо,—
 То бросьте поиски.

Фортинбрасъ.

О, эта груда
 Вопить: „побоище!“ Какой же пиръ
 Готовишь ты, смерть гордая, въ своей
 Несокрушимой кельѣ что кроваво
 Повергла столько царственныхъ особъ
 Однимъ ударомъ?

Первый посолъ.

Зрѣлище—ужасно.

Мы опоздали съ нашимъ порученьемъ
 Изъ Англіи; безчувственно то ухо,
 Которому сказали-бъ мы: приказъ
 Твой выполненъ, скончались Розенкранцъ
 И Гильденштернъ. Кто-жъ скажетъ намъ за то
 „Благодарю“?

Гораціо.

Хотя-бъ его уста

И обладали жизненною силой,
 Чтобъ васъ благодарить,—онъ не сказалъ бы:
 Онъ не давалъ приказа ихъ казнить.
 Но если вы изъ Англіи и вы
 Съ войны съ Поляками сюда послѣли,
 Чтобъ увидать кровавую развязку,—
 То прикажите, чтобы эти трупы
 Высоко, такъ чтобъ было видно всѣмъ,
 Сложили на помостъ. И позвольте
 Мнѣ рассказать незнающему міру,
 Какъ все произошло. И вы тогда
 Услышите о плотскихъ и кровавыхъ,
 Безчеловѣчныхъ дѣйствіяхъ, о казняхъ
 Случайныхъ, неумышленныхъ убійствахъ,
 О смерти чрезъ коварство и насилье,
 О замыслахъ обманчивыхъ, что пали,
 При этой катастрофѣ, на того,
 Кто замышлялъ ихъ,—я могу правдиво
 Все это разъяснить.

Фортинбрасъ.

Мы послѣшимъ

Васъ выслушать. Пусть созовутъ вельможъ.
 Что до меня, то я встрѣчаю съ грустью
 Свое же счастье; въ этомъ королевствѣ
 Имѣю я старинныя права,—
 Теперь же я съ надеждой на успѣхъ
 Могу ихъ предъявить.

Гораціо.

На этотъ счетъ

При случаѣ я вамъ скажу кой-что
 Отъ имени того, чей голосъ сильно
 Поможетъ вамъ; но кончимъ прежде это,
 Пока умы взволнованы; иначе
 Ошибка или умысль способны
 Наклепать новую бѣду.

Фортинбрасъ.

Пусть трусь

Гамлета, какъ военнаго, внесутъ

Четыре капитана на помость;

Когда-бъ ему пришлось, то, вѣроятно,

Онъ показалъ бы царственную доблесть.

При шествіи, пусть въ честь его гремятъ

И музыка военная, и залпы.

Возьмите тѣло; зрѣлище такое

Прилично битвѣ, здѣсь же неумѣстно,

Велите же стрѣлять.

(Уходятъ, маршируя; слѣдомъ слышны залпы).

КОНЕЦЪ.